

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»
Научно-исследовательский институт прикладной этики

**ВЕДОМОСТИ
ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ**

Выпуск пятидесятый

**ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Под редакцией В.И. Бакштановского

Тюмень
Тюменский индустриальный университет
2017

Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра

Вестник прикладной этики. Вып. 50 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. – 253 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

Выпуск 50-й – юбилейный – «Вестников прикладной этики» собран вокруг темы «Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра». Он посвящен размышлениям сложившегося вокруг журнала профессионального сообщества над основной темой журнала, определенной его названием. Сквозное направление этих размышлений – ретроспективное и перспективное видение пути прикладной этики в отечественных условиях. Особое внимание авторы выпуска уделяют проблематизации практического эффекта от этико-прикладного знания.

РЕДАКТОР

В.И. Бакштановский, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.Г. Апресян, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

А.А. Гусейнов, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН

Е.И. Головаха, д.ф.н., проф., Институт социологии НАН Украины

М.В. Богданова, д.с.н., гл. н. с. НИИ ПЭ ТИУ

Е.В. Беляева, д.ф.н., проф., Белорусский государственный университет

Ю.В. Казаков, к.с.н., Общественная коллегия по жалобам на прессу СЖ РФ

И.М. Ковенский, д.т.н., проф., ТИУ

А.В. Прокофьев, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

М.М. Рогожа, д.ф.н., проф., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, (Украина)

А.Ю. Согомонов, к.ист.н., Институт социологии РАН

Г.Л. Тульчинский, д.ф.н., проф., НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Ответственный секретарь журнала М.В. Богданова. Редактор выпуска И.А. Иванова. Ответственный за выпуск А.П. Тюменцева.

Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Обложка: М.М. Гардубей.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

© Научно-исследовательский институт прикладной этики, 2017

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет». 2017

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen»
Applied Ethics Research Institute

**SEMESTRIAL PAPERS
OF APPLIED ETHICS
Issue 50**

**APPLIED ETHICS
IN MODERN RUSSIA:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

Editor
V. Bakshtanovsky

Tyumen
Industrial University of Tyumen
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	6
-----------------------------	---

Теоретический поиск

<i>А.В. Прокофьев</i>	
Автономия профессионала и автономия профессии	9
<i>Г.Л. Тульчинский</i>	
Прикладная этика и новые модели социума	30
<i>Р.Г. Апресян</i>	
Прикладная этика: традиция, предтечи, прецеденты	41
<i>А.В. Разин</i>	
Базовые этические программы и принятие решений в биомедицинской этике	51
<i>В.Ю. Перов</i>	
Каким профессиям нужна профессиональная этика?	67
<i>А.А. Сычев</i>	
Экологическая этика в России: становление и перспективы развития	79
<i>С.П. Жукова</i>	
К вопросу о трансдисциплинарном характере прикладной этики	91

Рубрика академика А.А. Гусейнова

Этика науки	103
-------------------	-----

Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития

<i>А.Ю. Согомонов</i>	
«Устойчивый университет» (образ будущего, актуальные проблемы и тренды)	117
<i>М.В. Богданова</i>	
Этос университета: признак идентичности или артефакт культурной памяти?...	134

<i>Е.Н. Викторук, Ю.Н. Москвич</i>	
Мотивации успеха студентов сегодня: ставка на внутренние ресурсы	143

Ойкумена прикладной этики

<i>Ю.В. Казаков</i>	
Набережная неисцелимых и время неисправимых. О скелетах в шкафах – и не наступающей моде	157
<i>В.А. Абиькенова</i>	
Институты регулирования дуализма профессиональной и корпоративной этик в журналистике (анализ практического опыта)	178
<i>И.Ю. Алексеева</i>	
Нужен ли историку этический кодекс?	198
<i>Е.В. Беляева</i>	
Прикладная социология и прикладная этика: соотношение ценностей	206

Из истории инновационной парадигмы

<i>В.И. Бакштановский</i>	
В поиске идентичности этико-прикладного знания: у истоков инновационной парадигмы прикладной этики	215
<i>Summary</i>	240
<i>Авторы выпуска</i>	248
<i>List of authors</i>	250
<i>О журнале</i>	252

Предисловие редактора

СОВСЕМ незаметно (?!) пришло время готовить 50-й выпуск «Ведомостей прикладной этики». Естественно было предложить (не)зримому колледжу сложившегося вокруг журнала профессионального сообщества отметить этот юбилей размышлением над основной темой журнала, определенной его нехитрым названием.

Заявленная на старте жизни журнала его цель – дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания, продвижение научных результатов в практику.

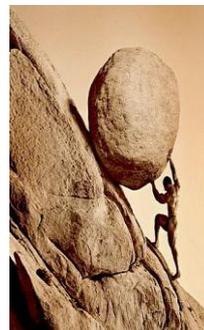
Его задачи: поддержание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях ее развития; развитие инновационной парадигмы этико-прикладного знания. А одно из его основных направлений – университетская этика.

Масштаб юбилейного замысла: сегодня прикладная этика стремится стать драйвером развития нормативно-ценностных систем разных профессий, которое, в свою очередь, может стать драйвером развития общеобщественной морали.

Соответственно, сквозным направлением в рефлексии авторов 50-го выпуска стало ретроспективное и перспективное видение пути прикладной этики в отечественных условиях. И собирающая тема выпуска: *«Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра»*.

В ЖИЗНИ нашего журнала уже были попытки рефлексии с подобным алгоритмом.

«Самотлорский практикум – 20 лет спустя» (выпуск 29)¹. Этот выпуск был посвящен новому проекту НИИ ПЭ «"Двадцать лет спустя": экспертиза-консилиум моральной ситуации в российском обществе». В основе проекта гипотеза о том, что современная ситуация в нашем обществе – новое перепутье, ситуация выбора обществом ценностных ориентиров своего развития. И, тем самым, новый вызов развивающейся прикладной этике.

¹ См.: Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tyuiu.ru/media/files/2011/03_10/tekst-29.pdf> (дата обращения 20.05.2017).

«Парадигмы прикладной этики: экспертиза ситуации в этико-прикладном знании и приглашение к рефлексивному самоопределению» (выпуск 35)². В этом выпуске были представлены материалы проекта, исполняемого в технологии экспертного опроса. Тематические направления самоопределения: инерционный и инновационный сценарии развития прикладной этики; ее базовые парадигмы; самоидентификация с парадигмами; практикуемые ноу-хау. Участники проекта – эксперты, так или иначе вовлеченные в этико-прикладную проблематику: исследователи-этики; преподаватели различных сфер прикладной этики; теоретики и практики профессий и надпрофессиональных видов деятельности, продуцирующих проблемы прикладной этики.

«Миссия прикладной этики: актуальные вызовы» (выпуск 45)³. Этот выпуск «Ведомостей прикладной этики» был тематически сосредоточен на магистральной повестке дня, которую НИИ ПЭ разрабатывал в течение двадцати лет: «Прикладная этика в динамичном мире». Составляющие этой повестки: трансформация ситуации в общественной морали; траектория динамики моральной ситуации в мире современных профессий; вечное и актуальное в моральной ситуации Инженерного Дела; проблемная ситуация в университетской этике; ситуация в этико-прикладном знании; идея множественности парадигм прикладной этики

СЕГОДНЯ назрела необходимость и создалась возможность сосредоточиться на размышлениях об уже ближайшем будущем прикладной этики (этико-прикладного знания) в современной России.

Можно ли и дальше откладывать поиски ответов прикладной этики на вызовы моральной ситуации, которые предлагались сообществу уже несколько лет назад.

* Чем может ответить этико-прикладное знание на такие возникшие в публичном дискурсе оценки ситуации в обществе, как *«усложнение морали»*, *«разложение морали»*, *«нарастание морального кризиса»*, *«развитие аномической деморализованности»*, *«дефицит морали»*, *«конфликт традиционной и современной морали»* и т.д.?

² См.: Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tyuiu.ru/media/files/2011/03_10/vedomosti-vypusk-35.pdf> (дата обращения 20.05.2017).

³ См.: Миссия прикладной этики: актуальные вызовы. Ведомости прикладной этики. Вып. 45 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. [Электронный ресурс]. URL: < https://www.tyuiu.ru/media/files/2015/02_09/vedomosti-45_1.pdf > (дата обращения 20.05.2017).

Nota bene: не уходит ли с центрального места в характеристике современной ситуации в общественной морали ее инвариантный признак – ситуация морального выбора?

* Готово ли ответить этико-прикладное знание на такие тенденции в жизни морали, как:

упорное редуцирование высокой миссии, смыслоценностного содержания целого ряда профессий к их функциональному назначению;

кризисное понижение морального статуса профессионала в связи с его включением в работу в гос- и бизнес-организаций;

рискованное «размывание» ценностного мира высоких профессий в связи с агрессивным наступлением смежных видов деятельности, как это происходит с журналистикой в ситуации активности PR, рекламы, пропаганды ?

* Каков практический потенциал этико-прикладного знания в решении проблемной ситуации, характерной для университетской этики:

движение Университета от этики профессиональной → к этике корпоративной?

риски нарастающей тенденции корпоративного управления моральными ценностями Университета?

* Каковы перспективы ситуации в этико-прикладном знании с точки зрения развития его традиционного и инновационного направлений:

в какой мере принята профессиональным этическим сообществом идея множественности парадигм прикладной этики? Работает ли она за пределами исследований НИИ ПЭ?

Есть ли возможность и необходимость дополнить набор парадигм прикладной этики – в сравнении с первоначальной типологией, заявленной в «Ведомостях прикладной этики», вып. 35?

НЕКОТОРЫЕ из желанных ответов на эти вопросы уже представлены в юбилейном выпуске.

Ждать ли следующего юбилея, чтобы получить ответы и на другие вопросы?

А.В.Прокофьев

УДК 174

Автономия профессионала и автономия профессии

Аннотация. В статье проведен анализ двух видов автономии, на которую опирается профессионально-этическое регулирование: автономии отдельного профессионала и автономии профессии (профессионального сообщества). Исследование призвано сформировать теоретический контекст обсуждения вопроса о полномочиях профессиональных сообществ (ассоциаций) в отношении своих членов. Оно стало результатом запроса одной из осуществляющих лицензирующие функции профессиональных ассоциаций на проведение экспертизы по делу об исключении из числа его членов нарушителя этического кодекса. Основой анализа является так называемый «оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии» (Дж.Иветтс). В рамках этого подхода деятельность профессионала отличается такой способностью использования знаний и умений, который предполагает высокую степень независимости как от потребителя его услуг (клиента), так и от вмешательства со стороны различных общественных институтов. Эту сторону деятельности профессионалов часто называют их автономией. Осуществление такой автономии возможно лишь при высокой степени доверия со стороны клиентов и общества. Гарантом того, что специалист достоин доверия, может быть лишь сообщество самих профессионалов, обеспечивающее их ориентацию на идеал служения общему благу, разрабатывающее нормативные требования к их деятельности и отслеживающее исполнение таких требований. Для того, чтобы сохранялись преимущества профессиональной экспертизы и профессионального исполнения, сообщество также должно иметь высокую степень независимости от общественного контроля. Автономия профессии является фундаментом автономии профессионала. Несмотря на то, что оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии можно считать в целом обоснованным, учет аргументации его критиков заставляет дополнять меры по обеспечению автономии профессиональных сообществ (ассоциаций) институциональными механизмами выражения недоверия им.

Ключевые слова: мораль, профессиональная этика, автономия профессионала, автономия профессионального сообщества (ассоциации), Э.Фрейдсон

Об одной этической экспертизе

Прикладные этические исследования довольно часто вырастают из практики экспертной, консультационной или организационной деятельности, в которую оказывается вовлечен конкретный прикладной этик. Данная статья имеет именно такую судьбу. Необходимость

специального обращения к проблематике профессиональной автономии актуализировалась для меня в связи с недавним предложением выступить в качестве эксперта в связанном с профессиональной этикой судебном деле. Я ответил согласием на просьбу одной из адвокатских коллегий ответить на ряд вопросов, касающихся нормативного содержания и механизмов функционирования профессионально-этического регулирования и оформить их в виде экспертного заключения. Дело касалось вынесенного ранее коллегией решения об исключении одного из своих членов в связи с нарушением им требований адвокатской этики. Нарушение состояло в критических, а по мнению этической комиссии коллегии, не просто критических, но неуважительных и оскорбительных публичных высказываниях в адрес профессионального сообщества. Исключенный член коллегии обжаловал это решение в суде, и коллегия оказалась перед лицом необходимости доказать суду оправданность исключения.

Отстаивая свою позицию, она обратилась к нескольким экспертам по вопросам профессиональной этики, выбрав, на мой взгляд, вполне разумный, «эшелонированный» подход к выбору тем экспертных заключений. Часть запросов была направлена специалистам по профессиональной этике юриста. Они, имея представление о конкретном кейсе, оценивали адекватность решения коллегии в перспективе конкретных этических документов и действующего законодательства РФ. Один запрос, направленный в мой адрес, касался исключительно общего контекста разбиравшегося случая. От меня требовался не анализ ситуации, о которой я имел лишь самые общие сведения, а ответ на некоторые вопросы о профессиональной этике в целом, которые коллегия как сторона судебного процесса собиралась использовать для подтверждения правоты собственной позиции. Вопросы были следующими: «Распространяются ли нормы профессиональной этики на действия представителя сообщества вне рамок исполнения им непосредственных профессиональных обязанностей?»; «Можно ли зафиксировать исчерпывающий перечень поступков, которые являются нарушением этических норм?»; «Допустимо ли толкование, разъяснение судом порядка применения профессиональных этических норм, разработанных саморегулирующимся профессиональным сообществом (ассоциацией)?».

Отвечая на первый вопрос, я указал на то, что среди задач профессиональной этики присутствует такая задача как сохранение авторитета профессионального сообщества в глазах общества в целом, а также его отдельных групп и представителей. Это связано с тем, что общественно полезная деятельность профессионалов оказывается заметно менее успешной в том случае, если они перестают

восприниматься общественным мнением как уважаемая корпорация, состоящая из специалистов, добросовестно и ответственно исполняющих свои функции. В этой связи создатели профессионально-этических документов стремятся разграничить между собой те поступки, которые идут в разрез с нормами общечеловеческой морали, но не затрагивают профессиональную пригодность специалиста, и те, которые, несмотря на отсутствие прямой связи с профессиональной практикой, свидетельствуют о непрофессионализме совершающего их человека. Последние подвергаются этическим санкциям разной степени жесткости – вплоть до отказа принять в сообщество или решения об исключении из него¹. Однако на этических органах профессионального сообщества (уполномоченных, комиссиях, комитетах) лежит обязанность добиться того, чтобы нормы общечеловеческой морали не получали ригористическую и морализаторскую интерпретацию, случаи их нарушения рассматривались в широком биографическом контексте и в связи с их потенциальным влиянием на деятельность специалиста, а неуважение к институтам профессии не смешивалось с их предметной, содержательной, основанной на фактах критикой.

Во втором случае мой ответ опирался на утверждение, что профессионально-этическая нормативность совмещает в себе требования, дублирующие правовые предписания и должностные обязанности профессионала, с требованиями, которые не совпадают с ними. Соответственно, нарушение требований второго рода не может быть зафиксировано с помощью правовых или дисциплинарных процедур. Причина невозможности также двояка: а) они представляют собой независимое дополнение к правовой, должностной и дисциплинарной нормативности; б) в какой-то своей части они являются не предписаниями, обращенными к поступкам, а требуют от профессионалов формировать определенные психологические установки или убеждения («будь таким-то», «уважай такие-то ценности» и т.д.). Вынесение оценок, связанных с нарушениями нормативных ориентиров, сформулированных как ценности или добродетели, является чрезвычайно сложной задачей, которая решается в ходе коллективного обсуждения поступка или серии поступков людьми, имеющими

¹ В зарубежной практике этического регулирования деятельности юристов задача решается за счет выдвижения следующих критериев принадлежности к сообществу: соответствие поведения человека доминирующим в обществе «личным ценностям», отсутствие вопиющих случаев нечестности (в том числе получивших судебную оценку), уважительное отношение к правовому порядку в целом и отдельным юридическим институтам (см., напр.: [24, 248]).

большой опыт работы по профессии, проникнутых ее базовыми ценностями и имеющих значительный авторитет среди членов ассоциации. Именно они и должны входить в этические комиссии и комитеты. В процессе вынесения этической оценки на основе коллективного обсуждения кейсов решающую роль играет учет большого количества таких факторов, которые превращают каждый обсуждаемый случай в глубоко контекстуализированный и даже уникальный. Следует, однако, иметь в виду, что требования обсуждаемого типа относятся в основном к тем действиям, которые по общему правилу не выступают основанием для применения радикальных санкций, граничащих с правовой или дисциплинарной ответственностью. Отклонения от ценностей профессии, не являющиеся нарушениями прямого предписания или запрета, содержащегося в этическом кодексе, влекут за собой не столько лишения и ограничения, находящиеся в пределах компетенции этической инфраструктуры, сколько вынесение публичных оценок, призванных актуализировать у нарушителя чувство стыда перед «значимыми другими». Такие отклонения могут становиться поводом для более жестких санкций только в связи с их систематичностью (серийностью).

Ответ на третий вопрос, который я приведу в конце данной статьи, потребовал обсуждения границ независимости профессиональных сообществ и ассоциаций. В современной литературе по профессиональной этике это пространство теоретического поиска часто называют «проблемой автономии профессии». А она, в свою очередь, тесно связана с проблемой независимости, или автономии, отдельного профессионала. Отвечая на вопрос экспертизы, я опирался на конкретный образ, или конкретную модель, профессиональной практики, в рамках которой сочетание автономии профессионала и автономии профессии является важным инструментом реализации общественного блага. При этом я не рассматривал альтернативные подходы и формирующиеся на их основе возражения, поскольку не считаю, что эти возражения достаточно сильны, чтобы повлиять на экспертную оценку. Однако формат статьи позволяет обратиться к этому материалу.

Оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии

Существует образ профессии, который выкристаллизовался в первой половине XX в. и основан на осмыслении практики и способов самоорганизации таких видов трудовой деятельности как врач и юрист-представитель. Этот образ включает в себя несколько характеристик профессиональной деятельности, которые замкнуты друг на друга и легко складываются в целостную концепцию, являющуюся не

только социологическим описанием профессии, но и ее моральным обоснованием (своего рода нравственной апологией профессионализма). Известный современный социолог Дж.Иветтс назвала этот вариант понимания феномена профессии «оптимистическим взглядом на трудовую ценность профессионализма» [10, 410]. В формировании подхода участвовали такие видные фигуры в интеллектуальной истории Западной Европы как Т.Парсонс [25] и Р.Тауни [27], а также менее выдающиеся социологи [16, 17]. В российской этической традиции оптимистическое понимание трудовой ценности профессии самоотверженно отстаивается в многочисленных работах В.И.Бакштановского. Квинтэссенцией его понимания феномена профессионализма является формула: «ответственность не только за *правильное* исполнение работы, но и за исполнение *правильной* работы» [2, 10].

Позитивный образ профессиональной деятельности складывался в связи с двумя ее особенностями: 1) способностью профессионала в силу специфического характера его знаний и умений наиболее эффективно удовлетворять потребности общества и отдельных его членов; 2) прямой ориентацией на идеал служения общественному благу (вернее, каким-то отдельным его аспектам). По замечанию Т.Дональдсона, каждая из этих особенностей может выступать в качестве центрального свойства профессии внутри какой-то конкретной «оптимистической» концепции профессионализма, но, в конечном итоге, она все равно дополняется за счет введения второй, хотя бы на вспомогательной роли. Концепции «набора знаний и умений» неизбежно смыкаются с концепциями «защиты уязвимых ценностей» и насыщают образ профессии иными, дополнительными характеристиками [8, 87–88].

Отвлекаясь от многообразия частных теоретических схем, я попытаюсь представить «оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии» в самом общем виде. Профессионал, в отличие от представителя какого-то непрофессионального вида трудовой деятельности (для этих видов в англоязычной исследовательской литературе часто используется понятие *occupation*), исполняет такие функции, которые требуют продолжительного обучения, совмещающего освоение глубоко специализированного теоретического знания с выработкой способности творческого применения своих знаний к уникальным ситуациям. Задачи профессионала никогда не исчерпываются реализацией (пусть даже очень точной, быстрой и эффективной) ряда стандартизированных операций и могут быть решены лишь на основе квалифицированного экспертного суждения. В этой связи он приобретает приоритетное право высказываться по поводу

предметов его специализации – своего рода монополию, которой лишены неспециалисты. Это формирует изначальную асимметрию в отношениях профессионала и тех, кто обращается к нему за советом или помощью, т.е. его «клиентов». Такая асимметрия является следствием не только того, что у одних людей имеются особые знания и умения, а у других они отсутствуют, но также особых эмоциональных установок, которые сознательно культивирует в себе профессионал (среди них – объективность и отстраненность). Именно поэтому успешность деятельности профессионала оказывается под вопросом, когда он пытается обслуживать собственные потребности или потребности своих близких.

Отношения между профессионалом и клиентом качественно отличаются от отношений покупателя и продавца (даже если перед нами покупка и продажа услуг, а не товаров). Покупатель исходит из посылки, что ему известны свойства желаемой покупки. Он диктует свои требования продавцу-посреднику или продавцу-производителю. В профессиональном контексте речь идет, скорее, не об оплаченном исполнении желаний, а об удовлетворении довольно общих и неопределенных потребностей клиента и, соответственно, о решении столь же неопределенных задач, которые ставит клиент перед профессионалом. В этой связи уже не только сам клиент, но и привлеченный им профессионал определяет (или хотя бы конкретизирует) благо и зло для клиента. Последнему не остается ничего другого, кроме как принять профессиональное суждение или обращаться к разным профессионалам. Но в любом случае он оказывается вынужден доверять кому-то из них или их консилиуму. Кроме того, клиенту не доступна глубокая и всесторонняя оценка возможностей решения той его проблемы, с которой он обратился к профессионалу. Ему не известен весь арсенал имеющихся средств ее разрешения и отношение каждого из этих средств к его собственному уникальному случаю. Это также влечет за собой невозможность полноценного контроля и необходимость обоснованного доверия профессионалам со стороны клиентов. Подобный характер отношений с клиентом представляет собой первую сторону такого явления как автономия профессионала. Для получения всех тех выгод, которые дают квалифицированная экспертная оценка практических ситуаций и опирающиеся на нее действия, направленные на разрешение практической проблемы, специалисту необходимо предоставить возможность принимать и осуществлять находящиеся в области его компетенции решения независимо. Конечно, автономия клиента также должна быть защищена. Он должен получать от профессионала достаточную информацию об альтернативных способах реагирования на его по-

требности, ему должно быть предоставлено всесторонне обеспеченное право обращаться к разным профессионалам и т.д. Но даже при самой широкой трактовке автономия клиента никогда не будет равна автономии простого покупателя, поскольку в этом случае будут потеряны все плюсы обращения к услугам профессионала².

Другая сторона автономии профессионала касается уже не его отношений с клиентами, а его отношений с обществом, которое, по разным причинам, может пытаться поставить его практику под свой контроль. Это могут быть попытки подчинить профессиональную деятельность каким-то политико-идеологическим задачам, а могут быть и просто меры, направленные на защиту интересов клиента. Второй аспект внешнего социального контроля над профессиональной практикой является более значимым в том смысле, что он не связан с каким-то частным, требующим коррекции состоянием общества. Стоящая за ним потребность совпадает с той потребностью, которую, в конечном итоге, удовлетворяет сама по себе профессиональная деятельность – обеспечение блага общества и его отдельных членов. Механизмы внешнего социального контроля призваны придать деятельности профессионала прозрачность за счет использования общедоступных критериев оценки его деятельности (его экспертных суждений, решений и способов их реализации). Обратной стороной введения таких критериев является признание возможности создать более или менее строгие технические правила, по которым профессиональные решения уже не оцениваются, а принимаются и реализуются. Однако в этом случае стремление защитить клиента прямо ведет к алгоритмизации деятельности профессионала, а это грозит потерей всех преимуществ обращения к специалисту именно этого типа. Соответственно, профессиональная деятельность может быть эффективной лишь в том случае, если профессионал будет иметь существенную независимость не только по отношению к тем, кто пользуется его услугами, но и по отношению к любым внешним источникам контроля, сковывающим и тривиализирующим профессиональное суждение.

Таким образом, автономия профессионала таит в себе скрытый парадокс. Позиция профессионала по отношению к клиентам является асимметричной в том, что касается знаний и возможностей. Она постоянно порождает искушение злоупотребить доверием ради реализации различных собственных интересов. Вместе с тем, внешний контроль или устранение асимметричности отношений с клиентом

² Образцовое описание отличия отношений профессионал – клиент и продавец – покупатель услуг см.: [28, 23–24].

могут уничтожить все те потенциальные блага, которые обещает обществу и его членам профессионализация отдельных видов труда. Соответственно, для выхода из тупика необходимо найти такие средства, которые, во-первых, формировали бы у клиентов и общества доверие к профессионалам, несмотря на недоступность деятельности последних для эффективного прямого контроля; во-вторых, резко ограничивали бы количество случаев злоупотребления доверием со стороны профессионалов, а также количество имитаций профессиональной деятельности как откровенно корыстных, так и бескорыстных. Одним из средств выхода из подобного тупика считается профессиональное сообщество, обладающее культурно-идеологическими и организационно-институциональными проявлениями. У него имеются такие инструменты регулирования профессиональной деятельности, которые не разрушают эту важнейшую общественно полезную практику.

Взятое в своей культурно-идеологической ипостаси профессиональное сообщество является источником ряда убеждений, воспитываемых у его членов в ходе длительной профессиональной подготовки и поддерживаемых позднее на основе общения между коллегами. Среди таких убеждений – приверженность идеалам общественного служения и профессиональной добросовестности. Хотя профессиональная деятельность является средством материального обеспечения жизни профессионала, интерес в увеличении собственного благосостояния всегда совмещен у него с пониманием важности своего дела для реализации центральных потребностей общества. Репутация человека, честно и эффективно выполняющего важное дело, имеет для профессионала самостоятельный и очень существенный вес. Успешность профессиональной карьеры никогда не измеряется исключительно в категориях дохода и жизненного комфорта. Сохранение возможности осуществлять общественное служение серьезно влияет на все решения, связанные с изменением характера профессиональной карьеры или с уходом из профессии. Если система формирования этих убеждений эффективна, то у клиентов больше оснований доверять профессионалу, а общество в целом – в лице государственных управленческих структур или неправительственных организаций – может проявлять меньше озабоченности потенциальными злоупотреблениями профессиональной автономией.

На стыке культурно-идеологической и организационно-институциональной ипостасей профессионального сообщества находятся профессионально-этические кодексы, которые закрепляют идеал служения и конкретизируют нормы, которые регулируют поведение профессионала, принадлежащего к определенной сфере деятельно-

сти. Они указывают на типичные способы, которыми профессионал может злоупотребить доверием клиента или способствовать разрушению этого доверия. Кодекс очерчивает сферу ответственности, возлагаемой профессиональным сообществом на своих членов, и, одновременно, демонстрирует обществу те требования, на основе которых представители профессии оценивают друг друга. Другими словами, он является как инструментом саморегуляции сообщества, так и одной из опор, на которых держится высокая репутация его членов, без которой было бы трудно добиться доверия со стороны клиентов и общества в целом.

В своей сугубо организационно-институциональной ипостаси сообщество, используя стимулирующие воздействия и санкции, способствует приведению деятельности профессионалов в соответствие с нормативными ориентирами, закрепленными в кодексах. Даже если сообщество (ассоциация) не осуществляет функций по лицензированию работников определенной трудовой сферы и не имеет существенного влияния на систему подготовки специалистов, сама по себе принадлежность к нему повышает самоуважение профессионала и увеличивает его привлекательность для клиентов на рынке труда. На этой основе формируется его чувствительность к порицаниям и поощрениям, исходящим от организованной группы коллег. В особенности серьезной является угроза формального публичного исключения из ассоциации профессионалов. Но и другие знаки, фиксирующие место специалиста внутри профессионального сообщества или отношение сообщества к нему, имеют большое значение. Еще Парсонс отмечал, что в профессиональной среде символические порицания и вознаграждения весят не меньше, чем финансовые потери и приобретения [25, 464–465]. Если же сообщество имеет функции допуска/недопуска специалиста на рынок труда, то его регулирующая роль оказывается еще большей. Положительная оценка со стороны коллег превращается в условие продолжения профессиональной карьеры.

Почему так важны все три упомянутых выше проявления регулирующей деятельности профессиональных сообществ? Потому что на их основе профессионалы контролируют себя *сами*. Оценка качества профессиональной практики в значительной мере отдана в руки тех самых людей, которые прошли длительную теоретическую и практическую подготовку, придающую ценность профессиональной экспертизе и профессиональному исполнению тех или иных функций. В одной из своих работ по концептуализации ориентированных на практику этических исследований российский теоретик Р.Г.Апресян писал следующее: «Наличие профессиональных ассоциаций, какими

бы они ни были, так существенно, поскольку именно они (а не общество) могут непосредственно и со знанием дела контролировать своих ассоциатов. Но для этого профессиональные ассоциации сами должны утверждать себя в качестве авторитета. Проблематичность последнего обусловлена такой... характеристикой профессии, как автономия. Если профессия по определению должна быть автономной, то как возможно установление, пусть и внутри нее, авторитета? Думается, контroversия, как будто обнаруживающаяся здесь, во многом мнимая: автономия касается именно профессии, причем профессии в ее отношениях с обществом... авторитетом же должна обладать ассоциация, создаваемая профессионалами и призванная... следить за сохранением качества и достоинства профессии» [1, 182–183].

Это рассуждение, на мой взгляд, является довольно точным описанием этической роли и морального значения профессиональных сообществ (ассоциаций) в рамках оптимистического взгляда на трудовую ценность профессий. Однако один его пункт все же приходится подвергнуть сомнению. Это пункт о распределении авторитета и автономии. В свете сказанного видно, что в рамках реконструируемого подхода профессионал, принадлежащий к самоорганизующемуся сообществу, не теряет своей автономии или не лишен ее изначально. Напротив, частичная автономия профессионала по отношению к влиянию клиентов и по отношению к общественному контролю и управлению существует именно на основе автономии профессии, то есть относительной независимости профессиональных ассоциаций от общества. Действительно, профессионал подчиняется авторитету профессионального сообщества и соглашается на его контроль. Однако смысл этого контроля состоит именно в том, что он позволяет выделить и сохранить сферу независимых индивидуальных решений, а также в том, что контрольные функции осуществляются посредством оценок, имеющих все признаки профессиональной экспертизы.

Завершая свою реконструкцию оптимистического подхода к трудовой ценности профессии, я хотел бы упомянуть всего одну конкретную теорию, которая его выражает. На настоящий момент именно она является кульминационным пунктом в его развитии. Это концепция, разработанная в поздний период своего творчества одним из самых известных социологов профессии Э.Фрейдсоном. Он рассматривал профессионализм как один из трех основных подходов к контролю за трудом, наряду с рыночным и бюрократическим его регулированием. В случае с рынком (смитовская модель) постановку задач и условия их выполнения диктует потребитель, в случае с бюрокра-

тическим управлением (веберовская модель) их определяет и отслеживает менеджер. Профессионализм же представляет собой принципиально иной вариант регулирования, который предполагает постановку задач преимущественно теми людьми, которые занимаются определенным видом трудовой деятельности. Это так называемая «третья логика» организации труда. «Свобода суждения и свобода избирать цели своей работы, – писал Фрейдсон, – одушевляют институты третьей логики. Они выражает самую душу профессионализма» [15, 217].

Если представить профессионализм как идеально-типическую модель, то он, по мнению Фрейдсона, включает в себя следующие элементы. «Во-первых, совокупность знаний и умений, которая официально признана в качестве базирующейся на абстрактных понятиях и теориях и требует от того, кто ее использует, значительной свободы выбора; во-вторых, контролируемое участниками определенного вида деятельности разделение труда; в-третьих, контролируемый участниками определенного вида деятельности рынок труда, что предполагает необходимость специальных удостоверяющих квалификацию документов для вступления на этот рынок и участия в карьерной мобильности; в-четвертых, контролируемую участниками определенного вида деятельности систему подготовки специалистов, выдающую такие документы и обеспечивающую обучение, ассоциирующееся с “высокой образованностью” (эта система отделена от обыкновенного рынка труда); в-пятых, идеология, предполагающая служение некоторым трансцендентным ценностям и более высокую значимость исполнения хорошей работы в сравнении с экономическим вознаграждением» [15, 180].

Возражения и альтернативные подходы

Перед тем как принять оптимистическую концепцию профессии в качестве основы для рассуждения о правах профессиональных сообществ и ассоциаций, необходимо обратиться к возможным возражениям против нее. Они формируют гораздо более пессимистический взгляд на профессиональную альтернативу рынку и бюрократии. Первое существенное возражение связано с тем, что позитивный образ автономного профессионала и саморегулирующейся профессии вполне может являться не идеализированным отражением важного элемента обеспечения общественного блага, а идеологией, позволяющей с помощью отсылки к идее общественного блага обосновывать и продвигать групповой эгоистический интерес отдельной социальной группы. В основании притязаний профессиональных сообществ, в соответствии с этим подходом, лежит попытка создать монополизированную сферу предоставления услуг, внутри которой

можно получать максимальный доход и ускользать от общественного контроля и ответственности. Система профессионального образования, механизмы сертификации и формирование профессиональных субкультур являются способом консолидации привилегированной группы и вытеснения конкурентов, а саморегулирование и выдвижение идеала служения высшим ценностям – своего рода дымовой завесой, прикрытием ничем не оправданных привилегий на рынке труда. Под видом третьей логики организации труда скрывается паразитарная социальная практика, пытающаяся отвоевать свои позиции как по отношению к децентрализованному способу реализации общественного блага (свободному рынку), так и по отношению к централизованным формам его достижения (рациональной бюрократии).

Сторонников данной позиции довольно много [19, 20], в определенной степени [3]. Даже упоминавшийся выше Фрейдсон в ранний период своей исследовательской биографии отдал дань ее разработке и защите [14]. Однако она полна очевидных преувеличений и пристрастных суждений. Элементы эксклюзивизма, элитизма и монополии, сопутствующие профессионализации определенной трудовой практики, являются необходимой платой за использование плодов профессиональных знаний и умений, а также за постоянное развитие последних на основе концентрированных и организованных коллективных усилий. Альтернативой весьма относительной социальной закрытости профессиональных групп служит неконтролируемая и жесткая экономическая конкуренция дилетантов или глубоко стандартизированная деятельность специалистов, находящихся под прессом бюрократического контроля. Я вполне согласен с поздним Фрейдсоном, утверждавшим, что восприятие профессионализма в качестве простого способа монополизации рынка услуг и обеспечения привилегий элитной группе базируется на недопонимании профессии как сложной системы элементов, которые уравновешивают недостатки друг друга, а взятые вместе могут уравновешивать недостатки свободного рынка и менеджерского управления обществом. Поэтому реальная проблема социального дизайна состоит не в том, должны ли существовать автономные профессионалы и автономные профессии, а в том, как обеспечить границы и способы оптимального использования обществом феномена профессионализма. «Профессиональные институты, – замечает Фрейдсон, – подвержены злоупотреблениям со стороны профессий, но они являются всего лишь маской группового эгоизма и незаконно полученной власти» [15, 208]. Поиск границ должен быть чувствителен по отношению к конкретной общественной ситуации, в которой складывается

уникальное соотношение трех социальных сил: рынка, бюрократии и профессионализма³.

Второе возражение опирается на предположение о том, что профессионализм в том виде, как он представлен в рамках идеальной модели Фрейдсона, является ностальгической идеализацией. В таких формах профессиональная деятельность существовала лишь в определенный момент времени и в определенных социокультурных ареалах. В качестве модели выступают медицина и юриспруденция англоязычных стран позапрошлого и значительной части прошлого века. Такое локальное явление не может рассматриваться как образец и как нечто соразмерное рынку и бюрократическому управлению. Оно не может быть воспроизведено повсеместно, в особенности в современном социально-экономическом контексте. Дополнительную убедительность тезису о локальном характере саморегулирующихся форм профессиональной деятельности придает анализ дискурса профессионализма в современном обществе. На рубеже XX–XXI вв. возникло и было неплохо обосновано предположение о том, что идеал профессионализма поддерживается и внедряется не только изнутри «третьей логики» организации труда и усилиями профессиональных сообществ, но и усилиями государственных бюрократических структур и менеджеральных структур бизнеса, исходя из их собственных потребностей. В этой связи исследователи обсуждают разные формы профессионализации и разные типы профессионализма. Государственная бюрократия и менеджерский состав корпораций заинтересованы в эффективных средствах дистанцированного контроля над работниками, и работник, воспринявший некоторые элементы идеала профессионализма, оказывается в этом отношении очень удобен. Он ориентирован на независимую ценность добросовестной работы и символические формы отображения высокой квалификации, что позволяет обеспечить существенную экономию на усилиях по контролю и расходах по материальному стимулированию. При этом автономия на рабочем месте должна быть представлена усеченно, а самоорганизация и саморегуляция профессии – занять стро-

³ В этом смысле показательна судьба самого Фрейдсона. Его переход от критики к защите профессионализма был связан не столько с каким-то теоретическим прозрением, сколько с изменением общественных трендов. К середине XX в. господство некоторых профессиональных групп, действительно, стало напоминать простые привилегии за общественный счет, и он выступал как их критик. Однако позднее, когда менеджеральное и рыночное наступление начало угрожать гибелью профессионализму и профессиональным сообществам, он бросился на защиту последних (подробнее см.: [5, 104–105]).

го локализованную нишу (распределение знаков отличия, наложение этических санкций, связанных с нарушением трудовой дисциплины и т.д.). Такого рода профессионализм (для его обозначения часто используется понятие «организационный профессионализм») и такая профессионализация (некоторые исследователи применяют термин «профессионализация сверху») не создают коллективных субъектов, способных вступать в переговоры с управленческим аппаратом бизнеса или государства, отстаивая свою независимость. Отсюда следует, что рассуждения об автономии профессионала и автономии профессии являются всего лишь прикрытием одной из форм централизованного трудового дисциплинирования, граничащей с эксплуатацией. Они включены в своего рода менеджериальную игру, призванную умерить претензии наемных работников на основе использования позитивно заряженного концепта «профессионал» (исток притягательности которого уходят в давно отживший свое культурный контекст) – описание позиции см.: [12, 786–789], артикуляцию – [13], [21].

В ответ на последнее утверждение можно указать на то, что при очевидном наличии описанной выше тенденции «организационный профессионализм» и «профессионализация сверху» не являются единственными формами профессионализма и профессионализации. Есть и параллельный процесс, идущий изнутри сообществ, пытающихся воплотить «третью логику». Существуют специальности, в которых образцы самоорганизации и самоконтроля, сложившиеся в предшествующие пару столетий и нашедшие кульминационное выражение в англо-американском культурном контексте, сохраняются в более или менее полном виде. Есть такие специальности, для которых, по замечанию Фрейдсона, две противоположных логики организации труда просто не смогли сформировать альтернативный и при этом хоть сколько-то эффективный способ существования [15, 208]. А кроме того, «организационный профессионализм» и «профессионализация сверху» не так уж безнадежны в отношении своей инструментальности и усеченности. Формируемые ради осуществления прагматических целей эффективного управления они вполне могут стать при определенных условиях реальным средством выражения «третьей логики», породить сообщества (ассоциации), пусть не столь влиятельные и независимые, как сообщества юристов, врачей или нотариусов, но все же выступающие в качестве реальных коллективных субъектов.

Третье возражение опирается на критику исходного понятия в связке «автономия профессионала – автономия профессии – общественное благо» – понятия «автономия профессионала». Это возра-

жение попытался обосновать известный американский специалист по профессиональной этике М.Дэвис. По мнению Дэвиса, говоря об автономии профессионала, мы должны обсуждать возможность считать его автономной личностью, несмотря на то, что он подчиняется профессиональным этическим стандартам. Такая возможность существует, поскольку выбор профессии добровольен и является рациональным. Рациональность самоограничения на основе правил профессиональной этики определяется тем, что профессионал получает выгоды от своего статуса и, значит, имеет все основания ради сохранения репутации профессии соблюдать ее этический кодекс. При таком понимании профессиональной автономии внешние угрозы ей возникают только тогда, когда работодатель требует чего-то прямо противоречащего этическому кодексу профессии (например, подмены каких-то технических данных в инженерной практике). Неподчинение такому требованию как раз и позволяет специалисту сохранить свою профессиональную автономию. Однако случаи, когда за нее приходится бороться и даже просто задумываться о ней, по Дэвису, являются очень нечастыми [7, 453–455]. В литературе по профессиональной этике Дэвисово понимание автономии профессионала принято называть «узким». У него нет таких далеко идущих следствий, как в рамках теоретической схемы, реконструированной мной в предыдущем разделе статьи. Поэтому для Дэвиса и вопрос саморегулирования профессий не является сколько-нибудь острым.

Модель понимания профессионализма, кульминирующую в идее «третьей логики» Фрейдсона, Дэвис воспринимает как сугубо социологическое описание механизмов самосохранения некоторых профессиональных сообществ. Оно, по мнению Дэвиса, обобщает признаки некоторых видов трудовой деятельности, произвольно названных профессиями [6, 28]. Его собственная концепция профессии момент саморегулирования профессиональных сообществ не акцентирует. Он называет ее «сократовской», то есть пытающейся ассимилировать все интуиции, касающиеся природы профессионализма, и обобщает в следующей формулировке. «Профессия есть совокупность индивидов, принадлежащих к одному и тому же роду деятельности, добровольно организовавшихся для того, чтобы зарабатывать на жизнь, открыто служа определенному моральному идеалу морально допустимыми способами, но за пределами того, что на обязательной основе требуют юридический закон, рынок, мораль и общественное мнение» [6, 29].

Если обсуждать исключительно корректность способов, которыми в профессиональной этике используется понятие «автономия», то позиция Дэвиса имеет ряд преимуществ. Она поддерживает пря-

мую связь с философскими определениями автономии и вырастает из их анализа. Однако дело не в терминах, а в стоящем за ними содержании и в его значимости для понимания особенностей профессиональной практики. На месте слова «автономия» могло бы возникнуть и какое-то другое. Иветтс, к примеру, предлагает вести речь о «высокой степени дискреционности» [11]. Можно было бы говорить о трудовой независимости или о чем-то еще. Но это не меняет существа дела: независимость профессионала нужна для эффективного использования его знаний и умений, и она, в свою очередь, требует независимости сообщества, обладающего авторитетом в отношении своих членов. Вполне возможно, что в разных специальностях и практических контекстах нужна разная степень этих двух видов независимости, но ее общественную ценность невозможно отрицать⁴.

Что же касается интерпретации Дэвисом определений профессии в духе Фрейдсона, то она просто не совсем им соответствует. Они являются не произвольным описанием частных явлений, обобщенным до универсальной модели, а целостной нормативной концепцией профессии. Свойства, ярко представленные в медицине и некоторых областях юриспруденции, соотнесены в таких определениях с общественным благом и обобщены до одного из центральных способов его достижения. Эту методику выстраивания идеальной модели профессии лучше всего выразил Т.Дональдсон, предложивший не просто соотносить свойства профессиональной практики с общественным благом, а проводить их через воображаемую договорную процедуру, легитимизирующую каждое из них в отдельности и итоговый способ их сочетания [8, 88].

Обязанность подотчетности и институционализированное недоверие

Опираясь на проведенный выше анализ подходов к проблеме автономии профессионала и автономии профессии, я попытался сформулировать ответ на третий вопрос экспертизы. Так как мне представляется, что оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии и идеальная модель «третьей логики» имеют очень веские основания, а претензии к ним могут сформировать лишь достаточно важные, но при этом частные поправки, то я посчитал себя

⁴ Кстати говоря, если в требования профессиональной этики входит защита профессионалом своей независимости («повышенной дискреционности» своей деятельности) в качестве неотъемлемой своей прерогативы, то «узкое» понимание автономии профессионала вновь оказывается чрезвычайно «широким».

вправе использовать именно их в качестве теоретического фундамента экспертизы. Дополнительным обстоятельством, свидетельствующим в пользу такого подхода, было то, что экспертиза касалась такого вида деятельности, который традиционно служит в качестве одного из парадигмальных примеров «третьей логики» – адвокатской практики. Здесь связь автономии профессионала, автономии профессии и общественного блага (в виде эффективной реализации права граждан на защиту в суде) пронизывает всю идеологию профессионального сообщества.

Поэтому первая часть ответа на третий вопрос адвокатской коллегии выглядела следующим образом. «Профессиональная этика приобретает свою действенность при наличии реальной независимости профессиональных ассоциаций в вопросах разработки этической нормативной документации, формирования этических органов и применения этических санкций. Ассоциации обладают авторитетом в отношении своих ассоциантов, то есть признаваемым ассоциантами полномочием выносить этическую оценку некоторых их поступков. Казалось бы, такой авторитет противоречит лежащему в основе феномена профессионализма принципу автономии. Как известно, профессионал выступает в качестве эксперта, который должен быть свободен от любых форм внешнего давления, включая давление различных общественных институтов и его собственных клиентов. Иначе он не сможет качественно выполнять свои экспертные функции. Однако дело в том, что авторитет профессионального сообщества в отношении своих членов является скорее основой автономии, чем угрозой ей. Ведь условием отказа общества от непосредственного контроля за деятельностью профессионалов служит именно обоснованная надежда на то, что те смогут организовать эффективную систему этической саморегуляции. Автономия профессионала зиждется на автономии профессии, а автономия профессии не мыслима без полномочий сообщества выносить оценку деятельности своих членов. Только так могут быть сохранены качество и достоинство профессии».

Однако существует дополнительный аспект функционирования профессиональных сообществ, заставивший меня ввести в свой ответ на третий вопрос адвокатской коллегии вторую часть. В завершение данного исследования я хотел бы обратить внимание именно на него. Механизмы «третьей логики» опираются на доверие профессионалу со стороны тех, чьи интересы и потребности он обслуживает, применяя специализированное знание, и на доверие к профессиональному сообществу, которое занимается подготовкой, воспитанием, сертифицированием, обеспечением возможностей про-

фессионального роста своих членов и, в определенной мере, контролем над качеством их деятельности. Однако формирование песимистического подхода к пониманию трудовой ценности профессионализма не является случайностью. Там, где имеет место доверие, возможно и систематическое злоупотребление им как индивидами, так и коллективами. Если монополизация определенной сферы деятельности под прикрытием идеологии профессионализма и не является выражением самой сути саморегулирующихся профессий, то она явно представляет собой возможное искажение этой сути и создает угрозу позитивной общественной роли профессионализма. Профессиональное сообщество, в особенности получающее в свои руки функции сертификации специалистов, должно быть социально ответственным. А для обеспечения социальной ответственности сообществ их внутренних ресурсов, ресурсов саморегуляции, может не хватить. И в случае существенных сбоев в этом отношении общество должно обладать механизмами выявления недостаточно ответственной практики сообществ и ее коррекции.

Эта задача является парадоксальной – необходимо обеспечить общественный контроль над отношениями, которые по своей сути строятся на доверии. В социальной теории она часто рассматривается как одна из ключевых задач, стоящих перед любым демократическим обществом, стремящимся минимизировать полицейский и бюрократический контроль и, одновременно, сохранить пользующиеся доверием граждан общественные институты. Подчас она именуется задачей «институционализации недоверия» или «институционализации права граждан на недоверие». Ее активно обсуждали Дж. Брейтуэт и П.Штомпка (см.: [4, 26]). Институты выражения недоверия нацелены на формирование у разных общественных субъектов такого элемента их социальной ответственности, как обязанность отчитываться перед обществом в своих действиях или просто «подотчетность» («accountability»). П.Штомпка в этой связи призвал дизайнеров социального устройства искать «порог» или «среднеоптимальный уровень редких, но наглядных действий институтов подотчетности», посылающих гражданам двойное символическое послание: «а) такие институты бодрствуют и находятся в рабочем режиме... б) их действие необходимо не слишком часто, что свидетельствует о маргинальном характере патологий и о том, что в принципе доверие обоснованно» [26, 288]. В современной профессиональной этике (медицинской, юридической, журналистской, университетской и т.д.) обсуждение обязанности профессионалов давать отчет о своей деятельности и необходимости создать институционализированные возможности для проявления общественного недоверия к отдельным

профессионалам и объединяющим их ассоциациям в последние два десятилетия становится все более и более активным (см.: [9, 18, 22, 23]). Среди форм вынужденного и выборочного институционального контроля над деятельностью профессионалов упоминаются как общественный мониторинг, так и судебные разбирательства (подобные тому, с которым было связано мое экспертное заключение). При этом часто делается оговорка, что применение мер внешнего контроля должно быть последовательно нарастающим, зависящим от нарастания общественного недоверия к сообществу.

Именно поэтому, не имея информации о состоянии дел в конкретной профессиональной ассоциации и отвечая на порожденный практической коллизией, но все же общий и теоретический вопрос, я вынужден был сформулировать в заключение следующий развернутый тезис. «Однако необходимо учитывать, что перед нами идеальная модель или, вернее, описание идеальной ситуации. Взаимная поддержка автономии профессионала и автономии профессионального сообщества имеет место лишь в том случае, когда сообщество сохраняет свой «социально ответственный» характер и не превращается в замкнутую корпорацию, служащую корыстным (или корыстно-имиджевым) интересам отдельных групп и индивидов. На этот случай у общества должны быть средства воздействия на профессиональное сообщество, позволяющие корректировать его отдельные решения, менять институциональные структуры и нормативную основу функционирования. Параллельно должна существовать система общественного мониторинга деятельности профессиональных сообществ. Она призвана определять те моменты, когда иммунитет сообществ в вопросах этического регулирования перестает действовать». Данный тезис несколько расходился с задачей, которую ставила перед собой на суде профессиональная ассоциация, однако для отражения реального состояния дел в теории профессиональной этики он был совершенно необходим.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Вид на профессиональную этику // *Общепрофессиональная этика. Ведомости.* Вып. 25 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2004. С. 166–187.

2. *Бакштановский В.И.* Самопознание *высокой* профессии как задача императивно-ценностных документов университета // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2012. № 3 (34). С. 7–10.

3. *Abbott A.* The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
4. *Braithwaite J.* Institutionalizing Distrust, Enculturating Trust // Trust and Governance / Ed. by V.Braithwaite, M.Levi. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2003. P. 343–375.
5. *Brint S.* Saving the ‘Soul of Professionalism’: Freidson’s Institutional Ethics and the Defense of Professional Autonomy // Knowledge, Work & Society. 2006. Vol. 4. № 2. P. 100–129, 104–105.
6. *Davis M.* Is Public Administration a Profession? // Public Administration Research. 2013. Vol. 2. № 2. P. 26–36.
7. *Davis M.* Professional Autonomy: A Framework for Empirical Research // Business Ethics Quarterly. 1996. Vol. 6. № 4. P. 441–460.
8. *Donaldson T.* Are Business Managers ‘Professionals’? // Business Ethics Quarterly. 2000. Vol. 10. № 1. P. 83–94.
9. *Emanuel E.J., Emanuel L.L.* What Is Accountability in Health Care? // Annals of Internal Medicine. 1996. Vol. 124. № 2. P. 229–239.
10. *Evetts J.* A New Professionalism? Challenges and Opportunities // Current Sociology Review. 2011. Vol. 59. № 4. P. 406–422.
11. *Evetts J.* New Directions in State and International Professional Occupations: Discretionary Decision-Making and Acquired Regulation // Work, Employment, and Society. 2002. Vol. 16. № 2. P. 341–353.
12. *Evetts J.* Professionalism: Value and Ideology // Current Sociology Review. 2013. Vol. 61. № 5–6. P. 778–796.
13. *Fournier V.* The Appeal to ‘Professionalism’ as a Disciplinary Mechanism // Social Review. 1999. Vol. 47. № 2. P. 280–307.
14. *Freidson E.* Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. N.Y.: Dodd, Mead & Co., 1970.
15. *Freidson E.* Professionalism, the Third Logic: On the Practice of Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2001.
16. *Goode W.J.* Community Within a Community: The Professions // American Sociological Review. 1957. № 2. Vol. 22. P. 194–200.
17. *Hughes E.C.* The Professions // Daedalus. 1963. Vol. 92. № 4. P. 655–668.
18. *Johnsson L., Eriksson S, Helgesson G., Hansson M.G.* Making Researchers Moral: Why Trustworthiness Requires More Than Ethics Guidelines and Review // Research Ethics. 2014. Vol. 10. № 1. P. 29–46.
19. *Larkin G.* Occupational Monopoly and Modern Medicine. London: Tavistock, 1983.
20. *Larson M.S.* The Rise of Professionalism. Berkeley: University of California Press, 1977.

21. *McClelland C.E.* Escape from Freedom? // The Formation of Professions: Knowledge, State and Strategy / Ed. by M.Burridge and R.Torstendahl. London: Sage, 1990. P. 97–113.

22. *Meyer L.H.* Negotiating Academic Values, Professorial Responsibilities and Expectations for Accountability in Today's University // Higher Education Quarterly. Vol. 66. № 2. P. 207–217.

23. *Newton L.H., Hodges L., Keith S.* Accountability in the Professions: Accountability in Journalism // Journal of Mass Media Ethics. 2004. Vol. 19. № 3–4. P. 166–190.

24. *Parker C., Evans A.* Inside Lawyers' Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

25. *Parsons T.* The Professions and Social Structure // Social Forces. 1939. Vol. 17. № 4. P. 457–467.

26. *Sztompka P.* Does Democracy Need Trust, or Distrust, or Both? // Transparenz: Multidisziplinäre Durchsichten durch Phänomene und Theorien des Undurchsichtigen // Hrsg. S.A. Jansen, E.Schroeter, N.Stehr. Berlin: Springer, 2010. S. 284–291.

27. *Tawney R.H.* The Acquisitive Society. N.Y.: Harcourt Brace, 1920.

28. *Weingartner R.H.* Moral Dimensions of Academic Administration. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1999.

Г.Л. Тульчинский

УДК 17;378

Прикладная этика и новые модели социума

Аннотация. Прикладная этика испытывает в наши дни мощный вызов, который связан с необходимостью преодолеть разобщенность и недоверие в современном обществе. В статье рассмотрены возможности гармонизации разнообразия этосов, ценностно-нормативных систем. Особое внимание уделено возможностям, связанным с современными цифровыми коммуникативными технологиями.

Ключевые слова: блокчейн, доверие, интернет, прикладная этика, социальные сети, социум.

Когда журнал «Ведомости прикладной этики» в последний раз обращался к ставшей традицией регулярной рефлексии результатов и перспектив прикладной этики, мне уже приходилось отмечать два представляющихся принципиально важными тренда [10].

Первый из них обусловлен нарастающей ценностно-нормативной дивергенцией современного социума. Этому процессу способствуют урбанизация и бурное развитие информационно-коммуникативных технологий. Интенсивный и разнообразный городской образ жизни порождает новые и новые субкультуры – не только этнические и конфессиональные, профессиональные и досуговые, но уже и потребительские. Каждая такая субкультура порождает и привносит в социум, позиционирует в нем свой этос, свои представления об успешности, достоинстве, справедливости, добре и зле, красоте, ценности личности, даже – человеческой жизни и т.п. Это порождает не только «цветущее разнообразие» социального опыта, но и разобщение, переходящее в недоверие, а то и в конфликтность таких сообществ [6, 13]. А электронные социальные сети создают для этого новые исключительные возможности [8, 9]. И эта тенденция, как свидетельствуют современные политические реалии и их динамика, свойственна не только российскому обществу.

Объяснение происходящего «вавилонского столпотворения» этосов ссылкой на пресловутый постмодернизм с его ценностным релятивизмом объяснением не является, потому как в этом случае на место причин ставится весьма обобщенно квалифицированное следствие. Более того, именно понимание множества причин и факторов, порождающих этот процесс (помимо урбанизации, виртуализации жизненного пространства, к ним можно отнести консьюмеризм,

кризис демократии), делает все более актуальной задачу не столько категоризации, придумывания названия происходящему, сколько коррекции ситуации, поиска и активации механизмов и процедур реализации доверия между носителями различных этосов. И такой поиск становится вторым трендом перспектив прикладной этики, которая все в большей степени сегодня является не только и не столько системой описания, фиксации развития различных нормативно-ценностных систем, сколько драйвером поиска и развития некоей «общеобщественной морали».

Поиски такой «суперморали» не могут сводиться к выявлению неких инвариантов, общих различных этосов. Собственно, искать их особенно и не нужно. Они очевидны. Всем этосам всех субкультур свойственны ангажированность общей деятельностью, ее продвижением, стремление к тому, чтобы внешний социум считался с нею («уважал»), ее признанию социумом, позиционированию ее, верность и преданность сторонникам, лидеру, нетерпимость к «изменщикам». В этом плане нет принципиальных различий между этосом научной школы, артели отходников, религиозной секты, фанатской группировки байкеров, даже криминальной группировки. Механизм порождения любого этоса, идентичности с ним, признания и внутреннего контроля – универсален. Проблема в их сосуществовании и интеграции в целостный социум.

Именно с поиском решения этой проблемы связаны нынешний постсекуляризм, политика исторической памяти. Но апелляции к конфессиональным предпосылкам деловой активности [7], формирования наций только придают проблеме агрегированный характер, поднимая ее на новый уровень, чреватый межконфессиональными и межкультурными конфликтами, войнами культур и цивилизаций в духе С.Хантингтона [14]. Теория и практика поиска решения на этом пути, в конечном счете, ориентированы на доминирование одного конкретного этоса, вытеснение и подавление других, высшим выражением чего является тоталитарный социум. Люди соглашаются с доминирующей точкой зрения, чтобы не оказаться в меньшинстве. Быть в большинстве для человека всегда было гораздо комфортнее (и безопаснее). И не важно, какой этос положен в основу – конфессиональный, классовый или этнический. Примеры СССР, нацистской Германии, Кампучии «красных кхмеров» – убедительные примеры только из новейшей истории.

В любой сфере деятельности (включая науку и образование [11]) и ее этосе существует «двойная мораль»: этос «для себя», «для внутреннего потребления», по отношению к «своим», позволяющий блюсти чистоту рядов, и – этос «в имидже», для внешнего потребле-

ния, адресованный другим, позиционирующий данную субкультуру в социуме. И если этос «для себя», по сути дела, у всех сообществ един, то поиск решения проблемы «вавилонского ценностно-нормативного столпотворения» должен быть перенесен именно на этос внешний, презентационный. Тогда суть поисков их конструктивного взаимодействия переносится на поиск некоего не столько инварианта, «общего знаменателя», сколько общих условий, рамок.

На первый взгляд, таким рамочным механизмом могла бы выступать система права, задающая рамки и правила взаимодействия носителей различных ценностно-нормативных систем. Собственно, право для этого и призвано. Однако любая система права, как система формальных институтов, коренится в системе нравственности конкретного социума, неформальных традиций, обычаев, привычек. В этом плане право всегда производно от конкретной конфигурации этосов в этом социуме.

Кроме того, говоря политологическим языком, в этом случае возрастная, конфессиональная, этническая, профессиональная, гендерная и прочие идентичности личности должны дополняться обобщающей их идентичностью гражданской. Такой подход имеет обширную литературу, программы реализации. Однако опыт не только Ирака, Сирии, Ливана, Югославии, СССР, но и Бельгии, Испании, Великобритании показывает, что – хотя времена этнических и классовых чисток, переселений народов, вроде бы прошли, тем не менее национальные буржуазии продолжают столбить свои бутики – национальное самоопределение продолжается, появляются новые и новые государства. Но, даже если эти государства уже от рождения оказываются «несостоятельными», ищут и находят влиятельного патрона, все равно этот процесс свидетельствует о глубинных процессах дивергенции.

Земной шар имеет конечную территорию, народы вынуждены жить рядом. Но как не может решаться проблема их конструктивного сосуществования на основе подавления и вытеснения, так не может она быть решена, как показал опыт последних лет, и на основе простого признания «мультикультурализма», с помощью просвещения, воспитания толерантности и т.п. В Европе уже раздаются голоса о том, что реальным способом разрешения и профилактики межэтнических конфликтов является «геттоизация», т.е. компактное проживание соответствующих сообществ. Ничем иным как признанием бессилия перед проблемой культурно-этической дивергенции, такое мнение расценить нельзя. За его воплощением однозначно просматриваются последствия закрепления разобщенности, конфликтов, распада, деморализации и аномии.

В такой ситуации политические институты, гражданское общество сталкиваются с новыми серьезными вызовами. Решение может быть связано с учетом не просто расширения практики делиберации в духе Ю.Хабермаса или Ш.Муфф, но учета особенностей различных этосов социума [1,2], связанных с ними типов власти [5] и их комбинаций, порождающих конкретные политические конфигурации, возможностей коммуникативного посредничества между ними [12]. На основе этих разработок, как представляется, вырисовывается подход, в котором позиционирование и реализация конкретного этоса возможны только на основе убедительной презентации представлений о справедливости критики, конфликта и компромисса между ними. Справедливость применительно к конкретному обществу предстает конкретной гармонизацией этих представлений – в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. И такой анализ будет плодотворен только применительно к конкретному социуму на конкретном этапе его развития.

В любом случае, тем не менее, на первый план выходит способность к конструктивному диалогу, взаимодействию – не только и не столько на государственном, сколько на межличностном уровне, что возвращает рассмотрение к началу – способам и технологиям социальной коммуникации в современном мире. И, как представляется, это открывает новые проблемные поля для прикладной этики.

В истории всегда было так, что старые проблемы снималось самым неожиданным и непредвиденным образом – за счет новых технологических достижений – прежде всего в средствах коммуникации. И в принципе, именно коммуникативные технологии меняли социальный мир. Достаточно напомнить роль письменности, печати, электронных медиа, а теперь интернета. Каждая из этих технологий радикально меняла восприятие и осмысление действительности, трансляцию новых смысловых структур.

Так и в наше время. Brexit в Соединенном Королевстве и победа на президентских выборах в США Д.Трампа – убедительные примеры нетривиальности политических технологий работы с Big Data, программами типа OCEAN. Речь идет о радикальном вытеснении маркетинговым подходом ориентаций на традиционные позитивистские социологические и политологические исследования.

Информационное общество массового потребления является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все на благо человека!», «Все во имя человека!», «Человек есть мера всех вещей!», позволяя не только реализовывать, но и стимулировать любые потребности. (См. Д.Агамбен о «новой животности».) Инструментом выступила именно маркетинговая с

кластеризацией рынков, аудитории, электората и таргетированием их до индивидуальной личности.

Формирование Big Data и работа с ними позволили строить различные профили таких кластеров и отвечать на их ожидания, следуя золотому правилу маркетинга, выработанному еще в 1930-е годы: «не рассказывайте им про свои семена – расскажите им про их газон». А применение таких технологий к социальным сетям способствует только все большей дивергенции и разобщенности. Наличие множества равновеликих правд ведет к серьезной поляризации, а там и к атомизации общества, поскольку все стараются не отступать от своей точки зрения, ни за что не желая вслушиваться в чужую аргументацию. Социум превращается в реализацию фильма «Матрица»: разрозненные коконы, воздействие на которые off line генерирует майю (видимый морок) политической жизни.

Тем самым снимается вопрос о доверии как основе консолидации социума. Открываются исключительные возможности для популизма в политике, когда каждый кластер получает свой месседж – ожидаемый и желанный ответ на свои чаяния и надежды. Собственно, это и демонстрируют текущие политические события в мире.

Переполненность сети фейковой информацией – ложной, мифифицирующей, но влияющей на эмоции людей, их решения и поступки – породила феномен «постправды» (post-truth), когда в формировании смысловой картины мира, даже выработки политических решений, достоверная информация, факты ставятся на один уровень с информацией непроверенной. Главное – манипулирование, nudge, подталкивание людей к определенным решениям и поступкам, манипулирование ими. С учетом возможностей и стремления некоторых режимов к полному контролю над интернетом и социальными сетями, парадигма Big Date неизбежно создает искушение реализации сюжетной идеи еще одного фильма – «Шоу Трумана» – для каждого гражданина и общества в целом.

На первый взгляд может открыть конструктивные позитивные перспективы доверия технология блокчейн (block chain) – по некоторым оценкам, следующая за интернетом революция в коммуникациях. Она представляет собой распределенную базу данных, содержащую информацию о всех транзакциях (более обобщенно – коммуникациях), проведенных участниками системы. Эта информация хранится у всех участников системы в виде «цепочки блоков», а пользователи выступают в качестве коллективного нотариуса, который подтверждает истинность информации в базе данных, что радикально меняет делопроизводство, банковское дело, а в ближайшей перспективе и политические практики.

Построение цепочки блокчейн происходит на базе распределенности, открытости и защиты. Пользователи системы формируют собой компьютерную сеть. При этом в каждом компьютере хранится копия каждого из блоков. Такой принцип делает систему почти неуязвимой – вывести ее из строя нереально. Единственный вариант – поломка всех компьютеров одновременно, что, учитывая общее количество разбросанных неравномерно вычислительных узлов (при этом географически не имеет значения, где находится пользователь и его компьютер, возможно – по всему миру), не представляется возможным.

Блокчейн распределяет функции проверки и хранения транзакций между несколькими компьютерами безопасным и открытым способом, исключая потребность в посредниках. В результате время и затраты на обработку транзакций практически сводятся к нулю. Поскольку доступ к реестру есть у всех пользователей блокчейна, постольку каждый из них выступает верификатором валидности информации в базе данных. Сложные соглашения, включая финансовые, могут записываться и контролироваться последовательно и точно без дублирования, ошибок и ненужных затрат. Поэтому первыми сферами распространения технологии стали финансовые операции, идентификация пользователей, оформление и проверка подлинности документов, операции с ценными бумагами, экспертизы, обеспечение интеллектуальной собственности, кибербезопасности, управление компаниями, краудфандинг. Кроме того, при использовании этой технологии повышается скорость обработки операций. В схеме этот процесс может занять до нескольких дней, а в случае с блокчейном транзакции проходят в режиме реального времени. Это способно сэкономить банкам миллиарды долларов за счет отказа от медленных и дорогостоящих централизованных систем платежей. Недаром с начала 2017 года уже свыше шестидесяти банков мира, включая пять крупнейших, перешли на единую криптовалюту для взаиморасчетов, что позволило высвободить серьезное количество рабочих мест.

На встрече с В.В.Путиным в январе 2016 года президент Сбербанка Г.Греф заявил, что блокчейн способен перевернуть сферы госрегулирования. Сбербанк подавал заявку на вхождение в международный пул, но по политическим соображениям ему и нескольким другим российским банкам было в этом отказано. Уполномоченный по защите прав предпринимателей при Президенте РФ, лидер Партии Роста, Б.Титов в ходе общения с журналистами в июле 2016 года отметил, что внедрение технологии блокчейн критически важно для развития экономики России, так как это технология будущего. И не-

обходимо максимально быстро создавать комфортные условия ее работы в правовом поле, официально признать криптовалюты объектом имущественных прав, а также обеспечить признание временных меток сети блокчейн в качестве доказательств российскими судами. Партия Роста также предлагает внести изменения в Закон об иностранных инвестициях, которые позволят использовать криптовалюту наравне с традиционными валютами для инвестиций в российскую экономику.

6 апреля публично стартовал один из самых масштабных экономических экспериментов в сфере цифровых финансов — «биткоин для бедных», — интегрированной с системой биоидентификации пользователя, с аудиторией 2 млрд человек и особым акцентом на Индии, электронным банкингом, системой исполнения контрактов на базе технологий блокчейн и возможностями мелких платных услуг в создаваемой сети, становящимися одновременно источником дохода пользователей — участников сети [3].

В сочетании с технологиями интернета вещей (IoT) блокчейн обеспечивает расширение (в труднопредставимых масштабах) самоисполняемых «смартконтрактов» в управлении межмашинных, межобъектных (без непосредственного человеческого участия) коммуникаций типа «умных» предприятий и городов [15]. Фактически речь идет о материализации идеи ноосферы (Вернадский, Тейяр де Шарден), в которой человек должен еще (или уже) найти свое место.

Блокчейн используют уже в самых разных сферах не только финансов и производстве, но и в социальной сфере: начиная от логистики, нотариальных услуг, регистраций браков и авторских прав, заканчивая реестрами подлинности драгоценных камней и предметов искусства. На основе блокчейн предлагают предоставлять юридические услуги мигрантам и шире — глобальное «электронное гражданство». В реальности каждый последующий пользователь сети только укрепляет Blockchain, делает его стойким к повреждениям. Чем шире круг участников блокчейна, тем наилучшим образом раскрывается потенциал этой технологии. Поэтому она объективно имеет мощный тренд к расширению и втягиванию участников сети доверия.

Важен и тот факт, что пользователи существуют в мире равноправия. В системе нет контролирующих структур, модераторов или администраторов. Здесь каждый отвечает за свои поступки. В политическом плане перспектива развития этой технологии порождает парадоксальный синтез прямой демократии, реализация которой носит тотальный характер. Доверие и ответственность реализуются в

электронной сети, а нарушение принятых обязательств чревато исключением из этой сети – не только отраслевой, проектной, а экономической, правовой, в конечном счете – цивилизационной. Блокчейн – основа мощного движения децентрализованных автономных организаций [16]. Принципиально то, что блокчейн основан на технологической реализации доверия, наводящего мосты, радиус которого не ограничен. Не случайно реакция на блокчейн со стороны политических, правовых и финансовых структур напоминает панику: меняется система занятости и собственности, меняются представления о суверенитете, а значит грядет и смена элит. На первый план выходят странные люди вроде Д.Ассанжа, Э.Сноудена, В.Бутина. В среде политологов начинаются разговоры о «революции сисадминов», проблематичность осмысления которой связана с квалификацией мотивации таких людей, которые ставят своей жизненной целью обеспечение всеобщей открытости и доступности информации.

Вместе с тем сам по себе блокчейн – не может быть панацеей расширения ответственности и доверия. Это просто сеть акторов, которые нуждаются в верификации важной для них информации, вокруг которой сеть и создается. Это финансовые, экспертные структуры, патентные бюро, какие-то режимные организации и т.п. Наверное, второй волной подтянутся научные и образовательные сети. Возможно, криминал. В общем, все те сети, где остро стоит вопрос об идентификации и верификации информации, ее источника, обязательств. Где надо фиксировать «базар» и за него отвечать перед городом и миром... А расширение и «сшивание» таких сетей открывает неожиданную двойную перспективу – некоего общества тотального доверия, относительно которого сомневаешься: какая характеристика является ключевой. Доверие на общей технологической платформе коммуникации? Тотальность с ее «вынужденным доверием»?

Нетривиально важно, что в приложениях блокчейна, позволяющих создавать автоматически исполняемые смартконтракты, нет дискриминации против роботов или людей: любой аккаунт может заключать контракты. Иначе говоря, теоретически (и практически) допускается, что цепочки компаний могут быть ширмами не только для людей, но и для искусственных интеллектов. И этому «лицу» вовсе необязательно быть совершенным искусственным интеллектом, достаточно некоего функционала, чтобы вступать во взаимно ответственные отношения в определенной сфере деятельности.

Вменяемым субъектом может стать некое множество индивидов, групп людей, искусственных интеллектов, сетевых аккаунтов, которых нельзя отнести к какой-либо категории, за исключением факта их совместного существования. Такое множество подразумевает

новый тип общественных отношений в производстве, экономике, политике, основанный на знании (информации) и коммуникации [4].

Не меньшим вызовом являются масштаб и глубина проникновения дополненной реальности. В принципе, таким дополнением непосредственно индивидуальному опыту всегда были искусство, религия. Собственно, именно на этой основе и обеспечиваются воспитание, образование, профессиональная подготовка. Однако в наше время, компьютерные игры, голография, 3D-принтеры, привязка виртуальных объектов непосредственно к физическим хронотопам (вроде технологии Pokemon Go) серьезно потеснили долю традиционного физического опыта в образе жизни и работы.

В современном образе жизни векторы технологического развития усиливают и без того существующий процесс социально-культурного опыта – вплоть до воплощения фантазий, мифопоэтических образов – реализуется на качественно новом уровне. И дело не только в возможности отправки фотографий и видео со смартфонов, непосредственно подключаясь к потоку образов и ощущений других людей, в том числе – за счет носимых сенсоров и устройств, интенсивного использования геолокации и картографических сервисов.

Технологии IoT (интернета вещей), способность вещей «говорить» (RFID-метки, коды), «чувствовать» (сенсоры) и «мыслить» (проникающий компьютеринг) формируют условия для анимистской, даже архаической картины мира. Гаджет предстает как «магический кристалл», а то и «волшебная палочка», действие которой не известно – достаточно только нажимать на опции. Новый уровень удаленной связности, возможности коммуникации объектов на расстоянии, «псевдонекаузальные» (просто «по желанию») алгоритмы взаимодействия с виртуальной средой в интернете вещей способствует появлению современных аналогов практически всех видов «магии» – гомеопатической и контагиозной. По большому счету, речь идет о возможностях воплощения метафор и оксюморонов. В интернете вещей метафоры объективируются, соединяя фрагменты реальности потоками данных и программными интерфейсами. А сама среда наделяется разумом: умный (smart) дом, смарт-производство, смарт-город и т.д. Окружающий мир становится распределенным интеллектом (ambient intelligence). Такое «сплавление» физического и виртуального миров в новых типах гибридных реальностей актуализирует особенности восприятия (персонификация объективного, онтологизация субъективного), характерные для мифопоэтического и мифологического мышления. Инструментальная доступность обращения цифрового и символического в материальное, и наоборот, способствует расцвету новой «технометафоричности» мира [17].

Подобные трансформации опыта, производственных технологий, социально-культурных практик, ставят в повестку дня вопрос о какой-то новой нравственной культуре некоего гибридного социума, в котором люди интегрированы с машинами в одну систему ответственных отношений.

Так или иначе, но фактически человечество сталкивается с мощным вызовом цивилизации по всем направлениям: от политики и науки до искусства и нравственности. Речь идет именно о новой смысловой наполненности прикладной этики.

Список литературы

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: НЛО, 2013.
3. Бутрин Д. Биткоин для бедных. Запускается новая криптовалюта для тех, кто не имеет доступа к банкам // <https://www.kommersant.ru/doc/3261975> (Дата обращения 20.04.2017).
4. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
5. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007.
6. Кристи Н. Плотность населения. СПб.: Алетейя, 2015.
7. Культура имеет значение / Под ред. Л.Харрисона, С.Хантингтона. М.: МШПИ, 2002.
8. Лисенкова А.А., Тульчинский Г.Л. Проблема доверия и современные информационно-коммуникативные технологии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Том 5. № 2, с.233-242.
9. Мурсалиева Г., Асмолов Г. Люди постоянно вовлечены в конфликт... Социальные сети отравлены ненавистью и страхом... // Новая газета. 2016, № 36: <http://www.novayagazeta.ru/society/72547.html> (Дата обращения 19.08.2016).
10. Тульчинский Г.Л. Маркетизация и моральный выбор: специализация и интеграция парадигм прикладной этики // Миссия прикладной этики: актуальные вызовы. Ведомости прикладной этики. Вып.45 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. С.85-107.
11. Тульчинский Г.Л. Честный профессор и/или сервильный этос // «Успешный профессор» VS «Честный профессор»? Ведомости прикладной этики. Вып.49 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 57-65.

12. *Тульчинский Г.Л.* Мегалополис: плотность населения, проблема доверия и блокчейн // Экономическая культура мегаполиса. Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук. СПб ГУ, 2017. С.131-145.

13. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka press, 2014.

14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.

15. *Чеклецов В.В.* Философские и социоантропологические проблемы конвергентного развития киберфизических систем (блокчейн, Интернет вещей, искусственный интеллект) // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 1 (11). 2016.

16. *Atzori M.* Blockchain Technology and Decentralized Governance: Is the State Still Necessary? Abstract. December, 2015, The Italian version of this paper can be found at <http://ssrn.com/abstract=2731132>

17. *Sunstein C.R.* The World According to Star Wars. New York: Dey Street Books, 2016.

Р.Г. Апресян

УДК 17.01 + 17.02 + 174

Прикладная этика: традиция, предтечи, прецеденты

Аннотация. Проведенное обозрение некоторых давнишних, относящихся к последней трети XIX в. и забытых опытов этико-прикладных разработок не только удостоверяет историческую длительность прикладной этики, но и позволяет разглядеть ее преемственную связь с традиционной моральной философией, в которой, наряду с общими положениями и принципами, всегда предполагались принципы, имеющие отношение к частно-практическим видам деятельности, в первую очередь политической, хозяйственной, семейной. Интересный (хотя и не систематический) материал по истории прикладной этики дает Google Books Ngram Viewer, с помощью которого можно проследить тенденции в развитии прикладной этики на уровне отдельных этико-прикладных дисциплин. Вместе с тем экскавация давнего опыта прикладной этики дает возможность разглядеть новационные черты в современной прикладной этике, которая не ограничивается адаптацией нормативной этики, основывается на анализе конкретных видов деятельности и использует методологический и аналитически-теоретический опыт, накопленный в философии морали.

Ключевые слова: прикладная этика, история прикладной этики, задачи и методы прикладной этики, моральная философия.

Известно, что термин «прикладная этика» ввел в русскоязычный обиход В.И. Бакштановский, задав тем самым направление отечественных этико-прикладных исследований [см. 3]. В какой мере эта новация была откликом на развернувшиеся в начале второй половины прошлого века этико-прикладные исследования на Западе, главным образом в США, и было ли это откликом в буквальном смысле слова, а не просто совпадением во времени, сказать трудно. Как бы ни было, это произошло. Несмотря на скепсис по отношению к прикладной этике (как к термину, да и исследовательскому направлению) и несмотря на противодействие тех, кто властными методами пытался регулировать процессы в общественных науках, этико-прикладные исследования и разработки состоялись. С начала 1990-х годов они получили развитие и распространение – сначала на площадке Лаборатории (преобразованной вскоре в НИИ) прикладной этики под руководством В.И. Бакштановского, а затем и независимо от нее.

Любопытно посмотреть на предтечи современной прикладной

этики, так сказать, во всемирном масштабе: каковы были их формы, в продолжение каких традиций и ради чего они возникли, на фоне чего понятнее может стать новационность той прикладной этики, которая нам известна почти из первых рук.

Многие полагают, особенно не вдумываясь в этот вопрос, что термин «прикладная этика» – «applied ethics» – возникает одновременно с началом активных исследований нормативно-этических основ профессиональной и предметно-определенной деятельности в 1950-е годы, а может быть и позже, с утверждением в университетах первых учебных курсов по прикладной этике. Так думал и я, пока не обнаружил, к своему удивлению, что уже на рубеже прошлых веков появляется немало журнальных статей, посвященных этико-прикладной проблематике, причем осознававшейся именно как прикладная проблематика. Похоже, что в то время слово «прикладной»/«applied» стало новомодным и было широко воспринято. Прикладная этика распространяется наряду с прикладной алгеброй, прикладной химией и прикладным искусством.

Однако само словосочетание «applied ethics» появляется, как минимум, на полстолетия раньше. Во всяком случае, как нам указывает поисковый инструмент Google Books Ngram Viewer (GBNV), этот термин фиксируется уже во второй половине 1840-х гг. Надо иметь в виду, что данные, получаемые с помощью этого инструмента, недостаточно надежны, причем по двум основаниям. Во-первых, GBNV просматривает только книги, представленные в книжной коллекции Google. Там очень много книг, но, разумеется, не все издававшиеся в определенный период времени. Что более существенно, Google Books не содержит статей. К этому следует добавить, что запрос обрабатывается только по книгам на одном языке. Во-вторых, как показывает опыт, в разное время по запросам на одну и ту же тему данные, представляемые GBNV, могут различаться, иногда значительно. Но несмотря на известную приблизительность, они вполне удовлетворительны для начала исследования. К тому же, помимо графика частотности использования какого-то термина (или упоминания какого-то имени) по годам, приводятся и соответствующие (дискретно по отрезкам времени) перечни книг, на основе анализа которых составлен график частотности. Чем более давние книги, тем больше вероятность, что они доступны в полнотекстовом формате, но даже в отсутствии такого доступа исследователь получает сведения об авторе, названии, выходных данных книги и на основе этого может проводить поиск в других базах данных.

На запрос об употребимости выражения «applied ethics» GBNV указывает на книгу Френсиса Либера «Руководство по политической

этике», изданной в Бостоне *вторым изданием* в 1847 г. (первое издание в коллекции Google Books не обнаруживается) и предназначенной, как сказано в подзаголовке, для изучающих правоведение как наиболее ранней из тех, в которой встречается это выражение. Обсуждая вопрос о возможности приложения этики к политике, Либбер в какой-то момент говорит о политической этике как прикладной этике [14, 65]. При этом он рассматривает прикладную этику наряду с общей (general) этикой и считает, что политическая этика представляет собой разновидность прикладной этики. Не называя другие разновидности прикладной этики, автор подчеркивает, что именно приложенная к социально-политической сфере этика имеет наибольшие основания именоваться прикладной. Употребление термина «прикладная этика» в книге Либбера – всего лишь прецедент¹, возможно случайный, поскольку затем почти два десятилетия этот термин, согласно GBNV, не употребляется; зато определенно можно сказать, уже на основе не только этого веб-устройства, но и по базам данных журнальных статей, что с конца 1860-х годов этот термин вполне укореняется в этической литературе как философского, так и богословского характера.

Может показаться, что этот термин использовался в довольно широком, если не сказать расплывчатом, смысле. На самом деле, его использование всего лишь непривычно, причем именно современному читателю; лет сорок назад такое словоупотребление вряд ли показалось непривычным (кроме самого термина). Как бы ни было, реконструкция позабытых коннотаций понятия «прикладная этика» может оказаться не только любопытной в плане интеллектуальной истории и истории идей, но и полезной для понимания его потенциально полезных «свернутых» смыслов.

Для начала укажу наиболее неожиданные применения этого термина. Так, немецкий протестантский теолог Адольф Вутке возражает против распространенного, по его впечатлению, понимания христианской этики как прикладной этики, которая вторична по отношению к «чистой» философской этике, и ратует за понимание христианской этики как теологической этики, которая при этом должна иметь глубокое научное обоснование [26, 35]. А преподобный Генри Кальдервуд, редактор американского однотомного издания кантовских этических сочинений [см. 12]², описывая содержание тома, ука-

¹ Google Books Ngram Viewer указывает на графике, что термин встречается и ранее, однако никакие издания, ранее названного, не показывает.

² Издание представляет кантовскую «метафизику этики» в виде единого труда в четырех разделах (books). В первый входит полный текст «Осново-

зывает на последние два его раздела – «Elementology» (т.е. «Этическое учение о началах») и «Methodology» (т.е. «Этическое учение о методе») – как более простую и доступную для восприятия часть книги, посвященную *Applied Ethics* (с использованием прописных букв и курсивного начертания, призванных обозначить научную дисциплину) [6, xx]. И в том, и в другом случае под прикладной этикой понимается приложение положений общей этики к поведению. Иными словами, это практическая часть практической философии.

Такого же понимания прикладной этики придерживался Д.С. Грегори, различая теоретическую, или чистую, с одной стороны, и практическую, или прикладную этику, – с другой, и видя задачу последней в разъяснении того, как общие принципы применяются для регуляции поведения человека в конкретных жизненных ситуациях [9, 19]. Так же различал в этике две ветви – абстрактную, или теоретическую и конкретную, или прикладную Эрнест Боуден [5, 617], усматривая в такой дифференцированности аналогию этики с математикой. Примеров подобного рода можно привести немало.

Спустя несколько лет такое же понимание прикладной этики было воплощено в серии летних курсов Школы прикладной этики в Плимуте (США)³. В каждом курсе предлагались серии лекций по трем секциям (departments): экономике, этике, истории религии (в общей сложности было прочитано несколько сотен лекций). Все они проходили под общей рубрикой «прикладная этика». Согласно обозрению по трем школам, их руководители (Генри Адамс, Кроуфорд Той и Феликс Адлер) составили программу таким образом, чтобы тематика каждого цикла фокусировалась на проблеме труда [16, 140]. Однако в полной мере это справедливо для программы летней школы 1894 г., этическая секция которой предлагала такие циклы лекций, как «Введение в экономическую этику» (в которой речь шла главным образом о социальной этике), «Семья и рабочий вопрос», «Школа и рабочий вопрос», а экономическая секция включала, наряду с социально-экономической тематикой, такие циклы, как «Этика и

положений метафизики нравственности», во второй – выдержки из «Критики чистого разума», а последние два представляют полный текст «Метафизики нравов».

³ Первая летняя школа была осуществлена в июле 1891 г., вторая – в июле 1892 г., третья – в июле 1894. В 1893 г. летняя школа не проводилась из-за Первого Всемирного парламента религий в Чикаго, одной из множества конференций, которые прошли в рамках Всемирной выставки. Планировалась и четвертая летняя школа в июле-августе 1895-го, но о ее проведении пока не удалось получить никакой информации. См. [18, 385–387; 23, 113–114; 19, 408; 20; 8, 176–177; 22, 358].

экономика распределения» и «Этические основы социального прогресса в Соединенных Штатах». Тематика лекций этической секции первых двух школ была, скорее, общетеоретической: «Классификация древних и современных этических систем», «Разнообразие моральных норм, иллюстрированное на материале истории этики», «Религиозное и моральное воспитание», «Развитие у детей совести», «Система обязанностей» (включающая вопросы индивидуальной этики, социальной этики, этики семьи, профессии, политики, дружбы, религиозных объединений); социально-этическая же проблематика предлагалась в рамках ряда менее продолжительных спецкурсов⁴.

Аналогичную конфигурацию прикладная этика приобрела и в программе философского образования, получившем развитие в Корнельском университете на базе Школы философии, основанной в 1891 г. благодаря щедрому вкладу промышленного магната Генри Сейджа, именем которого Школа и была названа. Одним из учебных направлений в философском образовании стала и этика, в рамках которой наряду с «Основами этики», «Христианской этикой» и «Фундаментальными проблемами этики», читался курс «Практической, или прикладной этики». Как можно судить по объявлениям в основанном год спустя журнале «Философское обозрение» (*Philosophical Review*), эта программа сохранялась в Школе философии им. Сейджа в течение более двадцати лет [17; 18].

Следует отметить, что новационным во всех описанных событиях было употребление термина именно «прикладная этика». Показательно, что в последнем примере этот термин употребляется в связке и в уточнение другого, а именно – «практическая этика» (*Practical Ethics*) – вполне традиционного и общеупотребительного. По запросу на употребимость этого термина GBNV показывает довольно высокую, хотя и скачкообразную, частотность его использования⁵, начиная с 1750 г. [см. 23, 342], причем один из пиков совпадает с появлением термина «прикладная этика» в конце 1840-х гг.

Следует отметить, что использование этого термина для обозначения нормативно-этических аспектов конкретных видов деятельности органично вписывается в многовековую традицию моральной философии.

С глубокой древности моральная философия имела тройствен-

⁴ Некоторые из лекций были впоследствии опубликованы. См., например: [4; 15].

⁵ Ngram Viewer предоставляет возможности поиска по книгам, изданным после 1600 г.

ный состав: этика, экономика, политика. Как показал Дж. Крей, такое понимание моральной философии возникает у перипатетиков, связывавших моральную философию с комплексом сочинений, включавшем аристотелевские «Этику» и «Политику», а также псевдоаристотелевскую «Экономику». Принято считать, что это членение обозначено самим Аристотелем в его указании на предмет науки, изучающей деятельность человека и благо как ее цель – «государственная деятельность, домашнее хозяйствование и рассудительность» [2, 25, 27]. Оно сохраняет силу в средние века; с возникновением университетов эта схема становится общим местом в преподавании моральной философии.

Сохраняясь на начальных этапах ранне-нововременной философии, она иногда трактуется в духе того, что этика занимается общими принципами, а экономика и политика – особым приложением этих принципов к ведению хозяйства и государственным делам [13, 303–306]. Постепенно сложилось мнение, что изучение моральной философии должно начинаться с этики как фундаментальной и всеобъемлющей дисциплины, продолжаться изучением экономики и завершаться изучением политики. С этим прочно было связано представление о том, что экономика и политика это области активности, релевантные предмету моральной философии, а деятельность в этих областях морально подотчетна⁶.

Правда, с развитием теоретических усилий по более строгому описанию и объяснению феномена морали, уяснению его специфичности, а это выразилось и в изменении взгляда на человека как морального агента (в частности, выделении автономии как его существенной характеристики [19]), происходят перемены с моральной философией в целом. От нее отпочковываются экономика и политика в качестве самостоятельных наук. Вместе с тем усилия к устроению анализа морали, что само по себе было сильной и в теоретическом отношении продуктивной линией в историческом развитии моральной философии, вели к постепенному обособлению философской этики, т.е. теории, предметом которой была природа, сущность морального феномена, от нормативной этики и, шире, практической этики, предметом которой было содержание ценностей и норм, в частности, в их приложении к конкретным видам деятельности. В XX в. эта тенденция развивается в попытках построения «чистой», т.е. свободной от ценностного содержания моральной теории (с чем долгое время и ассоциировалась метаэтика). Ценой этого была утрата

⁶ Следы такого представления о моральной философии можно найти в трактате Френсиса Хатчесона «Система моральной философии». См. [11].

аналитической моральной философией нормативно-этического содержания. Впрочем, начиная с 1960-х годов, многие аналитические философы постепенно поворачиваются к практическим проблемам и берутся за разработку этико-прикладных проблем. Сегодня редкий моральный философ (теоретик) не занимается ими.

Однако не говоря о том, что этика XX в. отнюдь не исчерпывается аналитической философией, в других же направлениях философии обсуждение моральных проблем нередко проводилось в проекции к практическим вопросам. Морально-этические исследования и разработки, связанные с конкретными видами деятельности, всплеск которых под шапкой прикладной этики в последней трети XIX в. был в общих чертах представлен выше, никогда не приостанавливались. Важно различать, каковы были их предмет и содержание и на каком уровне публично-дискурсивной и профессиональной рефлексии они велись.

Например, на рубеже XIX – начала XX веков появляется немало статей, посвященных, условно говоря, вопросам медицинской этики. Какие-то из них были посвящены этике врача, какие-то – этике сестринского дела; причем это были мало пересекающиеся обсуждения. Показательным следует считать проведение Секции этики на ежегодном собрании Британской медицинской ассоциации (летом 1895 г.), материалы которой были опубликованы в отдельном выпуске «Британского медицинского журнала». С пространным вступительным докладом на секции выступил ее председатель д-р У.А. Кливленд. Значительная часть доклада была посвящена пропедевтически-этическим темам, но вместе с тем в докладе затрагивались и собственно практические этические аспекты медицинской профессии – роль в ней «медицинско-этического кодекса», формирование должных отношений в профессиональной среде, четкое понимание врачами своих обязанностей по отношению друг к другу, по отношению к себе и к обществу [7, 635⁷]. По другим докладам и последующим оживленным обсуждениям можно видеть, что медицинская этика трактовалась во многом как своего рода этикет. Но этикет, адаптированный к особенностям профессии врача и разным сторонам врачебной деятельности, например, частной практике, проведению приема больных, отношениям между консультантами и практикующими врачами [10, 635–638]. По материалам заседаний Секции этики хорошо видно, что медицинская этика развивалась путем усиления

⁷ Профессиональная этика врача регулярно обсуждалась на страницах журнала на протяжении всей его дальнейшей истории (до 1980 г., после чего он был преобразован в *British Medical Journal*).

профессиональной этической рефлексии и актуализации этических смыслов в деятельности врача. С соответствующими содержательными поправками этот же подход проводился в отношении сестринской этики⁸.

Надо сказать, это тот опыт, который был воспринят и в современной профессиональной этике. Собственно говоря, он во многом принимается и в прикладной этике последних десятилетий⁹. И это при том, что, начиная с последней трети прошлого столетия, прикладная этика все значительнее меняет свой облик. Она все менее довольствуется тем, чтобы быть приложением общих положений к конкретной общественной практике. Все более претендует на то, чтобы быть «теорией» этой практики – занимающейся не только формулированием этических начал конкретной, профессиональной, предметно-определенной деятельности, но и ее описанием, осмыслением в терминах ценностей и норм, анализом в этом ключе ситуаций принятия решений, возможных конфликтов, опыта их разрешения, реального и воображаемого. В отличие от «старой» прикладной этики, упор делается не на обычный моральный опыт, который адаптируется к конкретной, профессиональной, предметно-определенной деятельности, а на особенностях, возможно беспрецедентных, морального опыта, относящегося к данной деятельности.

Это стало возможным благодаря тому, что в прикладную этику «мобилизовывались» представители специальных наук и профессий. Без их работы то масштабное продвижение этико-прикладных исследований и разработок, которое произошло в последние десятилетия, было бы невозможно. Однако только их усилиями, без вклада философов-теоретиков такое продвижение вряд ли бы случилось. Прогресс современной прикладной этики был во многом обеспечен и той методологической и аналитически-теоретической работой, которую проводили на различных этико-прикладных площадках моральные философы, уже известные благодаря своим теоретическим трудам. Своеобразие современной прикладной этики в полной мере раскрывается на фоне традиционной прикладной, или практической этики. Различие между ними принципиально, и оно заслуживает дополнительного специального изучения.

⁸ Несколько более поздняя история становления и развития инженерной этики в Канаде и США в 1920–1930-е годы обнаруживает ту же тенденцию. См. [1].

⁹ Говоря о *профессиональной этике*, я имею в виду этос и нравственное (этическое) регулирование профессиональной деятельности. Говоря о *прикладной этике*, я имею в виду теоретическую рефлексию и консультативное сопровождение этого опыта.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Параметры и контекст инженерной этики // *Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42: / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. С. 62–74.*
2. *Аристотель.* Евдемова этика, 1218b / Пер. с др. греч. Т.В.Васильевой, Т.А.Миллер, М.А.Солоповой. М.: ИФРАН, 2005. 447 с.
3. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень: ТюмГНГУ, 2007. 196 с.
4. *Adler F.* The Moral Instruction of Children. New York: D. Appleton and Company, 1892. 270 p.
5. *Bowden E.M.* Ethics, theoretical and applied // *Philosophical Review.* 1895. Vol. 4. № 6. P. 616–623.
6. *Calderwood H.* Introduction // *Kant I.* The Metaphysic of Ethics / Transl. by J.W. Sample. Edinburgh: T.&T. Clark, 1871. P. xiii–xx.
7. *Cleveland W.F.* An Address Delivered at the Opening of the Section of Ethics. At the Annual Meeting of the British Medical Association (July-August, 1895) // *The British Medical Journal.* 1895. Vol. 2. № 1811. P. 633–635.
8. Editorial Notes // *The Journal of Education.* 1894. Vol. 40. № 10. P. 176–177.
9. *Gregory D.S.* Christian Ethics, or The True Moral Manhood and Lite of Duty: A Text-Book. Philadelphia: Eldredge & Brother, 1875. 346 p.
10. *Horner G.* Intra-Professional Etiquette // *The British Medical Journal.* 1895. Vol. 2. № 1811. P. 635–638.
11. *Hutcheson F.* A System of Moral Philosophy: In Three Books. Glasgow : R.&A.Foulis Printers, 1755. Vol. 1, 358 p.; Vol. 2. 380 p.
12. *Kant I.* The Metaphysic of Ethics / Transl. by J.W.Sample. Edinburgh: T.&T. Clark, 1871. 315 p.
13. *Kraye J.* Moral Philosophy // *The Cambridge History of Renaissance Philosophy / Edited by C.B. Schmitt, Q. Skinner, E. Kessler, J. Kraye.* Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 303–386.
14. *Lieber F.* Manual of Political Ethics. Part I. 2nd ed. Boston: Charles C. Little and James Brown, 1847. 428 p.
15. *Philanthropy And Social Progress: Seven Essays / With Introduction by H.C. Adams.* New York: Thomas Y. Crowell & Company, 1893. 269 p.
16. *Plymouth School of Applied Ethics // The Popular Science Monthly. Vol. XLVII: May to October, 1895 / Ed. by J.Youmans.* New York: D. Appleton and Co., 1895. P. 140.

17. Sage School of Philosophy // The Philosophical Review. 1898. Vol 7. P. [back matter].
18. Sage School of Philosophy // The Philosophical Review. 1920. Vol. 29. № 6 . P. [back matter].
19. *Schneewind J.B.* The Invention of Autonomy: A History of Modern Moral Philosophy. Cambridge:Cambridge University Press,1998.214p.
20. School of Applied Ethics, Summer Session // International Journal of Ethics. 1891. Vol. 1. № 3. P. 385–387.
21. School of Applied Ethics // International Journal of Ethics. 1892. Vol. 2. № 3. P. 408.
22. School of Applied Ethics // International Journal of Ethics. 1894. Vol. 4. № 3. P. [back matter].
23. The Preceptor: Containing a General Course of Education. London: J. Dodsley, 1783. 560 p.
24. Summer Schools // The Journal of Education. 1895. Vol. 41. № 21. P. 358.
25. *W. L. S.* The School of Applied Ethics // International Journal of Ethics. 1892. Vol. 2. № 1. P. 113–114.
26. *Wuttke A.* Christian Ethics. Volume I: History of Ethics / With a special preface, by Dr. Riehm. Transl. by J.P. Lacroix. New York: Nelson & Phillips, 1874.

А.В.Разин

УДК 174.7

Базовые этические программы и принятие решений в биомедицинской этике

Аннотация. В статье рассматриваются целевые программы медицинской помощи, возможной и необходимой на современном этапе развития общества. Они соотносятся с принципами биоэтики и основными этическими теориями.

Показано, что отдельные принципы биоэтики противоречат друг другу. Для разрешения этих противоречий требуется обращение к условиям применения отдельных принципов, рефлексия с точки зрения фундаментальных этических подходов, прежде всего – утилитаризма и абсолютизма, а также отработка процедуры принятия решения.

Ключевые слова: этика, биоэтика, программы, принципы, утилитаризм, абсолютизм, эвтаназия.

Под базовыми этическими программами можно понимать практически применимые нормативные принципы, основанные в то же время на некоторых фундаментальных этических теориях. Программы обладают своей последовательностью, непротиворечивостью. Они обязательно должны быть практически применимы, но в то же время могут быть отвергнуты целиком с позиций других нормативных программ. В результате возникает вопрос приоритетов, области применимости, ограничений, обусловленных долговременными последствиями или возможностями общества.

Я полагаю, что в биоэтике можно выделить следующие программы.

- Обеспечение возможно большего блага, улучшение качества жизни и ее продление.
- Облегчение страданий.
- Помощь в достижении целей, интенсификации деятельности, использовании новых возможностей творчества при сведении к минимуму рисков и непредвиденного вреда.
- Помощь в преодолении критических периодов жизни, обретении смысла бытия на каждом новом этапе.
- Утешение перед уходом из жизни.

Понятно, что эти программы не совпадают непосредственно с принципами биоэтики, которые представляют ценность не сами по

себе, а как раз в связи с коррекцией данных программ. Так, известный со времен Гиппократов принцип «не навреди» не может рассматриваться в качестве самостоятельной нормативной программы: он не отражает целей бытия субъекта (пациента). И вообще говоря, врач, который ведет себя предельно осторожно, не будет вредить пациенту в том смысле, что состояние его здоровья не выйдет как прямое следствие действий врача. Но, с другой стороны, если врач мог помочь избавиться от какого-то недуга, но не сделал этого (опасаясь риска применения некоторых методов лечения), то косвенно он нанес вред. На кого в данном случае ложится ответственность: на пациента, который, скажем, не дал согласие на проведение некоторого лечения? на врача, в том смысле, что не смог убедить пациента? Все это оказывается непростыми этическими вопросами. Выход, вроде бы, дает современная концепция информированного согласия. Но не следует забывать, что врач и пациент все-таки разговаривают не на равных, так как один из них (врач) обладает профессиональными знаниями, может опираться на статистику, связанную с лечением определенных заболеваний, может апеллировать к каким-то уникальным случаям исцеления. Пациент же всего этого не знает или знает в незначительной степени. Врач может быть искренне убежден в том, что он рекомендует пациенту, но при этом может и ошибаться в силу недостатка своей квалификации или в силу особенностей того уровня знаний, на котором находится современная ему наука. Однако врач может и специально предлагать какие-то дорогие методы лечения, выполняя заказы фармацевтических компаний. Так что информированное участие тоже не является панацеей от всех бед.

Как же тогда принимать решения?

В биоэтике известны принципы, в классическом виде сформулированные философом Т. Бичампом и теологом Дж. Чилдрессом. Это четыре принципа и ряд правил, обосновываемых с помощью этих принципов. Правила, в свою очередь, служат для морального обоснования решений и действий в конкретных ситуациях. В число принципов входят следующие.

- Принцип уважения автономии пациента, которым обосновывается, в частности, концепция информированного согласия.

- Принцип «не навреди» восходит еще к Гиппократу и в современной медицине означает не только запрет причинения вреда пациенту по каким-то не связанным с медициной соображениям (скажем для устранения, снижения активности политического конкурента), но также означает требование минимизации ущерба, наносимого пациенту при медицинском вмешательстве.

- Принцип «делай благо» (beneficence) подчёркивает обязанность врача предпринимать позитивные шаги для улучшения состояния пациента.

- Принцип справедливости указывает на необходимость равного отношения ко всем пациентам, подчеркивает право всех на получение медицинской помощи, но в то же время допускает дифференцированное распределение ресурсов (которые всегда ограничены) в системе здравоохранения.

Кроме перечисленных, есть еще список из 15 принципов, предложенный международным комитетом по биоэтике (Юнеско).

Сейчас я не имею возможности подробно анализировать все эти принципы. Прежде всего хочу остановиться на вопросе об эвтаназии в связи с проблемой качества жизни; на аргументах, которые пациент может использовать против того, чтобы совершать акт активной эвтаназии; а также на соотношении утилитарного и абсолютистского подходов в биоэтике.

Разница морального абсолютизма и утилитаризма проявляет себя при практическом применении принципа справедливости.

Для многих конкретных решений рассуждение с позиций утилитаризма является единственно возможным подходом. Понятно, например, что если ресурсы для проведения спасательной операции ограничены, нужно спасать тех, кого более вероятно спасти, и проводить спасательную операцию прежде всего там, где находится большее число людей оставшихся в живых. В то же время в других ситуациях утилитаризм оказывается так же несовершенен применительно к публичной морали, как и к индивидуальной нравственности.

Для разъяснения данного положения воспользуемся примером, приводимым Гильбертом Харманом в качестве одного из аргументов против утилитаризма [7, 634]. В госпиталь привезли шесть раненых в результате несчастного случая. Один из них в крайне тяжелом состоянии. В принципе его можно спасти, если сосредоточить все имеющиеся ресурсы. Но тогда погибнут пять остальных. В такой ситуации, в общем-то, целесообразно спасти прежде всего пять относительно легко раненых. Но в другой ситуации, если в госпитале имеется пять нуждающихся в органах больных и есть один здоровый, находящийся на обследовании пациент, будет конечно недопустимо убить его для того, чтобы пересадить органы больным. Совершенно очевидно, что рассуждать здесь с утилитарной позиции нельзя, потому что есть неотъемлемые права человека, среди которых на первом месте стоит право на жизнь. В основе этого права лежит древнее, сформулированное еще в иудаизме положение, согласно которому жизнь одного человека нельзя спасать за счет жизни другого.

Ситуацию, изображенную в примере с госпиталем, правда, можно рассматривать как утилитаризм второго порядка, как формулирование таких принципов организации общественной жизни, которые формируют доверие к деятельности самих государственных институтов, а доверие связано с утилитарной линией развития морали.

Такое рассуждение может показаться слишком сложным для многих людей, иногда им действительно проще воспринимать ситуацию незыблемости абсолютных моральных принципов. Это тем более важно, что на основе таких принципов формулируются и правовые запреты, направленные на обеспечение фундаментальных прав человека. Многие современные моральные концепции, – например, известная теория справедливости Дж. Ролза, – как раз представляют собой попытку провести сочетание абсолютистских и утилитарных принципов в решении вопроса о том, как должны действовать государственные институты. Что, в общем-то, можно отнести и к работе медицинских учреждений.

Вопросы справедливости связаны с ограниченными ресурсами общества и, в общем-то, в отдельных случаях можно рассуждать с позиции, согласно которой в особой медицинской помощи нуждаются именно наиболее ценные для общества люди, или те люди, которые могут оплатить свое лечение, поскольку в обществе, основанном на рыночных отношениях, богатые в какой-то степени тоже являются более ценными для общества. Но Ролз рассуждает здесь следующим образом. Они стали богатыми потому, что получили преимущества при распределении природных способностей. Следовательно, их долг и отдать что-то бедным, т.е. тем, кто был обделен природными способностями. В принципе так же рассуждал русский философ Ильин. Те, кто обладают особыми способностями, имеют и особый долг перед обществом (перед народом). Такая постановка вопроса открывает возможности для современных форм благотворительной деятельности, филантропии. Благотворители – это прежде всего частные лица. У них, конечно, тоже есть свои цели – увековечить свое имя, если они финансируют, допустим, создание серьезных медицинских учреждений; хотят, чтобы их именем были названы госпитали, или хотят показать надежность своего бизнеса, но эти цели не являются чем-то противоречащим морали.

Что касается эвтаназии и ряда других биоэтических проблем, таких как аборт или эксплуатация своего тела в некоторых видах практической бизнес-активности (таких как проституция, реклама, связанная с демонстрацией обнаженного тела и т.д.), то здесь прежде всего надо ответить на вопрос о соотношении тела и сознания человека. Тело человека издревле привлекало внимание философов в

этическом и эстетическом плане. Уже в античности обсуждались вопросы о том, насколько и почему человек должен заботиться о своем теле. В философском плане эта проблематика связана также с вопросами антропосоциогенеза, исследованием отличия строения человеческого тела от тел животных, его изменением в процессе осуществления трудовых функций. В данной статье мы не ставим своей задачей обсуждать эту группу вопросов и сосредоточимся на теле человека как культурном феномене.

Этот вопрос представляется особенно важным в современную эпоху, когда новые технологии позволяют в какой-то степени реконструировать тело, в частности – менять пол, исправлять физические недостатки, осуществлять пластику, направленную на изменение отдельных частей тела, с тем чтобы сделать его более привлекательным в эстетическом восприятии и сексуальном отношении. Понятно, что в дальнейшем эти технологии будут совершенствоваться, предоставляя человеку все новые и новые возможности.

Современная медицина дает также значительные возможности прогноза перспектив развития человеческого тела, находящегося еще в утробе матери (по исследованию околоплодной жидкости и другим методам), и прогноза времени, когда тело очевидно перестанет выполнять свои функции, связываемые с представлениями человека о социальной жизни, ориентированной на определенную систему ценностей. Здесь возникают сложные этические вопросы о том, насколько человек вправе распоряжаться своим телом, насколько таким правом обладают другие, если предположить, что человек находится в бессознательном (или даже до-сознательном) состоянии, когда речь идет о еще неродившемся человеке или ребенке, у которого еще не сформировано сознание.

Если взять сознательного человека, способного к принятию самостоятельных решений, и признать за ним право решения, по крайней мере, некоторых вопросов, относящихся к судьбе его тела, а также права использования этого тела, то здесь прежде всего обращает на себя внимание вытеснение так называемой патерналистской концепции концепцией либеральной.

В традиционном обществе судьба человека во многом была предопределена устоявшейся системой ценностей, навязываемой человеку, передающейся от поколения к поколению, и в значительной степени связанной с той социальной группой, к которой человек принадлежал. В современном обществе мы имеем дело с мобильностью, которая предполагает, что человек обладает правом и имеет реальную возможность использовать те свойства своего тела, от которых он рассчитывает получить наибольшую выгоду, например, го-

лос, физическую силу, ловкость и быструю реакцию, ум, и т.д. В соответствии с различными природными дарованиями, он может выбрать различные варианты карьеры и в этическом плане здесь, казалось бы, не возникает никаких вопросов. Но это лишь на первый взгляд.

Дело в том, что в этике добродетелей общество всегда признавало значение развития тех качеств личности, которые представляются ценными также и для общества.

При рассмотрении проблемы добродетелей Кант ставит вопрос следующим образом: раз есть свободные поступки, должны быть также и цели, на которые они направлены. Но есть ли такие цели, которые одновременно являются долгом? Если нет, то этика делается бессмысленной, так как всякое учение о нравственности есть учение о должном (т.е. прежде всего учение об обязанностях).

Кант называет две такие цели: собственное совершенство и чужое счастье. Собственное счастье, с точки зрения Канта, не может быть долгом, так как к нему каждый стремится по естеству, но чужое – может. Собственное совершенство также может быть долгом, потому что к нему по естеству никто не стремится. Совершенство, с точки зрения Канта, является культурой природных задатков, но в то же время – и культурой воли, основанной на нравственном образе мыслей. Следовательно, это: «1. Долг человека собственными усилиями выйти из [состояния] первобытности своей природы, из [состояния] животности (*quoad actum*), и все выше подниматься к человеческому [состоянию], только благодаря которому он и способен ставить цели, восполнять недостаток своего знания и исправлять ошибки...2. Поднять культуру своей *воли* до самого чистого добродетельного образа мыслей, когда закон становится также мотивом его сообразных с долгом поступков, и повиноваться закону из чувства долга» [2, 428].

Чужое счастье определяет обязанности человека по отношению к другому человеку и обществу (человечеству) в целом. Эти обязанности выражаются в том, что человек оказывается должен делать вклад в благо всего человечества. В соответствии с данным вкладом определяется его заслуга.

Итак, человек имеет моральный долг в отношении самого себя. Кратко он может быть сформулирован как: стать всем тем, чем ты мог бы стать. Долг добродетели распространяется и на других. Че-

* Этика добродетелей отражает уровень развития личных моральных качеств, способность человека к выполнению определенных социальных функций, и степень его совершенства в этом. В отличие от этики добродетелей этика долга касается в основном выполнения общих правил и единых для всех моральных обязанностей.

ловек должен заботиться об их счастье, и, собственно говоря, в этой заботе он может обрести и свое собственное счастье. Заслуга перед обществом определяет степень его достоинства. Но если так, то совершенно очевидно, что человек не может произвольно выбирать те качества своей природы или те свойства собственного тела, которые он собирается использовать в своих собственных целях, ради обеспечения своей жизни, а тем более – получения каких-то односторонних преимуществ.

Понятно, что какие-то из присущих ему качеств человек может использовать быстрее, чем другие, и с большим первоначальным эффектом. Скажем, если он физически сильный или необычайно привлекательный, он вполне может воспользоваться этим в современном обществе. Возможно он смог бы развивать в себе и другие качества и применять их с большим эффектом для общества, хотя для этого и потребовались бы долгие годы работы над собой в смысле волевых усилий, направленных на развитие умственных способностей, овладения навыками художественного творчества и т.д.

Либеральная концепция испытывает неразрешимые трудности с разрешением подобных вопросов, она в принципе не содержит в себе какого-то инструментария для определения жизненно важных этических приоритетов. И совсем не случайно центральная для античной этики проблема счастья находится в настоящее время на периферии этических исследований (во многом на это повлиял также протестантизм, уравнивший в нравственном значении все виды труда).

Более того, если мы признаем право человека на распоряжение своим телом (а именно это следует из либеральной концепции), у нас нет оснований для морального осуждения проституции (а следовательно, и для правового), самоубийства, эвтаназии, аборта.

Возникает также проблема, связанная с расширением субъекта справедливости. Последовательно проведенный либеральный взгляд приводит к вопросу о том, насколько другие существа вправе распоряжаться своим телом и насколько этим телом в своих интересах может распоряжаться человек. Ведь если у нас нет какой-то определенной системы ценностей, показывающей высшие цели жизни человека (в традиционной этике именно это было основой определения человеческого счастья), то нет и основания для противопоставления достоинства человека достоинству других живых существ.

«Распространение принципа равенства не только на людей, но и на другие создания природы, – пишет Ф.Фукуяма, – сегодня, может быть, и звучит дико, но вызвано оно тем тупиком, в котором находится мысль в вопросе: что есть человек? Если мы в самом деле считаем, что он не способен на моральный выбор или самостоятельное

использование разума, если его можно целиком понять в недочеловеческих терминах, то не только возможно, но и *неизбежно*, что права будут постепенно распространены на животных и другие создания природы. Либеральная концепция равной и универсальной человечности со специфически человеческим достоинством подвергнется нападению и сверху, и снизу: теми, кто будет говорить, что принадлежность к определенной группе означает больше, чем быть человеком, и теми, кто считает, что человек от нечеловека ничем не отличается. Интеллектуальный тупик, в котором оставил нас современный релятивизм, не дает возможности определенно ответить на любую из этих атак и потому не дает возможности защитить либеральные права в традиционном понимании» [5, 448].

Отсюда ясно, что безграничное стремление к равенству прав, взаимному признанию – опасно в смысле тех выводов, которые могут быть поняты как отречение человека от самого себя. Оно опасно не только потому, что не принимается во внимание качество человеческого сознания, но и потому, что не принимается во внимание уникальность его тела.

Философы пытаются найти ответы на эти вопросы, но пока – не очень успешно. Между тем, я думаю, что такая методология есть. Она связана с пониманием того, что человек является субъектом культуры, уникальным носителем сознания, которое формируется на базе культуры, и потому не может быть представлено в качестве исключительного достояния самого субъекта.

Для продолжения рассуждения в этом ключе обратимся снова к Канту. В одной из нравственных максим, предложенных им в качестве разъяснения и уточнения первой формулировки его знаменитого императива, говорится: «...Природа, если бы ее законом было уничтожить посредством того же ощущения, назначение которого – побуждать к поддержанию жизни, противоречила бы самой себе...» [1, 196]. Хотя речь здесь идет не о всеобщем законе, как о возможности применить правило универсализации к оценке человеческого поведения, а о всеобщем законе природы, согласно Канту, такое применение категорического императива допустимо.

Итак, природа не допускает самоубийства, так как тогда она противоречила бы сама себе. Но может ли это быть аргументом для человека, который поднялся выше природных созданий, создал искусственную среду собственного обитания и освободился от большинства природных инстинктов. Кант считает, что может. Но для него нравственная воля человека изначально добрая, т.е. человек как бы априорно исходит из того, что он не хочет быть эгоистом.

Понятно, что по многим моральным соображениям – и даже по соображениям чисто практического характера – человек не хочет быть эгоистом хотя бы потому, что он не хочет испытывать гнев и осуждение со стороны других людей. Но может ли об этом заботиться, скажем, тяжелобольной, умирающий человек, испытывающий сильные боли и, возможно, желающий побыстрее расстаться с жизнью.

Я думаю, что может. Цицерон, например, обращает внимание на удивительное свойство человеческого самосознания, выражающееся в том, что нам всем не безразлично то, что о нас будут думать после нашей смерти. В этом Цицерон видел подтверждение идеи бессмертия души. «...Самый лучший довод – это безмолвное свидетельство самой природы о бессмертии души: забота, и немалая забота каждого из нас о том, что будет после его смерти» [6, 219]. Не обсуждая здесь вопроса о том, есть ли у человека душа, и бессмертна ли она, я тем не менее соглашусь с тем, что нам всем действительно не безразлично то, что о нас будут думать другие после нашей смерти. Возможно, это влияние подсознания, которое как показал Фрейд, идею смерти не принимает.

Но дело не только во влиянии подсознания. В своей жизни человек неизбежно сталкивается с биологическими пределами собственного бытия. Но сознание его по своим помыслам является безграничным. Это оставляет пространство для поиска смыслов бытия, для отождествления своего существования с бытием других людей, с существованием более общего, чем единичный субъект целого. Одним из путей такого объединения является создание некоторых метафизических конструкций. Самые простые – это религиозные конструкции. Более сложные – философские конструкции, которые пытаются опереться на какие-то достижения науки, например, на неуспех объяснения человеческого сознания на основе имеющихся в наличии эмпирических фактов.

В «Оправдании добра» В.Соловьев пишет: «Спрашивается только: то, от чего я завишу, имеет смысл или нет? Если не имеет, то, значит, и мое существование, как зависящее от бессмыслицы, тоже бессмысленно; и в таком случае вовсе не приходится говорить о каких бы то ни было разумно-нравственных принципах и целях, ибо они могут иметь значение только при уверенности в смысле моего существования, только под условием разумности мировой связи, или преобладании смысла над бессмыслицей во вселенной. Если нет целесообразности в общем ходе мировых явлений, то не может быть целесообразной и та часть этого процесса, которую составляют человеческие поступки, определяемые нравственными правилами; а в таком случае не могут устоять и эти правила, как ни к чему не веду-

щие, ничем не оправдываемые» [4, 244-245]. Отсюда предельно ясно, что если без допущения идеи целесообразности (для Соловьева – как вносимой в мир посредством божественной воли) нравственность невозможна, такую целесообразность следует принять, и фактически получается, – что по соображениям именно практическим.

Я не буду комментировать эти рассуждения с точки зрения степени их реальной истинности, ибо это и не предполагается в метафизических рассуждениях. Важно подчеркнуть другое: для находящегося в нормальном психическом состоянии человека его связь с культурой, с жизнью прошлых и будущих поколений, желание оставить о себе память в сознании потомков (об этом также свидетельствует широко распространенный в философской литературе жанр исповеди) является несомненным. Но это очевидно накладывает на нас и особые нравственные обязательства перед другими и перед самим собой. Как говорит французский философ Э. Левинас, существование другого обязывает нас и после нашей смерти, ведь оно может продлиться и дольше моего. Мыслитель отмечает, что есть такой порядок бытия, который связан с временем, не имеющим отношения к нашему существованию. Он имеет место и в прошлом, и в будущем. Этот порядок, «не обещание воскрешения, а скорее, констатация того, что смерть ни от чего не освобождает, а ведет к будущему, строго говоря, противоположному времени репрезентации, времени, пожертвованному в угоду интенциональности» [3, 156]. Таким образом, дело как направленность на другого, как важнейшая интенциональность сознания не освобождает нас от обязанностей перед другим после нашей смерти и, уж тем более, не позволяет добровольно уходить из жизни.

Теперь посмотрим на проблему с другой стороны, с точки зрения того, что может сказать о формировании сознания современная наука. Общепризнано, что сознание человека формируется постепенно, в процессе его развития в детском возрасте. В ходе этого формирования человек осваивает язык, который является фиксированным в культуре данного общества. Он пользуется множеством культурных символов, конституирующих его личность. Не случайно Флоренский говорил, что культура это среда, питающая личность. Но тогда может ли быть сознание индивида признано исключительно его личным достоянием?

Теперь перейдем к телу. Биологическое тело человека является уникальным носителем человеческого сознания. Вне тела сознание индивида не может быть сформировано, так как все пространственные образы связаны с системой наших восприятий, опыт тела присутствует в процессе формирования всех психических функций и

в процессе формирования сознания (опыт манипуляции предметами под руководством воспитателя, опыт анализа своих внутренних ощущений, своих эмоциональных состояний). Я думаю, что широко обсуждаемая сейчас в литературе проблема искусственного интеллекта упирается как раз в это. Машина не имеет тела в человеческом смысле, тела, которое вовлечено в культуру, которое постепенно приобретает опыт своего культурного бытия. Даже если дать машине эмоциональную жизнь, что технически не очень сложно, это будет не ее собственный опыт осмысления внешних и внутренних ощущений (феноменальный опыт сознания). Соответственно у такой машины не будет и сознания в нашем понимании, не будет сознания ее машинного «Я». Для создания искусственного «Я» нужно будет создать самопорождающееся сообщество машин, кроме того, еще и смертных, так как осмысление факта нашей биологической смерти также является фактором формирования нашего сознания.

Из приведенных рассуждений ясно, что именно бренное человеческое тело является уникальным биологическим носителем человеческого сознания. Само же сознание, как я пытался доказать, не является достоянием индивидуального субъекта. Но тогда и тело человека, как носитель сознания, также не может быть индивидуальным достоянием индивида. Соответственно, либеральная концепция, рассматривающая человека как хозяина своего тела, терпит полный крах.

Здесь может быть рассмотрена и еще одна проблема. Это отношение человека к своему телу в культурно-историческом плане.

В древнегреческой философии тело в основном рассматривалось как темница души. У Платона оно является источником зла. В орфической концепции душа может менять тела, существовать в разных земных образах. Очевидно, что здесь не прослеживается связи душевных проявлений с телесной организацией. Даже в тех концепциях, где тело рассматривается в относительно позитивном смысле, оно не является самоценным объектом. Сократ, например, говорил, что о теле нужно заботиться так же, как о своих сапогах.

Христианство сделало новый значительный шаг в понимании связи души и тела. Их судьба оказалась неразделимой. Поэтому в христианской концепции после смерти в результате воскрешения сохраняется не только душа, но и освобожденное от греха, преобразованное тело. Соответственно, тело стало столь же уникально, как и душа. Оно стало предметом внимания человека, прежде всего направленного на то, чтобы ограничить идущие от тела бесконтрольные проявления эмоциональной жизни.

Современное общество подошло к другому рубежу. К рубежу реконструкции тела. Впервые эту проблему поставил Станислав Лемм в книге «Сумма технологий». Фантаст Лемм рассматривает проблему переделки тела человека в связи с тем, что длительные космические путешествия, используемые при этом источники искусственного питания, могут сделать традиционные органы человеческого тела ненужными. Тело человека является, по его мнению, несовершенным и по ряду других параметров, например, в результате соединения органов оплодотворения с мочеиспускательной системой и т.д. Лемм говорит, что в том случае, если человечество окажется способным технологически перестроить тело человека, преемственность культуры будет нарушена. Именно потому, что многие ценности в искусстве и многие привычные для нас чувства связаны с устоявшейся телесной организацией.

Разрыв в культурной связи поколений не просто опасен. Он, безусловно, катастрофичен для общества: ведь именно эта связь позволяет сформировать некоторый высший смысл индивидуального бытия, связать свою жизнь с решением тех исторических задач, которые встают перед каждым поколением. Это в свою очередь дает возможность иметь совместно разделенные с другими людьми цели и утверждать собственное достоинство в процессе их реализации. Полностью освободившись от таких представлений, человек превратится в суперпотребителя, гедониста, мало чем отличающегося от стремящегося к наслаждениям наркомана.

Рассмотрение тела как уникального носителя сознания показывает, что мы имеем основания для осуждения самоубийства, проституции, аборта. Хотя нравственно осуждение аборта как таковое еще не означает необходимости его полного правового запрещения. Необходимо учитывать и другие социальные и биологические факторы. Реальное желание женщины иметь детей (нежеланные дети могут быть несчастными), ущемление прав женщины иметь равные возможности своей самореализации в обществе в смысле карьерного роста, возрастание нелегальных абортов при их полном запрещении.

Но сказанное, конечно, не означает, что мы должны вернуться к патерналистской концепции и не обсуждать методы лечения и риски с врачом. Пациент вправе давать или не давать согласие на рискованные операции или связанные с риском методы обследования.

Сложнее обстоит дело с такой проблемой биомедицинской этики как «эвтаназия». Активная добровольная эвтаназия в строгом смысле слова – самоубийство. Но это самоубийство, в которое вовлечены третьи лица. Таким образом, это самоубийство, приближенное к убийству. В западной литературе активную добровольную эв-

таназию иногда называют «ассистированное самоубийство». С точки зрения того, что было сказано о самоубийстве ранее, активная эвтаназия недопустима. Но человек также имеет право на достойную жизнь. Это право вступает в противоречие с его нравственной обязанностью жить тогда, когда жизнь становится недостойной и бесполезной для окружающих, когда человек уже не может сделать вклад в культуру. Тогда получается, что у него нет и нравственной обязанности жить. Таким образом, с чисто формальной точки зрения активная эвтаназия оказывается допустимой.

Законодательство об эвтаназии в разных странах противоречиво. Сейчас эвтаназия разрешена в Нидерландах (с 12 лет), в Швейцарии, Бельгии (без ограничений). В США в штатах Орегон (был первым штатом, разрешившим эвтаназию), Вашингтон, Вермонт, Монтана, Калифорния. Пассивная эвтаназия разрешена в Германии, странах Бенилюкс, Израиле, Швеции, Мексике. Согласно статистике, среди мотивов совершения эвтаназии тяжелые заболевания находятся на последнем месте. На первом – неудовлетворенность жизнью в состоянии потери достоинства. В Орегоне закон «О смерти и достоинстве» был принят населением этого штата на референдуме в 1997 году. Такие же решения приняты апелляционными судами второго округа Нью-Йорка и девятого округа Калифорнии. В этом штате в 1977 г. на референдуме был принят закон «О праве человека на смерть». В соответствии с ним неизлечимо больные люди могут оформить документ, в котором изъясляется воля отключить реанимационную аппаратуру.

Однако на практике провести процедуру эвтаназии в США оказывается достаточно сложно, так как Американская медицинская ассоциация приняла решение, запрещающее своим членам участвовать в процедуре эвтаназии. Его основанием является лозунг «Врачи не должны быть палачами». Такое же решение принято и ассоциацией психиатров. Но перед выполнением требования об отключении аппаратуры в Калифорнии пациент должен пройти психиатрическое освидетельствование, которое оказывается некому проводить. Тем не менее в настоящее время психиатрическую экспертизу перед эвтаназией проходят около 5,5% желающих совершить этот акт.

Основными аргументами против активной эвтаназии является утверждение святости человеческой жизни (жизнь дается человеку, он ее не выбирает); утверждение, что человек, страдающий от тяжелого заболевания, не может принимать адекватного решения, так как либо страдает от невыносимых болей, либо находится под влиянием наркотических средств; исследователи также указывают на возможность изобретения в последний момент лекарства, способного изле-

чить больного. Есть и аргументы чисто философского характера: воля не может сама себя отрицать, даже тогда, когда человек испытывает страдания, жизнь как бытие все равно лучше, чем небытие. Применительно ко всем видам эвтаназии указывается также на опасность злоупотреблений.

Пассивная недобровольная эвтаназия по существу представляет еще более сложный вопрос, ведь человек здесь принимает решение не сам. Всегда может оставаться аргумент: а если бы мы его спросили, согласился бы он на свою смерть? Человек, правда, может находиться в коме в состоянии смерти коры головного мозга, тогда он, выйдя из комы, может вернуться лишь к так называемому «растительному» (бессознательному) существованию. В таком случае пассивная эвтаназия, вроде бы кажется оправданной, тем более что поддержание в состоянии комы достаточно дорого стоит обществу или родственникам больного. Но, так же как и в случае с активной эвтаназией, остается аргумент о возможности изобретения в последний момент какого-то продвинутого лекарства, способного больного излечить. Надежда на это, правда, не так уж велика. В некоторых случаях ее и вообще нет, скажем, если точно известно, что все клетки коры мозга умерли, фактически также стерлась вся информация, накопленная в ходе индивидуальной жизнедеятельности. Тогда даже возрождение клеток к жизни, что само по себе не представляется реальным на данном этапе развития медицины, не обеспечит возможности избежать неменяемого состояния после излечения, ведь взрослый мозг, не обладающий никакой последовательно приобретенной информацией, несомненно, будет неработоспособным мозгом. Затраты же на содержание больного в коме являются весьма значительными.

Я думаю, что аргумент о святости жизни и о том, что она нами не выбирается, а, например, дается и отбирается Богом, не работает в связи с тем, что поддерживая жизнь с помощью современной медицинской аппаратуры, человек уже вмешивается в естественный ход событий. Степень же такого вмешательства может находиться в границах его нравственных размышлений. Понятно, что когда вырабатывался кодекс Гиппократова, у людей просто не было таких средств вмешательства в естественные события, как, скажем, реанимационные мероприятия, выводящие человека из состояния клинической смерти. Поэтому некоторые врачи считают, что в принципе допустимо не производить реанимационные мероприятия для терминально больного человека в последней стадии заболевания.

Как видно, даже предложенных в данной статье философских оснований против либеральной концепции распоряжения собствен-

ным телом оказывается недостаточно для принятия решения в каждом конкретном случае.

Я полагаю, что в решении данной проблематики общество должно идти по пути отработки процедуры принятия решений. В частности, для пассивной эвтаназии это может быть практика предварительно составленного завещания, что разрешено в ряде американских штатов. При этом решение должно проводиться коллегиально на основе совещания родственников, лечащих врачей, независимых экспертов, имеющих профессиональное образование, и привлеченных непрофессионалов. Конечно, сложно собрать такую команду в каждом конкретном случае, но это, думается, необходимо. Похожая практика имеет место в Великобритании. Это так называемый гражданский суд. Некоторая медицинская структура создает общественный комитет, который рассматривает дело на основе принципов, схожих с принципами рассмотрения дела в суде присяжных. Решение обязательно принимается на основе сочетания мнения профессиональных экспертов и непрофессионалов. Медицинская структура может согласиться или не согласиться с этим мнением, но в случае несогласия должна объяснить свое решение.

Что касается активной добровольной эвтаназии, то она, на мой взгляд, должна быть запрещена. Во-первых, потому, что настроение человека переменчиво, и он, действительно, может принять решение, а в последний момент о нем пожалеть. Во-вторых, потому, что само сознание человека о том, что он в любой момент может по собственному желанию умереть, снижает его волю к сопротивлению болезни. Наконец, в-третьих, если речь идет о терминально больном человеке, последние недели или дни его жизни могут продлиться не так уж долго (т.е. это не связано со значительными материальными затратами общества), и при современных обезболивающих средствах страдания могут быть облегчены.

Намеченная совокупность вопросов, позволяет взглянуть на проблему и с другой стороны: насколько нужно сохранять и охранять тело человека, если оно принципиально не может выполнить отведенные ему культурные функции. Речь, конечно, не идет о какой-то евгенике или о том, что не нужно заботиться об инвалидах и нетрудоспособных. Современное общество, наоборот, должно делать все возможное для обеспечения жизни этих людей по высшим гуманитарным соображениям. Но если современные методы исследования еще не родившегося плода показывают, что этот человек будет совершенно лишен разума, способен только к растительной жизни, не является ли обязанностью общества предотвратить рождение такого человека? Пока решение этого вопроса остается по существу только

за родителями, а именно за женщиной, которая может сделать аборт или может отказаться от такого ребенка после его рождения. Но достаточно ли этого? Думаю, что речь здесь опять же должна идти о процедуре отработки принятия решения, и аргумент возможных злоупотреблений для запрещения связанной с решением проблемы социальных практик не может быть рассмотрен как серьезный аргумент. Злоупотребления возможны во всем – и при трансплантации органов, и при внедрении новых лекарственных препаратов, так же как при использовании связанной с риском диагностики или рискованных методах лечения. Это не означает, что общество должно от всего этого отказываться, а означает как раз то, что нужно выработать эффективную процедуру принятия решений.

Список литературы

1. *Кант И.* Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т.4. М., 1994. С. 196.
2. *Кант И.* Метафизика нравов // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 428.
3. *Левинас Э.* Диахрония и репрезентация // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 156.
4. *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1990. С. 244-245.
5. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007. С. 448.
6. *Цицерон М.Т.* Тускуланские беседы // Цицерон. Избр. соч. М.: ФОЛИО, 2000. С. 219.
7. *Harman G.* The nature of Morality. // Ethics. History, theory and Contemporary Issues. Second Edition. NY, Oxford, Oxford University Press. 2002. P. 634.

В.Ю.Перов

УДК 174

Каким профессиям нужна профессиональная этика?¹

Аннотация. Статья посвящена определению специфических характеристик профессиональной деятельности, в которых существуют потребности в формировании профессиональной этики. Проблемы «самоидентификации» прикладной и профессиональной этик, а также вопросы их соотношения являются одними из наиболее существенных для современного состояния этического знания. В результате исследования были выявлены возможные способы взаимоотношений между прикладными и профессиональными этиками: существование относительно самостоятельных профессиональных этик по отношению к прикладным этикам; существование профессиональных этик, которые являются основой прикладной этики; прикладная этика, существующая безотносительно к профессиональной этике; профессиональная этика как не имеющая строгого соответствия в прикладных этиках. В статье отмечается, что в настоящее время наблюдается увеличение числа теоретических и эмпирических исследований в области профессиональных этик, и кроме того профессиональная этика приобретает характер нормативно оформленных практических требований к профессиональной деятельности. В ходе проведенного исследования проанализированы этические требования, которые сформулированы в некоторых существующих в Российской Федерации профессиональных стандартах, а также положения ряда кодексов профессиональной этики. В результате был выявлен ряд черт, которые являются характеристиками «этико-ориентированных» профессий: ориентация профессиональной деятельности на социальные блага, существование внутренних моральных установок; наличие внешних моральных ожиданий со стороны общества; нравственная конфликтность принятия решений при осуществлении профессиональной деятельности, персонализм профессиональной деятельности; возникновение специфических иерархических отношений внутри профессии; наличие автономных процедур принятия в профессию; наличие внутри профессий организационных структур, которые способствуют поддержанию профессиональной этики. В статье отмечается, что данные характеристики выступают не только дескриптивными, но и нормативными характеристиками «этико-ориентированных» профессий.

¹ РГНФ №16-03-00388а

Ключевые слова: прикладная этика, профессиональная этика, этические кодексы, профессиональные стандарты, нравственные конфликты, этико-ориентированные профессии.

Дискуссия по поводу особенностей появления, формирования, сущности, структуры, содержания и т.д. прикладной этики, разворачивающаяся на страницах журнала «Ведомости прикладной этики»² на протяжении последних лет, с одной стороны, свидетельствует о растущем интересе к проблемам этико-прикладного знания, с другой – о том, что проблема «самоидентификации» прикладной и профессиональной этик до сих пор не нашла своего пусть и не однозначного, но хотя бы общепринятого (даже в среде самих «этиков») решения. Своеобразным иллюстрирующим примером может служить то, что когда писалась эта фраза, были сомнения, как правильно (в том смысле, чтобы это не вызывало дополнительных вопросов у коллег и читателей) написать прикладная этика или прикладные этики, иными словами есть одна прикладная этика или же много «конкретизированных» прикладных этик. Кроме того, не меньшие «колебания» возникают и в отношении использования терминов «прикладная» и «профессиональная» этика. Можно ли их употреблять фактически отождествляя, например, «прикладная (профессиональная) этика», или же различия между ними столь существенны, что их необходимо четко разделять? Журналистская этика это «*профессиональная этика*» и/или «*этика профессии*» (опять, возможно, здесь присутствует принципиальное терминологическое различие (!?) или это близкие, практически тождественные понятия), но можно ли назвать ее «*прикладной этикой*»? Аналогично и об «инженерной этике»: речь идет о «*профессиональном инженерном этосе*» или «*этосе профессии инженера*»? «*Мораль инженерной профессии*» или «*профессиональная инженерная мораль*»? Можно ли «*экологическую этику*» назвать «*профессиональной этикой*», в том смысле, что есть ли она этика, направленная на решение моральных проблем, возникающих в рамках профессиональной деятельности эколога, или она есть «прикладная этика», которая призвана решать экологические моральные проблемы? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден, поскольку, *во-первых*, не совсем

² Под названием «Ведомости прикладной этики» в данном случае объединены и все сопутствующие издания «под эгидой» НИИ прикладной этики Тюменского индустриального университета (ранее: Тюменского государственного нефтегазового университета), включая и те издания, которые предшествовали созданию самого НИИ, но который во многом является их «проектно-прикладным» воплощением.

четко определена сама профессия «эколога», которым могут быть профессиональные химики, биологи, ветеринары, географы, океанологи, юристы, социологи и т.д., и их деятельность простирается от борьбы с вредными выбросами предприятий в мегаполисах до защиты редких животных в отдалённых арктических регионах; во-вторых, экологическими проблемами занимается множество людей, для которых эта деятельность может быть никак не связана с их профессиональной деятельностью, а является общественной активностью, и зачастую эта активность является реакцией на вполне конкретные «разовые» события (строительство потенциально опасных производств, вырубка лесов или зеленых насаждений, угрозы редким и вымирающим видам растений или животных и т.д.); в-третьих, экологическая этика является частью того, что принято в предельно общем виде называть «экологическая политика», и в этом контексте отнесение ее к профессиональным этикам будет не совсем оправданным, в большей степени она «похожа» на этику прикладную. Но тогда вопрос по-прежнему остается: *экологическая этика это прикладная или профессиональная?*

Данные замечания относительно имеющихся терминологических споров по поводу классификаций и определений свидетельствуют о том, что прикладные и профессиональные этики только в «начале» большого пути своего становления и развития, несмотря на имеющиеся достижения и успехи как теоретико-методологического, так и практического характера. Тем не менее можно высказать предположение: если принять в качестве исходного допущения общую и ставшую почти хрестоматийной идею о том, что прикладные этики занимаются моральными проблемами в различных сферах общественной жизни, а профессиональные – в соответствующих профессиях, виды их соотношений могут быть представлены следующим образом.

1) Профессиональная этика как более самостоятельная по отношению к прикладной (напр., этика адвоката, судьи, нотариуса и т.д. / этика права); 2) профессиональная этика как основа этики прикладной (напр., этика ученого / этика науки); 3) прикладная этика как не имеющая строгого коррелята в профессиональных этиках (напр., экологическая этика); 4) профессиональная этика как не имеющая строгого коррелята в прикладных этиках (напр., инженерная этика). Следует отметить, что указанные различия обусловлены не только спецификой существующих этико-прикладных проблем, но и особенностями тех профессий, в которых возникает потребность в существовании профессиональных этик.

В настоящее время наблюдается не только увеличение числа теоретических и эмпирических исследований в этой области, но и то, что профессиональная этика приобретает характер нормативно оформленных практических требований профессиональной деятельности. Примером может служить то, что в некоторых профессиональных стандартах, разрабатываемых и утверждаемых Министерством труда и социальной защиты РФ, в качестве характеристик трудовых функций сформулированы профессионально-этические требования. При этом в профессиональных стандартах встречаются очень разные посвященные этическим аспектам профессий формулировки³, которые могут быть сгруппированы следующим образом: а) требования о необходимости соблюдать общие этические нормы в профессиональной деятельности (например, положение «Решать профессиональные задачи в соответствии с нормами этики» (профессиональный стандарт «Следователь-криминалист») [4], или наличие пункта «Нормы этики и делового общения», отнесенного к рубрике «Необходимые знания» (профессиональный стандарт «Специалист по управлению персоналом») [7]; б) указания на существование особой профессиональной этики (например, формулировка «Соблюдение правовых, нравственных и этических норм, требований профессиональной этики» (профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования), (воспитатель, учитель)» [3] или требование «Соблюдать профессионально-этические требования к деятельности специалиста по социальной работе» (профессиональный стандарт «Специалист по социальной работе» [6]; в) наличие указания на нормативно-кодифицированное оформление профессиональной этики (например, упоминание «Кодекса профессиональной этики медиатора») (профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)») [5].

Одна из возникающих в данном контексте проблем заключается в вопросе: все ли профессии нуждаются в особой профессиональной этике, которая (в том числе) может быть оформлена в виде некоторого документа под общим названием «кодекс профессиональной этики» (следует отметить, что в действительности названия подобных документов очень разнообразны). Это может быть «Профессионально-этический кодекс», «Кодекс этики», «Кодекс чести»,

³ Справедливости ради стоит отметить, что не удалось выявить какую-то закономерность, объясняющую основания таких различий. Возможно, это обусловлено позициями и общими этическими представлениями авторов-составителей профессиональных стандартов.

«Кодекс корпоративной этики» и т.д.). Произведенный анализ ряда как отечественных, так и зарубежных «кодексов профессиональной этики» позволил, *во-первых*, установить, что для многих профессий в этическом плане достаточно того, что может быть названо «повседневной», «обыденной», «общепринятой» нравственностью, то есть не имеющей специфических характеристик собственно профессиональной этики. Трудно возразить, что профессионалы в соответствующей области должны быть честными, справедливыми, профессионально компетентными, уважительно относиться к коллегам, партнерам и клиентам, добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности и т.д., но при этом говорить о какой-то специфической профессиональной этике крайне затруднительно. Например, чем профессиональная этика сантехника существенно отличается от профессиональной этики автомеханика? В чем состоит конкретизация требований морального выбора в этих профессиях? Сомнительно, что эти вопросы имеют значимые содержательные ответы. *Во-вторых*, обнаружено, что перечень существующих во многих кодексах положение в виде этических принципов, норм и ценностей (честность, компетентность, добросовестность, справедливость, ответственность и т.д.) не только не отличается от кодекса к кодексу, но зачастую их содержание даже не позволяет определить об этике какой профессии идет речь. *В-третьих*, было установлено, что есть профессии, которые могут быть названы «этико-ориентированными» в том смысле, что у них существует потребность в специфической профессиональной этике. В качестве наиболее важных можно выделить взаимосвязанные характеристики (признаки) таких «этико-ориентированных» профессий: 1) ориентация на социальные (непруденциальные) блага; 2) внутренние (субъективные) моральные установки; 3) внешние моральные ожидания со стороны общества; 4) нравственная конфликтность принятия решений; 5) персонализм профессиональной деятельности; 6) специфические иерархические отношения внутри профессии; 7) автономные процедуры принятия в профессию, способы признания и продвижения по службе; 8) организационные структуры, деятельность которых направлена на формирование и поддержание профессиональной ответственности, солидарности и доверия. Более детально эти характеристики могут быть представлены следующим образом.

1) *Ориентация на социальные (непруденциальные) блага.* Хотя понятие «социальное благо» вызывает многочисленные споры и дискуссии, в том числе и в контексте различения «социального блага» и «общего блага» в смысле этики утилитаризма как «наибольшего блага для наибольшего числа людей». В данном случае

речь идет о том, что профессиональные деятельности относятся к такой области, в которой извлечение прибыли и получение дохода не может рассматриваться как безусловно оправданный в моральном отношении императив. Причем речь идет как об индивидуальной профессиональной деятельности судьи (принятие судебного решения не должно иметь целью обогащение судьи), так и само осуществление судебной деятельности (этически неправильно ставить перед судебной системой в качестве безусловно приоритетной задачу пополнения государственного бюджета, даже вопреки юридическим нормам). К классическому этосу науки Р.Мертон относится императив бескорыстности, предполагающий приоритет истинности перед соображениями пруденциальности. В некоторых случаях отношение некоторых видов профессиональной деятельности к социальным благам даже закрепляется законодательно (например, ст.2 п.1 «Закон об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ относит образование к «социально значимым благам»). С другой стороны, достижение и обеспечение социальных благ оказывается весьма затратным для общества, что обуславливает возникновение тенденций интерпретировать соответствующие профессиональные деятельности как ориентированные на получение максимальной прибыли (например, некоторые положения упомянутого закона №273-ФЗ позволяют трактовать образование как сферу услуг, что превращает его в коммерческое предприятие). Такая ситуация создает условия для возникновения моральных конфликтов при осуществлении профессиональной деятельности, что требует этического регулирования в плане формулирования соответствующих ценностных и нормативных приоритетов. Например, в Преамбуле «Бухарестской Декларации по этическим ценностям и принципам высшего образования в Европейском регионе» отмечается, что «Как бы ни были важны университеты для обеспечения экономического богатства, в глобальной экономике знаний они не могут рассматриваться просто как «фабрики» по производству науки, техники и технических специалистов. У них есть ключевые интеллектуальные и культурные обязанности, которые являются более предпочтительными в обществе, основанном на знаниях» [8].

2) *Внутренние (субъективные) моральные установки.* Данная характеристика предполагает, *во-первых*, что в большинстве этих профессий от работников требуются особые моральные качества (например, мужество для работников силовых структур, беспристрастность для судей и т.д.), *во-вторых*, предполагается, что требования профессионального долга будут приоритетными перед личными предпочтениями и интересами (например, государственные

служащие должны избегать «конфликтов интересов», врачи должны лечить не только потому, что они получают за это зарплату, но и потому, что заботятся о здоровье пациентов, что является следствием пункта (1) и т.д.).

3) *Внешние моральные ожидания со стороны общества.* Исполнение должностных обязанностей в большинстве таких профессий предполагает предоставление особых исключительных прав (в том смысле, что это специальные права, которых лишены «обычные» люди). Например, право на профессиональную тайну и/или на сохранение конфиденциальной информации (врачи, адвокаты, журналисты и т.д.) или право на использование легитимного насилия, в том числе с применением оружия (работники силовых структур, правоохранительных органов и т.д.). В связи с этим в обществе возникает явное или неявное требование к тому, что подобные права могут быть предоставлены порядочным, то есть хорошим в моральном отношении людям, которые не будут злоупотреблять этими правами в том смысле, что они не превратятся в привилегии. Косвенный результат такого отношения к соответствующим профессиям выражается в том, что нормы профессиональной этики зачастую распространяются не только на действия, связанные с исполнением должностных обязанностей, но и на внеслужебное поведение. В качестве примера можно обратиться к положениям «Кодекса судейской этики» (утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года), который как раз подчеркивает указанные обстоятельства: «Государственные гарантии независимости, неприкосновенности, несменяемости судей, недопустимости вмешательства в их деятельность, высокий уровень материального и социального обеспечения являются не личной привилегией судей, а средством обеспечения целей правосудия – вынесения законных, обоснованных и справедливых судебных решений... В своей профессиональной деятельности и вне службы судья обязан соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, руководствоваться Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», нормами процессуального законодательства, другими нормативными правовыми актами, а также принципами и правилами поведения, установленными Кодексом судейской этики, общепринятыми нормами морали и нравственности, неукоснительно следовать присяге судьи» [2].

4) *Нравственная конфликтность принятия решений.* Эта характеристика может быть интерпретирована с различных точек зрения. *Во-первых*, многие «этико-ориентированные» профессии имеют дело с конфликтами и деятельность связана с их преду-

преждением и разрешением. *Во-вторых*, это уже упоминавшиеся в пункте (2) возможный конфликт между личными предпочтениями и профессиональным долгом (например, адвокат обязан осуществлять защиту даже того человека, которого лично он хотел бы видеть осужденным, врач обязан лечить «невзирая на лица» и т.д.), моральными обязанностями и привилегиями. *В-третьих*, конфликты между возникающими в рамках профессиональной деятельности моральными целями и соответствующими профессионально-этическими требованиями (например, конфликты в ходе проведения клинических испытаний: соблюдение прав испытуемых, затраты на проведение испытаний, добросовестность их проведения, стремление получить результат как можно быстрее, чтобы это лекарство могло помогать больным; информированное согласие в условиях «слепых» рандомных клинических испытаний с использованием плацебо и т.д.; в журналистской деятельности – конфликт между стремлением как можно быстрее донести до публики актуальную информацию и необходимостью ее тщательной проверки, которая требует времени и ресурсов, и т.д.). Предполагается, что способы и процедуры этически корректных решений и поведения подобных конфликтов находят свое отражение и формальное закрепление в соответствующих «кодексах профессиональной этики».

5) *Персонализм профессиональной деятельности*. Одной из характеристик данных профессий является то, что они предполагают существенную самостоятельность работников. Так, судья обладает процессуальной самостоятельностью, лечащий врач лично ставит окончательный диагноз и назначает лечение и т.д., что требует от работника определенных как профессиональных, так и моральных качеств. Такая ситуация во многом обуславливает появление следующих характеристик (пункты 6;7;8).

6) *Специфические иерархические отношения внутри профессии*. Предполагающаяся самостоятельность принятия профессиональных решений в качестве своей причины имеет не только наличие упоминавшихся ранее «особых прав», но и наличие в ряде профессий специальных знаний и компетенций. В связи с этим, возникает ситуация, когда даже наличие организации, в рамках которой осуществляется профессиональная деятельность и в которой возникают отношения «начальник/ подчиненный», не отменяет персонализма профессиональной деятельности, поскольку «подчиненный» может быть не только защищен особым статусом (например, судья, адвокат и т.д.), но и обладать большим объемом профессиональных компетенций (например, учёный по отношению к администратору университета или научного института, учитель по отношению к

директору школы и т.д.). И возможные конфликты отношений «начальник/ подчиненный» в таких профессиях также являются предметом этического регулирования. Кроме того, наличие специальных знаний и компетенций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, выступает основанием для автономии таких профессий, поскольку возникающие проблемы требуют именно квалифицированного профессионального подхода, который оказывается недоступным непрофессионалам. С другой стороны, именно такая «недоступность» является причиной появления корпоративной замкнутости и nepотизма профессий, что ведет к увеличению социальных рисков и снижает уровень доверия к профессиям.

7) *Автономные процедуры принятия в профессию, способы признания и продвижения по службе.* Специальные профессиональные знания и компетенции, а также и персонализм профессиональной деятельности предполагают, что во многих профессиях для занятия соответствующей должности требуются особые аттестационные процедуры, предусматривающие подтверждение или уже имеющейся квалификации или получение новой (например, квалификационные экзамены для судей, адвокатов, нотариусов, ученые степени и звания, а также конкурсные процедуры трудоустройства для научно-педагогических работников и т.д.). Существенной для функционирования профессиональной деятельности является этическая корректность подобных процедур, поскольку ее отсутствие ведет к порыву доверия, девальвации соответствующих квалификационных, должностных и почетных «регалий» (званий, степеней, разрядов и т.д.), формированию «чувства подозрительности», как внутри профессии, так и по отношению к ней.

8) *Организационные структуры, деятельность которых направлена на формирование и поддержание профессиональной ответственности, солидарности и доверия.* Персонализм профессий и наличие особых профессиональных и моральных требований к работникам порождает ситуацию, в которой по характеру и результатам деятельности отдельных представителей судят по профессии в целом. В результате чьего-то недобросовестного поведения падает авторитет и престиж профессии, что снижает уровень доверия как внутри, так и по отношению к ней. Это затрудняет исполнение профессиональных обязанностей и делает проблематичным достижения как профессиональных результатов, так и того социального блага, существование которого данная профессия призвана обеспечить. Кроме того, самостоятельность принятия решений в морально конфликтных ситуациях требует поддержки со стороны профессионального сообщества, что также предполагает наличие некоторых

организованных структур. Эти структуры могут быть оформлены в виде так называемых этических комитетов и комиссий, или соответствующие функции возлагаются на существующие органы управления. В зависимости от конкретной профессии это могут быть как структуры внутри какой-то организации (университета, больницы, коллегии адвокатов и т.д.) или в рамках профессиональных союзов и ассоциаций, существование которых характерно для «этико-ориентированных» профессий, или то и другое вместе. При этом очень важным моментом является не только наличие дисциплинарных репрессивных процедур, направленных на борьбу за «чистоту рядов», но и способы формирования солидарности и помощи для решения возникающих при осуществлении профессиональной деятельности проблем. Как было сказано выше (см. пункт 5) одной из характеристик «этико-ориентированных» профессий является «персонализм», который относится не только к решению собственно профессиональных задач, но и к возможным ситуациям нравственных конфликтов (см. пункт 4). Проблема состоит в том, что решение ситуаций и нравственных конфликтов не может быть ограничено личностным моральным выбором, поскольку профессиональная деятельность носит общественно значимый характер (см. пункт 1). В связи с этим, деятельность этических структур (комитетов) согласно некоторым профессиональным этическим кодексам предполагает организованную помощь в определении морально правильного поведения в этически сложных ситуациях. В качестве положительного примера нормативного закрепления взаимоотношения профессионалов и их объединений можно привести положение из «Кодекса профессиональной этики адвоката РФ»: п.18.3 «Адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета относительно применения положений настоящего Кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности» [1]. В документе речь идет о том, что Совет адвокатской палаты обязан (!), в случае соответствующего обращения адвоката, предоставить рекомендации для корректного с точки зрения профессиональной этики поведения и взять на себя обязательства по защите своего члена: ст.4.п.4 «В сложной этической ситуации адвокат имеет право обратиться в Совет за разъяснением, в котором ему не может быть отказано» [1]. Данное положение свидетельствует о том, что деятельность адвокатской палаты для поддержания этических стандартов профессиональной деятельности не ограничивается только наложением дисциплинарных взысканий, но и предполагает помощь в деле предупреждения возможных случаев неэтичного поведения и возникновения моральных конфликтов. Аналогичное положение присутствует и в «Кодексе

судейской этики» ст.1.п.5: «Если судья испытывает затруднения в определении того, будет ли его поведение в конкретной ситуации отправления правосудия либо во внесудебной деятельности соответствовать требованиям профессиональной этики и статусу судьи или если судья не уверен в том, как поступать в сложной этической ситуации, чтобы сохранить независимость и беспристрастность, он вправе обратиться с соответствующим запросом в Комиссию Совета судей Российской Федерации по этике за разъяснением, в котором ему не может быть отказано» [2].

Следует отметить, что указанные характеристики имеют для «этико-ориентированных» профессий нормативный идеально-типический характер, что означает: *во-первых*, существует очень мало профессий, которым присуще все эти характеристики без исключения, многие из «этико-ориентированных» профессий соответствуют только большинству из них; *во-вторых*, значимость этих характеристик далеко не одинакова в различных профессиях; *в-третьих*, некоторые из них являются не только дескриптивными характеристиками в качестве признаков данных профессий, но и имеют императивный характер, то есть выступают с требованиями, которым данная профессиональная деятельность должна соответствовать.

Список литературы

1. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.03.2003 года (с изменениями и дополнениями, утвержденными II Всероссийским съездом адвокатов 08.04.2005; III Всероссийским съездом адвокатов 05.04.2007; VI Всероссийским съездом адвокатов 22.04.2013; VII Всероссийским съездом адвокатов 22.04.2015, VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017).

2. Кодекс судейской этики (утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 года).

3. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования), (воспитатель, учитель)», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.10.2013 г. № 544н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 06.12.2013 г., регистрационный № 30550), с изменениями, внесенными приказами Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25.12.2014 г. № 1115н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 19.02.2015 г., регистрационный № 36091) и от

05.08.2016 г. № 422н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 23.08.2016 г., регистрационный № 43326).

4. Профессиональный стандарт «Следователь-криминалист», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 23.03.2015 г., N 183н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 07.04.2015 г., регистрационный №36755).

5. Профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15.12.2014 г. № 1041н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 29.12.2014 г., №35478).

6. Профессиональный стандарт «Специалист по социальной работе», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22.10.2013 № 571н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 06.12.2013 г., регистрационный № 30549).

7. Профессиональный стандарт «Специалист по управлению персоналом», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 06.10.2015 г. № 691н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 29.12.2014 г., регистрационный № 35478).

8. The Bucharest Declaration on Ethical Values and Principles of Higher Education in the Europe Region (adopted at the International Conference on Ethical and Moral Dimensions for Higher Education and Science in Europe 2-5 September 2004, Bucharest, Romania).

А.А. Сычев

УДК 179.3

**Экологическая этика в России:
становление и перспективы развития**

Аннотация. В статье описывается история и обсуждаются перспективы развития экологической этики в России. Выделен подготовительный этап развития идей об отношении человека к природе, заложивший основания для отечественной экологической этики (конец XIX – XX вв.). В его рамках рассматриваются идеи В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, П.А. Кропоткина, В.И. Вернадского. 1980-е годы – период становления идей экологической этики как самостоятельной академической дисциплины (появление первых отечественных монографий, учебных пособий, курсов, организаций). Рубеж XX – XXI вв. обозначен как этап ее институционализации, в ходе которой она оказалась вписана в общемировой контекст развития этико-прикладного знания. Автор предполагает, что центром кристаллизации нового образа экологической этики в будущем станет принцип предосторожности, предполагающий не максимизацию благ, а минимизацию морально значимых рисков. В определенном смысле это предполагает возвращение в прошлое: к представлениям, возникшим в традиционной крестьянской общине, которая (как и все человечество сегодня) ставило перед собой задачи выживания. «Этика выживания» изначально представляла собой систему традиционных земледельческих норм и правил, которые серьезно повлияли на становление русской философии и культуры. Автор предполагает, что в этой сфере отечественная экологическая этика способна обрести свою специфику и внести свой вклад в мировую этическую мысль.

Ключевые слова: экологическая этика, история этики, принцип предосторожности, этика выживания.

Промышленная революция XVIII – XIX вв. привела к масштабным изменениям во всех сферах жизни общества. С одной стороны, она позволила резко повысить производительность труда и улучшить качество жизни людей, с другой – обострила многие социальные проблемы и многократно ускорила процесс отчуждения человека от природы. Закономерной реакцией на это стало формирование антииндустриальных настроений, выражавших ностальгию по утраченной гармонии человека и природы (романтизм), желание возвратиться к привычному сельскохозяйственному укладу жизни (физиократизм), призыв к отказу от использования машин (луддизм) и т.д. Эти настроения, впрочем, долгое время оставались периферийными и неорганизованными: они не составляли целостной системы и не имели под собой внятных теоретических обоснований. Широкая публика воспринимала подобные идеи как оторванные от действительности и об-

реченные на забвение: они не были способны замедлить, а тем более повернуть вспять поступь прогресса. Тем не менее многие из идей, высказанных в XIX – первой половине XX в. до сих пор не потеряли актуальности. В работах некоторых западных исследователей этого периода (Р. У. Эмерсона, Дж. Мюира, О. Леопольда, А. Швейцера и др.) были предугаданы многие будущие проблемы, связанные с утерей связей человека и природы и предложены различные способы их разрешения.

В отличие от стран Запада Россия долгое время оставалась традиционной аграрной страной: первые попытки ее индустриализации начались в самом конце XIX века. Большая часть населения рассматривала природу через призму крестьянского мировосприятия, которое сохраняло и устойчиво воспроизводило характерные для древних традиционных культур представления о единстве, слитности социального и естественного порядка. Важнейшим элементом природного окружения для крестьянина была земля, а труд на земле был центром системы его нравственных ценностей.

Ряд идей, определивших специфику становления отечественной экологической этики, разрабатывается на первом, *подготовительном* этапе развития этико-экологической мысли, продолжавшемся около столетия: с конца XIX в. до конца XX в.

Русский философ В. С. Соловьев выделял три основных этапа отношения человека к природе: подчинение ей, покорение ее и, наконец, ее утверждение. На высшем этапе нормой деятельности является «культивирование земли, ухаживание за нею ввиду ее будущего обновления и возрождения... Возделывать землю – не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит улучшать ее, вводить ее в большую силу и полноту бытия» [18, 496]. Целью в этом случае становится не только благополучие человека, но и благополучие природы, которая, согласно Соловьеву, обладает неутилитарной ценностью. Наличие этой ценности предполагает прекращение всякого насилия по отношению к природе: «Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни» [18, 497].

Особое значение для процесса формирования экологической этики в России имели работы Л.Н. Толстого. Толстой хорошо знал труды Р.У. Эмерсона и Г.Д. Торо, а также тексты индийской и китайской философии, которые утверждали сущностное единство человека с природой и ее отдельными элементами. Нравственно-экологическое кредо писатель высказывает в одной из своих записей в 1910 г. «Как во всякой нравственной деятельности, так и в следовании заповеди: “не убий”, дело не в достижении полного совершенст-

ва, а только в том, чтобы как можно больше приближаться к нему: как можно меньше убивать всяких живых существ, очевидно прежде всего людей, потом более близких, потом менее близких человеку существ, вызывающих в нас живое чувство сострадания, а потом и насекомых, и даже растения. Чем дальше уйдет человек по этой лестнице сочувствия к другим существам, тем лучше и другим существам и самому человеку» [19, 6].

В российских условиях начала XX века идеи Толстого о природном труде, основанном на ненасилии, нашли свое практическое выражение. Соединенные с традиционными крестьянскими представлениями о земле, они стали программой действий ряда толстовских крестьянских коммун. Их члены пропагандировали вегетарианство, не использовали труд домашних животных, отказывались от одежды из меха и кожи. Наиболее убежденные перетирали землю руками, полагая, что железо оскорбляет землю [12].

В России конца XIX – начала XX столетия (как правило, под влиянием идей Толстого) широко издавалась литература, посвященная нравственным аспектам отношения к животным. Среди многих подобных изданий следует выделить книги толстовца В. Г. Черткова «Злая забава. Мысли об охоте» (1890), а также «Жизнь одна (об убийстве живых существ)» (1912). Не меньшего внимания достойны художественные, публицистические и научно-публицистические очерки А.К. Ельского «Насколько развитие чувства сострадания к животным обеспечивает нравственность человечества, его умственные и социальные интересы» (1879), Я. А. Канторовича «Человек и животное. Этико-юридический очерк» (1898), В. В. Григоровича «Горькая доля» (1898), М. И. Лисовского «Немые страдальцы» (1903), П.В. Безобразова «Права животных» (1903) и т.д.

К началу XX века движение по охране дикой природы, восходящее к идеям Дж. Мюира, охватило все развитые страны Европы, в том числе и Россию. Зоолог Г.А. Кожевников защищал право дикой природы на существование без вмешательства человека [9]. А.П. Семенов-Тянь-Шанский видел в уважении этого права нравственный долг человека: «Создавая и уважая законы всякого разумного общества, мы не можем не сознавать, что на земной поверхности имеет высшее право свободного существования все на ней от века живущее. К тому же жизнь на Земле переплетена и связана такой сложной сетью внутренних взаимоотношений, что мы не имеем ни нравственного права, ни физической возможности нарушать искони установившееся равновесие жизненных сил» [17, 199].

Некоторый вклад в понимание природы с позиции этики внес русский ученый и анархист П.А. Кропоткин, который (в отличие от

Ч. Дарвина) полагал, что определяющим фактором развития в природе является не борьба, а взаимопомощь. Инстинкт взаимопомощи характерен для многих общественных животных и даже некоторых насекомых. Именно он способствует выживанию и сохранению вида. На этом положении основывается вывод о том, что «нравственное начало в человеке есть не что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе» [10, 265]. Солидарность – универсальный природно-социальный закон, условие развития общества и фундамент этики. Такой подход позволил Кропоткину распространить представление о моральном сообществе на животных.

На формирование экологической этики в России заметное воздействие оказала философия космизма – работы Н.Ф. Федорова, Н.А. Умова, К.Э. Циолковского. Наиболее influentialными в этом ряду оказались идеи В. И. Вернадского, продемонстрировавшего единство эволюции материального мира и живого вещества. Высшей стадией развития биосферы он (наряду с П. Тейяром де Шарденом и Э. Леруа) считал ноосферу – такую область взаимодействия природы и общества, в границах которой наука и человеческий разум становятся определяющими эволюционными факторами. На этой стадии человеческий разум превращается в геологическую силу космического масштаба, способную в ходе своей деятельности преобразовывать планету. Чтобы не допустить глобальной катастрофы, человечество, вооружившись научными знаниями, должно принять полную ответственность не только за свое будущее, но и за будущее биосферы. Для этого и потребуется, по мнению Вернадского, новая научно-ориентированная этика взаимодействия человека и природы. В этой связи он отмечает формирование тенденции, предполагающей глобализацию науки, «ее стремление к свободе мысли и то сознание нравственной ответственности ученых за использование научных открытий и научной работы для разрушительной, противоречащей идее ноосферы, цели» [5, 40]. Идеи Вернадского о ноосфере нашли свое дальнейшее преломление в трудах Н.Н. Моисеева, писавшего о коэволюции человека и биосферы, ряде философских работ Ф.И. Гиренка и т.д.

Мистический взгляд на идеи экологической этики предложил Д. Л. Андреев. В «Розе мира» (1958) он предрекает: «Приходит новое мироотношение: для него человек есть существо в грандиозной цепи других существ, он совершеннее многих, но и ничтожнее многих и многих, и каждое из этих существ имеет автономную ценность, безотносительно к его полезности для человека» [2, 99]. Ценность всякого существа возрастает вместе с усилиями, которые были затраче-

ны на то, чтобы он стал тем, кто он есть; в этом смысле ценность человека выше ценности животного. Однако по мере возрастания ценности растет и долг по отношению к тем, кто стоит ниже. Андреев описывает две группы мероприятий, начиная от запрета мучительных способов умерщвления животных и заканчивая ослаблением в животных хищного начала, которые должны привести к утопическому будущему, где люди и животные будут сосуществовать в мире ненасилия и гармонии.

В 1980-е гг. начинается этап *становления* отечественной экологической этики. Всего за десятилетие она проходит стадии, которые, как замечают В.И. Бакштановский и Ю.В. Согмонов, характерны для всякой инновации: «Первая: “что за чушь?!”», вторая: “что-то в этом есть”, третья: “кто же этого не знает?”» [3, 8]. Те идеи, которые поначалу казались непривычными и экзотическими, уже в 1990-х гг. воспринимались как общее место. Во многом высокие темпы освоения этико-экологического знания были связаны с осознанием чрезвычайной серьезности экологических проблем (особенно остро ощущавшейся после аварии на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г.), а также кризисным состоянием позднесоветского общества, находившегося в активном поиске новых моральных и социальных ценностей.

В книге Р.И. Александровой и А.В. Смольянова «Экология и мораль» (1984) были систематизированы взгляды зарубежных экофилософов на нравственные проблемы взаимоотношения человека и природы. Авторы утверждали, что решение экологических проблем недостижимо сугубо техническими средствами: лишь формирование особого, активного нравственно-экологического мышления может способствовать успеху на этом пути. «То, чем станет природа для человека, каким будет отношение к ней, во многом зависит от общей нравственной позиции личности. Поэтому нравственно-экологическое воспитание предполагает формирование активного морального самосознания, активной жизненной позиции, занимаемой личностью по отношению к природе» [1, 4]. Несколько позже вышла другая работа, развивавшая эту проблематику – «Этика и экологическое воспитание» С. В. Бородавкина (1988).

В 1986-м тема «Экология и мораль» была включена в общую программу этики в Мордовском государственном университете, а с 1988-го года она была выделена в отдельный курс. Его разработчик, В. А. Писачкин, выстроил новый курс на основе деловых игр, разработанных на положениях Самогторского практикума. Годом позже он же издал первое учебное пособие по проблемам экологической этики «Мораль и экологическое воспитание» (1989) [14], в котором подроб-

но рассмотрена моральная регуляция экологической деятельности, вопросы гуманизации отношения общества к природе, связь экологического сознания и гражданской активности личности. В пособии экологическая этика показана в различных ракурсах: как собственно этика отношения к окружающей среде, а также как важная составная часть профессиональных этик ученого, госслужащего, педагога, журналиста, инженера. В монографии Писачкина «Природа: разум, милосердие» (1990) проблемы экологизации рассматриваются на глобальном, государственном и региональном уровнях (или, в терминологии автора, «экосах»). Особое внимание автор уделяет последнему уровню: «Именно на этом “этаже” своего бытия человек более всего осознает нравственное единство с природой, а через нее с другими людьми, настоящими и будущими поколениями» [15, 7].

В 1989 г. был создан Киевский эколого-культурный центр, активно разрабатывающий проблемы экологической этики. Центр провел множество акций и разработал ряд законов, направленных на защиту окружающей среды. С момента образования центр издал около 150 книг зарубежных и отечественных авторов, посвященных охране природы, в том числе экологической этике, а также больше 60 выпусков «Гуманитарного экологического журнала». Директор центра В. Е. Борейко является автором ряда работ по истории, теории и практике природоохраны, в том числе и работы «Прорыв в экологическую этику» (1999).

Становление экологической этики во многом было связано с рецепцией идей представителей западной экологической этики. В первых отечественных работах идеи зарубежных философов рассматривались с позиции марксистской критики, но к началу 1990-х гг. они уже активно использовались как теоретический фундамент для анализа отношений общества и природы. Зарубежные идеи вводились в отечественный оборот очень активно. В 1980 г. вышло русское издание «Календаря песчаного графства» О. Леопольда, в 1990-м – реферативный обзор ИНИОН ряда иноязычных работ «Этика отношений с окружающей средой». В сборнике «Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности» (1990) опубликованы переводы статей Л. Уайта, Х. Ролстона III, Б. Калликотта, А. Швейцера. Силами Киевского эколого-культурного центра были переведены работы П. Сингера, Р. Нэша, Д. Формана и Б. Хейвуда и др.

Необходимо, однако, отметить, что в отечественной науке того времени имелись и оригинальные проекты, построенные на понимании экологической этики, отличном от западного. В их числе – проект «Освоение без отчуждения» в рамках программы «Этика Севера», разрабатывающейся в Тюмени. В ходе проекта проводился эксперт-

ный опрос для коллективной диагностики этноэкологической ситуации, которая сложилась на Тюменском Севере в связи его активным промышленным освоением, после чего проводилась деловая игра, в ходе которой эксперты предлагали свои модели решения проблем экономического развития, этнического выживания коренных народов Севера и сохранения природного окружения региона [13]. Были разработаны и предложены к оценке различные сценарии развития ситуации (такие как невмешательство, организация заповедной зоны, принятие мер по культурной ассимиляции). Отечественная экологическая этика здесь оказалась в совершенно новой для себя ситуации: специалисты должны были перейти от теоретических размышлений и традиционной критики к конкретному моральному выбору. Наконец, программа «Этика Севера» представила первый пример системного этико-экологического анализа, сфокусированного на реальной ситуации, взятой во всем многообразии своих аспектов (социологических, конфликтологических, культурологических, этнических и собственно моральных) [21].

С 1990-х гг. начинается период *институционализации* экологической этики на всем постсоветском пространстве: защищаются диссертации по различным ее аспектам, в ряде вузов начинают читаться соответствующие курсы. Издаются учебники по экологической этике В. Р. Бганбы (1998), Т. В. Мишаткиной (2008), И. А. Ильиных (2009), А. А. Сычева, Е. А. Коваль и А. Ю. Гусевой (2014), Р.Г. Апресяна и А.В. Прокофьева (2016) и др. В 2006 г. была создана международная кафедра ЮНЕСКО по экологической этике в г. Улан-Удэ, где активно публикуются соответствующие работы с учетом религиозной и национальной специфики региона (В. В. Мантатов, О. В. Доржигушаева и др.).

В 2007–2010 гг. Мордовским университетом при поддержке ЮНЕСКО и ИФ РАН был реализован проект «Экологическая этика в преподавании социальных и гуманитарных дисциплин» (грант HESP-OSI). По результатам этих конференций были проведены международные школы для молодых ученых и выпущены сборники статей «Этика и экология» (Новгород, 2010) и «Экологическая этика: сила этики для устойчивого развития» (Вильнюс, 2010); некоторые методические разработки участников были использованы в пособии «Основы экологической этики» (2008). В 2013 и 2017 гг. Пензенским государственным аграрным университетом были проведены школы для молодых ученых «Экологическая культура в аспекте экологической этики».

В 1994 г. вышла работа «Философия и экология» В. Хесле. В 2004 г. на русском языке был издан «Принцип ответственности» Г.

Йонаса, оказавший определяющее влияние на последующие работы по экологической этике [6, 16]. Распространение интернета сделало эти и другие (в том числе иноязычные) издания более доступными, что позволило российской экологической этике развиваться с учетом мировых достижений в этой области. Сегодня практически ни одну современную статью или монографию, посвященную проблемам экологической этики в России, невозможно понять в отрыве от общемирового контекста – без идей Леопольда, Швейцера, Йонаса и т.д.

Хотя экологическая этика глобальна и интернациональна, очевидно, что каждая культурная традиция способна и обязана внести в нее свой вклад. Тем не менее специфика отечественной экологической этики и ее вклад в мировую этику все еще остаются недостаточно проясненными и отрефлексированными, в том числе и в самой России. Примечательно, что в статье «Экологическая этика» академического энциклопедического словаря «Этика» (2001) отмечается: «экологическая или энвайронментальная этика – набирающее силу направление философско-этических исследований, ориентирующее на пересмотр ценностных основ западной цивилизации в направлении целостного развития человека и органичности его жизнедеятельности на Земле» [7, 566], но отечественные идеи и имена в этой словарной статье не упоминаются.

Экологическая этика всегда обращена к будущему, однако будущее это на заре развития этико-экологических воззрений было опрокинутым в прошлое. Программное эссе «Природа» Р. У. Эмерсона, заложившее первый камень в фундамент экологической этики, символично начинается со слов «Наша эпоха обращена к прошлому». Трансценденталисты, уставшие от мелочных регламентаций мещанской жизни, искали свой идеал в естественном, доцивилизованном состоянии гармонии и с природой, следуя в этом за Ж.-Ж. Руссо. Индустриализация, дегуманизация, механизация для них представлялись признаками грехопадения, а дикая природа – потерянным раем. Чтобы вновь обрести рай нужно вернуться в естественное состояние, и только природа способна предложить путь к нему. «Человек, – продолжает Эмерсон, – это рухнувшее божество. Когда люди вернуться к невинности, жизнь станет дольше и будет переходить в бессмертие так же незаметно, как мы пробуждаемся ото сна» [20, 219].

В ранних отечественных работах, посвященных идеям экологической морали, представления о будущем были не менее (если не более) оптимистичными. К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский возвращались к античным идеям космоцентризма в качественно иных

масштабах. Они живописали будущее, в котором единое человечество находится в полной гармонии с Космосом, войны исключены из социальной жизни, уровень жизни небывало высок, люди умеют управлять климатом и могут свободно перемещаться за пределы планеты и Солнечной системы. «Ноосфера как гармония, – заключает В.А. Кутырев, – сциентистский аналог социально-политической утопии коммунизма и прочих, более ранних, мечтаний о рае» [11, 628].

Д.Л. Андреев, описывая будущее, вообще дает прямую отсылку к раю: «Лев, возлежащий рядом с овцой или ведомый ребёнком, – отнюдь не утопия. Это будет...» [2, 99].

Современная экологическая этика, однако, все скептически относится к подобному оптимизму. В наиболее последовательном виде новую методологическую установку озвучил Г. Ионас: «Теперь уже не удовольствие, доставляемое познанием, но страх перед грядущим или же страх за человека становится основным мотивом мышления, и оно само делается здесь деянием уже именно ответственности, понятие которой в нем разрабатывается и сообщается» [8, 29-30].

Новый образ экологической этики является в определенной степени негативной реакцией на чрезмерный оптимизм, характерный для эпохи Модерна. Центр его кристаллизации – *принцип предосторожности*, предполагающий не максимизацию благ, а минимизацию морально значимых рисков. Во многом он также является возвращением в прошлое: к представлениям о нравственно обязательном, возникшем в традиционном, прежде всего крестьянском обществе. Перед этим обществом (как и сейчас перед всем человечеством) стояла задача выживания, и права на ошибки и риск у него не было. Необходимо отметить, что «этика выживания» изначально представляла собой систему норм и правил крестьянской общины, которая оказала определяющее влияние на становление русской философии и культуры. Возможно, именно на этом исследовательском поле отечественная экологическая этика способна обрести свою специфику и внести весомый вклад в мировую этику.

Что касается иных, наиболее вероятных, особенностей развития экологической этики в будущем, то можно предположить, что будут развиваться и углубляться некоторые тенденции, намечающиеся уже сегодня.

Во-первых, становится все более очевидным, что жертвами деградации окружающей среды являются не только растения, животные и экосистемы, но и наиболее обездоленные люди (самые бедные, некоторые этнические меньшинства и т.д.). Фокусом экологической этики недалекого будущего, несомненно, станут проблемы *экологической справедливости*: распределения экологических благ и

рисков, вопросы признания социальных групп и их участия в процессе принятия морально и экологически значимых решений.

Во-вторых, возрастает понимание того, что традиционная оппозиция «экономика» – «защита природы» ошибочна. В глобальном мире нельзя пожертвовать экологией ради экономического развития и наоборот: ухудшение в одном аспекте в долгосрочной перспективе ведет к ухудшению в другом. В результате форсированного экономического развития природное окружение деградирует, а жизнь большинства населения планеты не улучшается. Богатые становятся все богаче, а бедные и природа – все беднее. Принцип *устойчивости* предполагает, что экологические, социальные и экономические вопросы могут решаться только в комплексе: фактически они являются различными гранями единой социоприродной проблемы.

В-третьих, экологическая этика не может ограничиваться исключительно сферой добрых намерений и увещаний в духе толстовства. Она должна отвечать требованиям *эффективности и целесообразности*, а значит поддержана не только научными фактами, но и экономическими выкладками (при расчете факторов устойчивости или ценности биоразнообразия), управленческими стандартами и регламентациями (при реализации социальной ответственности), математическими расчетами (для дисконтирования потребностей будущих поколений или определения экологического следа).

Конечно, с уверенностью говорить о том, что все эти традиции будут продолжены в будущем, нельзя. У современных экологических проблем нет аналогов в прошлом. В традициях отсутствует опыт их разрешения, а ценности и нормы, ориентированные на межличностные взаимодействия, все чаще демонстрируют свою неспособность регулировать сложные социальные и социоприродные отношения. Более того – они часто сами оказываются причиной проблем. В этих условиях вероятно возникновение кардинально новой системы ценностей, норм и принципов, соразмерной настоящим и будущим глобальным вызовам. Сегодня задача ее разработки и обоснования возложена на прикладную этику. При этом экологическая этика выступает основным генератором инноваций для прикладной этики. Значимой ее характеристикой является постоянное стремление к нарушению принятых дисциплинарных границ и опровержению привычных схем рассуждения и действий.

Однако при всей своей инновационности экологическая этика будущего должна быть реалистичной. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов справедливо утверждают: «Экологические движения тем больше способны содержать общедемократические и нравственные ценности, чем меньше они подвержены радикалистским, романтиче-

ским упованиям, прожектёрским, утопическим поветриям и чем меньше они настроены на применение насильственных методов борьбы за нравственно позитивные цели» [4, 191].

Глобальные проблемы современности масштабны и многомерны. Их невозможно рассматривать в отрыве от социального и культурного контекста и решать, прилагая к ним готовые универсальные теории. Каждая проблема уникальна и заслуживает особого рассмотрения с учетом всех воздействующих на нее и друг на друга факторов – природных, экономических, политических, духовных. Сугубо технических средств для решения подобных проблем недостаточно. Наука способна указать на возможные риски и предложить способы их минимизации, техника может предоставить инструментарий для этого. Однако для того чтобы человек отказался от привычного образа жизни, пожертвовал частью своего комфорта и материального благосостояния ради решения стоящих перед обществом проблем, он должен быть уверен, что его поступки действительно необходимы, морально оправданы и способствуют созданию лучшего будущего для человечества или, как минимум, делают это будущее возможным. В этом смысле экологическая этика является этикой будущего.

Список литературы

1. *Александрова Р. И., Смольянов А. В.* Экология и мораль. М.: Знание, 1984. 64 с.
2. *Андреев Д. Л.* Роза мира. М.: Прометей, 1991. 288 с.
3. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень, НИИ ПЭ, 2007. 196 с.
4. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Экологическая этика // Вестник. Вып.18. 2001. Тюмень, НИИ ПЭ. С. 186–192.
5. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
6. *Гаджикурбанова П. А.* Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. 2003. № 4. С. 161–178.
7. *Ермолаева В. Е.* Экологическая этика // Этика. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 566–568.
8. *Йонас Г.* Принцип ответственности. М.: Айрис, 2004. 480 с.
9. *Кожевников Г.А.* О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Киев: КЭКЦ, 1997. С. 81–91.

10. *Кропоткин П. А.* Этика. М.: Политиздат, 1991. 496 с.
11. *Кутырев В. А.* Утопическое и реальное в учении о ноосфере // В.И. Вернадский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 626–629.
12. *Мелешко Е. Д.* Толстовские земледельческие коммуны // Опыт ненасилия в XX столетии. М.: Аслан, 1996. С. 157–166.
13. Освоение без отчуждения. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: ИПОС СО АН СССР, 1989. Т. 1-2.
14. *Писачкин В.А.* Мораль и экологическое воспитание. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1989. 140 с.
15. *Писачкин В.А.* Природа: разум и милосердие. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. 181 с.
16. *Пугачева Н.П.* Человек, жизнь и природа в философии Ганса Йонаса. Пенза :ПГСХА, 2013. 184 с.
17. *Семёнов-Тян-Шанский А. П.* Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения // Природа. 1919. № 4–6. С. 199–216.
18. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М.: ИРЦ Алгоритм, 2012. 656 с.
19. *Толстой Л. Н.* Не убий // Вегетарианская библиотека. В защиту жизни. М.: Посредник, 1913. С. 5–6.
20. *Эмерсон Р. У.* Природа // Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 178–223.
21. Этика Севера / Под. ред. В. И. Бакштановского, Т. С. Караченцевой. Томск: ИПОС СО АН СССР, 1992. Т. 1–2.

С.П.Жукова

К вопросу о трансдисциплинарном характере прикладной этики

УДК 17.03

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть корреляцию характеристик современной прикладной этики и трансдисциплинарности, конституирующейся в постнеклассической науке. Показано, что трансдисциплинарные проекты с необходимостью включают морально-этическую компоненту, предполагают ответственный выбор. В свою очередь, решение проблем прикладной этики требует трансдисциплинарного взаимодействия различных видов знания и практического опыта. Признается необходимость исследований по трансдисциплинарности для развития методологии прикладной этики.

Ключевые слова: прикладная этика, социально-нравственные коллизии, институты прикладной этики, постнеклассическая наука, методология, трансдисциплинарность, ответственный моральный выбор.

На рубеже XX-XXI вв. прикладное этическое знание утверждается в качестве особого, в достаточной степени самостоятельного, компонента социально-гуманитарного знания, репрезентируется как значимый культурный феномен. Сегодня в прикладных этических исследованиях распространены работы дескриптивного характера, репрезентирующие эмпирический материал, описывающие дискуссии, постановку отдельных проблем, формирование проблемного поля определенных видов прикладной этики, а также работы, характеризующие определенные виды прикладной этики. (Это демонстрируют, например, библиографии по этике информационных технологий, этике рекламы и связей с общественностью, этике бизнеса и менеджмента, др. [1, 7, 9].) Появились многочисленные публикации учебного и энциклопедического статуса: статьи о прикладной этике размещены в Энциклопедическом словаре по этике и Новой философской энциклопедии; разделы по этому предмету включены в современные учебники по этике; появились учебные пособия по прикладной этике. В западной литературе исследовательские и энциклопедические публикации по прикладной этике возникли уже в 80-90-е гг. XX в. [6]; в 1997 г. выходит англоязычная Энциклопедия по прикладной этике в 4-х тт. (Encyclopedia of Applied Ethics, ed. R.Chadwick, v. 1–4. L., 1997).

Феномен прикладной этики в его когнитивном и социально-практическом выражении становится также предметом философско-

этической, методологической рефлексии: активно обсуждаются концептуальные модели, философско-этические парадигмы, которые могли бы определять перспективы развития прикладного этического знания, создания и реализации на практике прикладных этических проектов [2, 8, 10]. Интересно, что уже появились работы, в которых осуществляется историко-этическая реконструкция прикладной этики [3, 10, 11]. Вместе с тем остаются дискуссионными предмет и специфика прикладного этического знания, его ценностные стратегии, особенности формирования прикладных этических проектов. Прикладная этика нуждается в самоопределении по отношению к тенденциям преобразования современной науки, в ряду которых «революционное» значение приписывается трансдисциплинарности [12]. Итак, представляется необходимой экспликация сущностных характеристик феномена прикладной этики в корреляции с особенностями и векторами трансформаций современной науки и ее философско-методологической рефлексии.

Известно, что термин «прикладная этика» впервые в истории этической мысли использовал В.С. Соловьев в названии своей книги («Право и нравственность: Очерки из прикладной этики», 2-е изд. 1899 г.). В предисловии к работе автор с помощью данного термина фиксирует прикладное знание как несомненный структурный компонент этики. «Философия права, в которую входит предмет моего трактата, есть одна из философских дисциплин, примыкающая к этике или нравственной философии (в прикладной ее части)» [13, 5]. Представляется, что использование такого термина не только неслучайно, но и не может быть объяснено лишь стремлением к точной терминологической характеристике. Такое «новшество» в языке этики может быть отсылкой к специфичности данной «части» нравственной философии, обладающей, по крайней мере, предметными особенностями (острая актуальность исследуемых проблем), особым теоретико-прикладным подходом, хотя характеристика собственно прикладной этики, как «части нравственной философии», автором не рассматривается. Исследование В.С. Соловьева можно интерпретировать в контексте историко-этических предпосылок и теоретических оснований юридической этики, достаточно развитой к концу XIX в. Но автор, очевидно, предлагает обоснование необходимости и специфики прикладной этики, рефлексирующей социально-нравственные отношения сферы права, не ограничивающейся профессиональными отношениями. В заключительной 7-й главе книги, названной «Нормальное уголовное правосудие», мыслитель-этик разрабатывает практически действующую систему «нормального уголовного правосудия и соответствующую ему пенитенциарную систему», которые

бы обеспечили «действительную правду и милость к преступникам без ущерба для невиновных», осуществляя связь между правом и нравственностью [13, 146]. Такая связь, по мнению В.С. Соловьева, может быть реализована посредством теоретических трактовок, социальных институтов и социально-практического инструментария, которые представляются релевантными современной прикладной этике. Так, философ пишет о «некоторых общих правилах», вытекающих из «общей идеи истинного правосудия» [13, 136], разрабатывает нравственно фундированный проект «нормального уголовного правосудия и пенитенциарной системы», предполагающий «пошаговую» реализацию [13, 136-140]. Интересна характеристика субъектов, призванных осуществлять такой проект «возможного исправления преступника». Это «люди, способные к такому трудному и высокому назначению, – избранные юристы, психиатры, моралисты и лица с истинным религиозным призванием» [13, 145]. Помимо собственно нравственного качества В.С. Соловьев признает необходимость специальной профессиональной компетентности, профессионально-этической развитости, особой организации и прагматичного взаимодействия субъектов в социальной конкретике правового процесса.

Прикладные этические разработки, имплицитно реализующиеся в книге В.С. Соловьева «Право и нравственность», репрезентируют некоторые специфические характеристики прикладной этики и, в частности, тесное взаимодействие различного дисциплинарного и внедисциплинарного знания. Следует подчеркнуть, что многие положения русского мыслителя были использованы впоследствии в институте права и юридической этике как виде прикладной этики.

Обзор различных современных источников по прикладной этике (от научно-популярных и исследовательских публикаций, пособий и руководств до деклараций и нормативной документации, фиксирующих институты и события биоэтики, этики бизнеса, инфоэтики, других видов прикладной этики) позволяет утверждать, что активный процесс ее формирования и конституирования охватывает две последние трети XX в. Помимо этически имманентных оснований, формирование прикладной этики определяется коррелирующими процессами современного преобразования науки, цивилизационных трансформаций в целом (в том числе, переживанием острейших морально-этических коллизий, рефлекслируемых в СМИ, художественной культуре, религиозном сознании и т.п.). Культурно-цивилизационная динамика XX – нач. XXI вв. задает возможность новой этики и способствует постепенной реализации этой возможности.

Особенности прикладной этики как научного знания формируются в русле преобразований современной науки, внутри научно-

технологических коммуникаций. В работах В.С.Степина о тенденциях и закономерностях постнеклассической науки обосновывается имманентность ей этических характеристик. Постнеклассическое научное знание определяет принципиально новые объекты исследования – «сложные саморазвивающиеся системы», «природные комплексы, в которые включен человеческий фактор, ... человекомерные комплексы». Примерами являются «объекты экологии», «объекты биотехнологии», «системы “человек-машина”», др. [14, 382]. Изучение «человекомерных комплексов» с необходимостью становится «социально детерминированным, определяемым базисными ценностями культуры» [14, 386], что, в свою очередь, задает особую социально-институциональную организацию научных исследований. «В процесс формирования и реализации исследовательских программ инкорпорированы социально-этическая экспертиза, оценки социальной эффективности программы...» [14, 387]. Обязательность «гуманитарной экспертизы и консультирования» современных научных проектов обосновывалась Бакштановским В.И. и Согомоновым Ю.В. [2]. В.А. Канке сделал вывод о необходимости формирования прикладных этик внутри соответствующих полидисциплинарных отраслей постнеклассической науки (например, формирование экологической этики востребовано развитием экологии) [4]. Итак, принципиально новая предметность постнеклассического научного знания свидетельствует о возможности прикладной этики.

Специфика объекта определяет дисциплинарное взаимодействие внутри постнеклассической науки, в котором участвует и прикладная этика. В дисциплинарном развитии постнеклассической науки последней трети XX в. фиксируется тенденция трансдисциплинарности. Известно, что термин «трансдисциплинарность» был введен в научный оборот в 1970 г. Ж. Пиаже, который определил его как «принцип научного исследования», используемый для решения проблем, трансцендирующих «за границы конвенционально установленных академических дисциплин» [5, 22]. Сегодня в исследовательской литературе понятие «трансдисциплинарность» фиксирует ситуацию выхода исследовательской деятельности как за рамки отдельных дисциплин, так и науки вообще, включение ее в инновационные процессы в качестве одного из наиболее значимых компонентов [15, 5]. Сущность трансдисциплинарности – «в кооперации познавательной деятельности и инноваций, в результате которой возникает новое системное качество» [17, 57], новая социокультурная реальность. Соответственно, трансдисциплинарная научность приобретает особый исследовательский статус – статус исследовательского проекта, реализуемого в конкретной социокультурной системе. Основные

подходы к теме трансдисциплинарности и различные ее определения анализируются в фундаментальном исследовании «Трансдисциплинарность в философии и науке : подходы, проблемы, перспективы», вышедшем в 2015 г. [16]. Интересно зафиксировать одну из дефиниций, в которой акцентируется социокультурная реализация трансдисциплинарности. Это «новая форма обучения и решения проблем, предполагающая сотрудничество между различными социальными акторами и учеными для решения сложных общественных проблем. Трансдисциплинарное исследование начинается с проблем жизненного мира... На основе взаимного обучения знание всех участников расширяется, в том числе локальные знания, научные знания, знания, связанные со сферой промышленного производства и неправительственных организаций» [16, 504]. Трансдисциплинарность, по сути, не отменяя реализацию дисциплинарного знания, предполагает интегрирование различных видов знания и смещение исследовательского проекта в «повседневную практику». Примерами могут быть проекты, осуществляемые в сферах экологии, демографии, NBIC-технологий, биоэтики, др.

Можно высказать предположение, что трансдисциплинарность, проявляющаяся в развитии современного научного знания, имеет определенное значение для формирования современной прикладной этики. Для подтверждения такого предположения необходимо проанализировать специфику предметности, проблематики, коммуникационного взаимодействия в работе над исследовательским проектом, результата трансдисциплинарного исследования.

Проблемы, с которыми работает трансдисциплинарное знание, формируются при взаимодействии науки, жизненного мира, повседневной практики; возникновение таких проблем фундировано развитием и внедрением в социокультурные практики наукоемких технологий (биотехнологий, информационных технологий, др.). Примерами могут быть проблемы биомедицинских исследований, ставшие предметом публичных дискуссий. По сути, в трансдисциплинарной проблематике репрезентируются современные коллизии различных особо значимых социальных практик, ее можно оценить как «жизненно важную». Иными словами, трансдисциплинарность обращается к проблемам бытия человека, экзистенциальным проблемам, но в силу их социально-практической повседневной значимости требующим конкретного практически эффективного решения. Авторы исследования по философии трансдисциплинарности характеризуют их по содержанию и статусу как «злободневные экзистенциальные задачи» [5]. Содержание, происхождение и значимость такой проблематики указывают на требуемые для нее «ресурсы». Исследовательские

проекты нуждаются в интегрировании уровней знания (фундаментального и прикладного), определенных дисциплинарных знаний, в разработке ценностных стратегий, методологии, механизмов и инструментария реализации полученных знаний на практике.

Итоговой характеристикой проблем трансдисциплинарного знания может быть имманентность этической составляющей. Действительно, содержание и значимость таких проблем подразумевает морально-этическую рефлексию, ответственный моральный выбор, коррелирующие с социально конкретными нравственными ориентирами, смыслом морали вообще. Но такой вывод (присутствующий в работах по трансдисциплинарности) нуждается в определенном уточнении. Для морального выбора, происходящего в процессе решения трансдисциплинарных проблем, недостаточно личностных усилий, он предполагает научную и этическую обоснованность, релевантность конкретным социальным интересам, общественному мнению и этосу, технолого-инструментальную обеспеченность (включая этические технологии и инструментарий). Итак, моральный выбор должен осуществляться на уровне прикладной этики.

Коммуникационные процессы, происходящие в трансдисциплинарных научных исследованиях, задают определенные характеристики их участников. Формально субъектом исследовательского проекта является «временная рабочая группа», включающая представителей различных «областей культуры – ученых, политиков, представителей общественности и т.д.» [5, 25]. По сути, в трансдисциплинарных проектах меняется характер деятельности и статус субъекта. Вместо «стороннего наблюдателя» появляется «преобразователь» окружающей среды и, таким образом, самого себя. Это «рефлексивно-коммуницирующий субъект, который осознает себя не только как часть и участника эволюции познаваемого им мира, но и как того, кто своей «проектно-коммуникативной деятельностью этот мир конструирует» [17, 63]. Характеристики такого субъекта явно подразумевают морально-этические параметры, реализуемые на прикладном уровне.

Трансдисциплинарная наука, не отрицая дисциплинарное знание, статус и значение фундаментальных и прикладных исследований, преобразуется в «гибрид фундаментального и прагматического» знания, особое производство знания, нацеленное на достижение «полезного эффекта», в том числе ситуативного (технонаука, исследования, связанные с IT-технологиями, биотехнологиями, др.) [5, 11]. При этом этические институты и технологии (этические кодексы, комиссии, экспертиза, консультирование, др.) в качестве компонентов «производства знания» должны обеспечить адекватность результата

основным ценностным (по сути, морально-этическим) приоритетам – общему благу, подразумевающему сохранение собственно человеческого качества, человечности и ситуативным конвенциональным социальным благам, максимально коррелирующим с общим благом.

Характеристики тенденции трансдисциплинарности в современной науке репрезентированы уже сложившимся институтом «трансдисциплинарного движения» в принятой им «Хартии трансдисциплинарности» [5, 19-21]. Анализ статей этого документа выявляет присущий ему морально-этический пафос; ценностные приоритеты «Хартии...» содержат универсальный морально-этический смысл. Так, уже в преамбуле и первых статьях документа утверждаются ценности человеческого равенства, сохранения и развития человеческого вида, приоритет ценности человека [5, 19-21]. В статье 13 вводится требование специального развития «трансдисциплинарной этики», строящейся на «диалоге и дискуссии», «абсолютном уважении коллективной или индивидуальной Инаковости, объединенной общей жизнью на одной и той же Земле». «Трансдисциплинарная этика» обладает «фундаментальными признаками строгости, открытости, толерантности» (статья 14), имеющими одновременно общеэтический, этико-научный и практический характер. Наконец, в заключительной статье предпринята попытка сформулировать новый общественный идеал – «трансдисциплинарно мыслящие личности всех стран» [5, 21]. Представленная Хартия является декларативной, что закономерно для ее статуса. Тем не менее этот документ предназначен для непосредственно практического использования субъектами социально-экономической, политической, научной коммуникаций, коррелирует с институтами (кодексами) прикладной этики.

Итак, представляется возможным утверждать, что некоторые особенности трансдисциплинарного развития знания в современной науке актуализируют формирование и конституирование прикладной этики. Интересно, что тенденция трансдисциплинарности исследовалась современными авторами, прежде всего на примере биоэтики, ее предмета и проблематики, дискурсивных практик, проектов, институтов и технологий (этической экспертизы) [16]. Развитие других видов прикладной этики (экологической, информационной и т.д.), их методологическая рефлексия могли бы, в свою очередь, представить эмпирический материал для описания трансдисциплинарности. Таким образом, прикладная этика в конкретике ее определенных видов, в свою очередь, релевантна трансдисциплинарному знанию, способствует развитию трансдисциплинарности. Для подтверждения этого тезиса следует обратиться к сущностным параметрам самой прикладной этики.

Во многих этических источниках различного статуса (исследовательских, энциклопедических, учебных) в качестве критерия определения проблем прикладной этики называется их «социокультурная значимость» [4, 6, 7], но не сводимая к узкофункциональному, прагматическому значению. Так, по Л.В. Коноваловой, это проблемы, затрагивающие «интересы человека и его жизнь», «его права и его достоинство», «его самоценность и приоритетность» [6, 16], т.е. коррелирующие со смыслом морали в целом. Статус проблем современной прикладной этики приобретают те проблемы, от осмысления и ситуативно-практического решения которых зависят воссоздание ценности человека и человеческого мира, сохранение качества человечности, продолжение человеческого рода. Конкретные виды прикладной этики задаются соответствующими проблемами, «связками» проблем, характерными для морально-этических систем сегментированного социума.

Дескриптивная характеристика проблем прикладной этики обращает к вопросу формулирования ее предмета, дефиниции существенных характеристик. Особенности генезиса и исторического развития прикладной этики, ее реализация в многообразии видов, обуславливают динамику предмета и возможность различных концептуализаций. Основные концептуальные подходы к интерпретации предмета современной прикладной этики были парадигмально отражены Бакштановским В.И. и Согмоновым Ю.В. на основании постсоветской этической литературы и опыта западных исследований [8] и обозначены как «практико-ориентированная этика», «аппликативная этика», «этика открытых проблем», «организационная этика»; эти концепции используются и в настоящее время, в том числе в этическом образовании [11]. Собственный концептуальный подход, осуществленный В.И. Бакштановским и Ю.В. Согмоновым, рассматривает прикладную этику как «проектно-ориентированную», представляющую собой единство «нормативно-ценностных подсистем («малых систем»), конкретизирующих мораль (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика... и т.п.)» и «теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания, фронестических технологий приложения» [8, 14]. В «версии-образе проектно-ориентированной прикладной этики» она трактуется как «особое знание» [3, 354], вместе с тем отмечается «определенное сближение парадигм» [3, 354].

Можно предпринять попытку формулирования некой дефиниции прикладной этики в русле тенденции сближения концептуальных подходов. В этом случае предметом прикладной этики становятся системы общественной морали, определяемые моральными колли-

зиями в различных видах современных социальных практик (от экономики до научного творчества), возникающими в связи с решением задач, определяемых технико-технологическим потенциалом современной цивилизации, и потенцирующими как изменения индивидуального нравственного существования, так и глубинные преобразования в нравственной культуре социума. Эти системы репрезентируются нравственными отношениями, моделями поведения, ценностно-нормативными системами и этическими институтами (кодексами, организациями), формирующимися в процессе публичного взаимодействия различных моральных субъектов (личностей, групп, организаций, др.).

Непосредственно в социальной реальности подобные моральные коллизии реализуются как социально-профессиональные проблемы, требующие интеграции различных научных подходов и формирования институтов и механизмов практического решения. (Примером может быть дилемма инфоэтики – требование одновременно обеспечения и ограничения информационных прав – одна из наиболее актуальных в профессиональной деятельности специалистов, субъектов различных социальных коммуникаций: научной, педагогической, маркетинговой, СМИ, др.) Такая интерпретация предмета и проблемного поля предполагает целостность и сложное «устройство» феномена прикладной этики.

Прикладная этика осуществляется как нерасторжимое единство сложноорганизованного знания и социальных практик, этического теоретизирования и моральной практики, реализующейся в конкретных морально-этических коммуникациях внутри определенных сегментов общества, зафиксированных в ценностно-нормативных и институциональных системах [2], как социально-нравственное творчество по поводу ситуативно-конкретного и социально значимого предмета, фундированное релевантной сложно организованной системой знаний, технологий, институтов. Прикладная этика – предмет философско-этической методологической рефлексии, присутствующей в прикладном этическом творчестве, создании и реализации проектов.

Представляется важным еще раз подчеркнуть не только наличие «ипостасей» познания и практики в реализации прикладной этики, но и их взаимопроникновение. Игнорирование одной из сторон приведет либо к философско-методологически отстраненной позиции «этика-теоретика» по отношению к определенным коллизиям социальных практик, а значит, бесплодности этической работы, либо к «самодеятельному творчеству», производству многочисленных кодексов, тренингов и т.п., в лучшем случае лишь украшающих «фа-

сад» организации. Кстати, трансдисциплинарная работа прикладной этики способствовала бы преодолению этих крайностей.

Краткий обобщающий обзор предметных оснований прикладной этики позволяет репрезентировать ее как социокультурный когнитивный феномен, коррелирующий с трансдисциплинарностью. Это демонстрируют сущностные характеристики феномена прикладной этики, развертывающие и конкретизирующие ее предмет. Прикладная этика представляет собой *рефлексию актуальных социально-нравственных коллизий* (в пределе – «открытых проблем»). Социально-практически и исторически (даже ситуативно) конкретная постановка проблем прикладной этики обуславливает необходимость адекватного решения и, соответственно, формирование *особых систем знания, не сводимых к сложившимся научным дисциплинам*, непосредственно вовлеченных в особые системы практического опыта. Прикладная этика представляет собой *действующее знание*, непосредственно реализующееся в формировании ценностно-нормативных систем определенных социальных практик, в их модификациях и преобразованиях, ситуативно определенных решениях социально и человечески значимых проблем. (В своей непосредственно практической реализации современная прикладная этика приобретает *профессионально-этический характер*, хотя может и не конституироваться как определенная профессиональная этика.) Необходимость эффективной реализации прикладной этики в публичных сферах социума требует релевантных средств, инструментария. В рамках прикладной этики складываются *специфические институты и технологии*: институт кодификации, этические организации, этические технологии. Наконец, прикладная этика должна реализовывать *фундаментальные теоретико-методологические и прескриптивные этические основания*, а также опираться на *релевантное дисциплинарное знание*.

Таким образом, предмет и проблемное поле современной прикладной этики задают ее трансдисциплинарную характеристику, описывающую целостное и сложнодифференцированное, ценностно-ориентированное и центрируемое этической компонентой проектное знание с ожидаемым «полезным эффектом».

Сегодня прикладная этика позиционируется как феномен, посредством которого стал возможен действительный, исторически востребованный «переход от теории к практике, от науки к жизни» [6, 24]. Этика в ее историческом развитии приобретала различные воплощения, коррелирующие с цивилизационными типами. Она представляла себя в виде учения, проповеди, собственно философской системы, науки, метаэтики. Современная прикладная этика как «но-

вая стадия» этического развития, интегрируя социокультурный опыт, технологичное знание и морально-этическую рефлексию философского уровня, фундирует специфику и перспективы развития современной нравственной культуры. Представляется, что философско-методологические исследования прикладной этики, включающие разработку ее трансдисциплинарного статуса, способствуют осмыслению самой прикладной этики как особого знания и потенцируют разработку проектов по преодолению социально-нравственных коллизий актуального технологического развития.

Список литературы

1. *Авдеева И. А.* Этика PR. Теоретико-философский анализ. Тамбов: Юлис, 2011. 141 с.
2. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. 392 с.
3. *Бакштановский В. И.* Этапы жизненного пути идеи прикладной этики: от «ереси» до ... // Постигая добро: сб. ст. К 60-летию Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2013. С. 338-355.
4. *Канке В. А.* Современная этика: учебник. М.: Омега-Л, 2008. 394 с.
5. *Киященко Л. П., Моисеев В. И.* Философия трансдисциплинарности. М.: Институт философии РАН, 2009. 203 с.
6. *Коновалова Л. В.* Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып. 1: Биоэтика и экоэтика. М.: ИФ РАН, 1998. 131 с.
7. *Малюк А. А., Полянская О. Ю., Алексеева И. Ю.* Этика в сфере информационных технологий. М.: Горячая линия-Телеком, 2013. 344 с.
8. Парадигмы прикладной этики: Вестник. Вып. 35, специальный / Под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень, 2009. 252 с.
9. *Петрунин Ю. Ю., Борисов В. К.* Этика бизнеса: учебник. М.: Проспект, 2007. 352 с.
10. *Пороховская Т. И.* Прикладная этика // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2012. № 3. С. 79–92.
11. *Пороховская Т.И.* Прикладная этика // Этика: учебник для бакалавров / Под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Юрайт, 2013. С. 461-567.
12. *Розин В. М.* Обсуждение феномена трансдисциплинарности – событие новой научной революции // Вопросы философии. 2016. №5. С. 107-116.

13. Соловьев В. С. Право и нравственность. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 192 с.
14. Степин В. С. Научное познание в социальном контексте. Мн.: БГУ, 2012. 415 с.
15. Трансдисциплинарность в философии и науке. Материалы круглого стола // Человек. 2016. №5. С. 5-19.
16. Трансдисциплинарность в философии и науке : подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. А. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. 564 с.
17. Черникова И.В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. №4. С. 53-69.

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Этика науки

Аннотация. Статья является обобщенным очерком этики науки как одной из областей прикладной этики. В ней показано, что расширение нравственного опыта, связанного с наукой как общественным институтом, и становление этики науки как особой области знания представляют собой двуединый процесс. Особое внимание уделено анализу базовых добродетелей ученого (запретам на фальсификацию и плагиат), являющихся одновременно условиями его добротности, а также этическим ограничением научной деятельности, диктуемым принципами гуманности и общественной безопасности.

Ключевые слова: этика, наука, фальсификация, плагиат, Нюрнбергский кодекс, Пагуошское движение, Р.Мертон.

1. Этика науки, или научная этика, охватывает нравственный аспект деятельности ученого и науки как общественного института. Ее содержание прежде всего определяется спецификой и общественным назначением самой научной деятельности, которая состоит в том, чтобы производить знания.

Наука как общественно организованная, упорядоченная сфера познавательной деятельности предъявляет к тем, кто занят в ней, особые требования. Наука рассматривает мир объективно, как он существует сам по себе, независимо от наших субъективных желаний и представлений; ее назначение состоит в том, чтобы наши знания о мире были истинными, то есть такими, которые становясь нашим субъективным достоянием, тем не менее по своему содержанию не зависят от нас: ни от отдельного человека, ни от человечества. От ученых, которые являются живым мотором, двигателем науки, требуется, чтобы то, что составляет назначение науки, ее основную цель и общественно ценную функцию, стало их личной, субъективной страстью и жизненной установкой. Ученый – это человек, который движим страстью, своего рода инстинктом исследователя и специально настроен на истину; подобно тому, как, например, музыканту режет ухо фальшивая нота, так ученому претят пустые, бездоказательные, непроверяемые утверждения.

Ученый отличается от других специалистов, а также от обычных людей («людей с улицы»), в том числе и от самого себя в обыденной жизни, когда он действует вне собственно научного поиска

(вне лаборатории), прежде всего: а) осознанием безусловной ценности истины как критерия знания и б) первостепенной установкой на новую истину [5, 50]. Разумеется, признание ценности знания и стремление к его расширению являются моментами всякого, в том числе обыденного, сознания и свойственны не только ученым. Но именно в их случае эти требования имеют критически важное значение, выходят на первый план и становятся организующим началом жизнедеятельности в качестве ученых. Когда историк сообщает о неизвестном факте из прошлого, он его тщательно проверяет и документирует. Но когда он же, в качестве дедушки, рассказывает внуку о своей молодости, то ему достаточно довериться собственной памяти. Когда физик использует в своих опытах достижения работающего рядом коллеги, он считает долгом сослаться на это; когда же он в кулуарах пересказывает услышанный от того же коллеги новый анекдот, то совсем не чувствует себя обязанным указывать от кого он его услышал.

Осознание безусловной ценности истины реализуется в категорическом запрете на ее фальсификацию – на отступление от истины, ее искажение, сокрытие, имитацию и т.д. под каким бы предлогом и оправданием это ни делалось. Для ученого ценность истины выше всех других ценностей. Аристотель, формулируя свое понимание высшего блага и отступая в этом вопросе от позиции своего учителя Платона, заметил, что «долг – ради спасения истины отказаться от дорогого и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя то и другое дорого, долг благочестия – истину чтить выше» [1,59]. Это суждение со временем получило широкое признание, став известным афоризмом: «Платон мне друг, но истина дороже». Показателен еще один пример из истории философии. Эразм Роттердамский высказал в споре с Мартином Лютером мысль, что даже если свободы воли и не существует, то ради общественного спокойствия следует придерживаться этой гипотезы. Лютер был взбешен такой позицией и ответил, что истинами такого рода нельзя манипулировать, даже если бы они могли повергнуть мир в хаос. Истина превышает все именно для философа, ученого и в рамках его научной деятельности. Для Ахиллеса, например, в описанной Гомером ситуации Троянской войны превышает все оказались честь и дружба. Существует много житейских, профессиональных, общественных ситуаций, когда приверженность истине вовсе не стоит на первом месте.

Ученый не только высоко ценит истину, он стремится внести свой личный вклад в ее углубление. Ориентация на новое знание закрепляется в категорическом запрете на плагиат. Плагиат считается в научной среде и в самосознании науки абсолютно недопустимым

грехом, автоматически лишаящим человека права называться ученым. Мир науки постоянно сотрясают явные и даже предъявляемые задним числом сообщения о плагиате. За последнее время одним из вопиющих стал случай ведущего генного инженера из Южной Кореи Хван Ву Сука, объявившего об успешном клонировании стволовых клеток человека, что вселяло надежду на создание лекарств против до сих пор не поддающихся лечению болезней Альцгеймера, Паркинсона и др. Научная комиссия, проверявшая это сенсационное сообщение, установила, что данные о стволовых клетках сфальсифицированы, признав одновременно достоверным другое его достижение – клонирование (впервые) собаки. Хван Ву Сук был лишен звания профессора, он покинул университет, его имя исключили из научных рейтингов, наказанием ему было тюремное заключение.

Отношение к плагиату является индикатором того, насколько человек, занимающийся наукой, соответствует канону ученого и насколько адекватной является атмосфера научного сообщества. Вопросы об авторстве, о правомерных и неправомерных заимствованиях, о культуре ссылок на предшественников и ряд других связанных с авторством аспектов являются одними из болезненных и постоянно обсуждаемых вопросов в научной среде, что свидетельствует как о сложности данной темы, так и о стремлении оградить науку от заразы плагиата. О важности запрета на плагиат свидетельствует также необычайная острота вопроса о приоритете в научной среде. Известен спор между двумя великими математиками – Ньютоном и Лейбницем – и их последователями по вопросу о том, кто из них первым открыл дифференциальное и интегральное исчисление; спор растянулся почти на три столетия, и только в наше время (к середине прошлого века) историки математики пришли к заключению, что открытие это было сделано каждым независимо друг от друга. В XVII веке существовали свои механизмы фиксации научного открытия: сообщения о полученных результатах помещали в надёжное место запечатанными в конвертах, сообщали в письмах другим учёным, шифровали в анаграммах. С появлением научной периодики и систематических научных форумов публичное объявление об открытии было упорядочено, однако, не сняло остроты проблемы и связанных с этим злоупотреблений. Более того, борьба с плагиатом вышла за внутренние рамки научного сообщества и стала злободневной общественной проблемой, о чем свидетельствует, например, Вольное сетевое сообщество «Диссернет», осуществляющее общественный контроль за качеством кандидатских и докторских диссертаций; плагиат в науке – сегодня уже индикатор не только научной добросовестности, но и человеческой честности.

Запреты на фальсификацию научных данных и на плагиат суть базовые принципы деятельности, вытекающие из природы самой науки и характеризующие доброкачественность ученого, его добротность. Следует различать понятия ученого и хорошего (подлинного, настоящего) ученого. В первом случае речь идет о научном работнике – социологическом понятии, описывающем функциональную (социально-ролевою) принадлежность индивида, того, кто профессионально занят в сфере науки, обладает соответствующей официально удостоверенной квалификацией, занимает надлежащую должность и т.д. Во втором случае понятие ученого является нормативным, имеет идеально-типическую природу, задает канон для установления того, насколько ученый в социологическом (функциональном) смысле слова соответствует своему предназначению. Добротность ученого приобретает нравственный (этический) смысл и выступает как его человеческая добродетель. В этом случае ученый – не только факт, это еще и долг. Соответствие деятельности ученого своему вытекающему из природы науки предназначению выступает как его добросовестность. Базовые запреты, очерчивающие пространство науки и ограждающие ее от враждебных, чужеродных влияний, получают этическую санкцию и выступают одновременно как нравственные обязанности: запрет на фальсификацию есть конкретизация (материализация) применительно к науке заповеди «не лги», а запрет на плагиат – «не кради».

2. Чтобы нормы совершенной деятельности в науке приобрели статус нравственного долга, а добротность ученого выступала одновременно как его добродетель, необходимо саму науку рассматривать в качестве ценности, связать ее с представлением о высшем благе.

Сама по себе наука – ценностно-нейтральная территория. Научный взгляд на мир есть намеренно беспристрастный, сугубо объективный взгляд, свободный от каких-либо исходящих от субъекта (ученого) наслоений, кроме самой этой установки понять его таким, каков он на самом деле. Беспристрастность – отличительная черта ученого. Ее выделили еще стоики в качестве характерного признака философского отношения к миру. Философ, по их мнению, тем выделяется среди прочих людей, что он свободен от страстей и его не может смутить ничего из того, что должно было бы привести в ужас нормального человека, даже в ситуации вселенского пожара, ведущего к гибели мира. Если случится нечто подобное, философ сохранит внутреннюю невозмутимость, позволяющую ему понять необходимость такого катастрофического хода событий. То, что стоики считали характерным для философа, относится к любому ученому, яв-

ляется свидетельством его профессионализма. Для Макса Вебера это является уже социологической истиной, которой он посвящает свою, ставшую классической, работу «Наука как профессия и призвание». В стенах аудитории, в которой, как известно, рассказывается о том, что происходит в стенах лаборатории, «не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности» – считает М.Вебер. Однако беспристрастность сама является «страстью» в том отношении, что она вырабатывается и культивируется как сознательная целеустремленная субъективная позиция человека, избравшего науку в качестве своего жизненного предназначения. Быть беспристрастным – очень трудное дело, требующее больших ограничений и даже жертвенности. Беспристрастность ученого означает, что его единственной страстью становится наука, ради которой он пренебрегает другими страстями и – в случае необходимости – готов пожертвовать всеми ими. Ее оправдание может заключаться (и в течение длительного времени заключалось) в том, что сама наука рассматривается общественным сознанием как высочайшая ценность, а работа в науке – миссия, служение. Фольклорный образ рассеянного ученого, выходящего на улицу в ночной пижаме и допускающего много других житейских несуразностей, является карикатурой на его всепоглощающую увлеченность наукой.

В истории европейской культуры были два образа науки, прямо связанные с человеческими представлениями о счастье. Первый образ был свойствен античности и рассматривал научно-созерцательную деятельность как высшую форму счастья. Вторым – доминировал в Новое время и видел в научно-технической деятельности основную путь к счастью.

Античные философы констатировали, что все люди стремятся к счастью, считая именно счастье тем высшим (совершенным, самодостаточным, последним в ряду целей) благом в жизни, ради которого существует все остальное, к чему они вообще стремятся. Однако само счастье они представляют по-разному. Различия в понимании его тройки: одни видят его в удовольствиях, другие – в деятельном, граждански активном отношении к жизни, третьи – в созерцательной деятельности. Пифагорейцы впервые, как считается, обозначившие эти различия, уподобляли их поведению людей на олимпийских играх: одни из них приходят туда купить что-нибудь или продать; другие – принять участие в состязаниях; третьи – для того, чтобы наблюдать за играми. Высшей формой счастья в этом ряду считалось философско-созерцательное – или теоретическое – отношение к жизни, которое было тождественно научно-беспристрастному отношению к ней, поскольку науки в ту эпоху выступали еще как части

философии. Философская научно-созерцательная деятельность считалась высшей, так как это была деятельность ума – высшей и божественной части человеческой души. Так как она, по мнению Аристотеля, «помимо себя самой не ставит никаких целей», ей в наибольшей степени свойственно «все остальное, что признают за блаженным» [1, 282-283].

С появлением современной науки в Новое время, основанной на точных наблюдениях и эксперименте, сложился ее общественный образ как силы, способной преобразовать мир, и преобразовать его таким образом, чтобы люди не в потустороннем царстве, а здесь, на земле, могли реализовать свои мечты о счастье. Наука заняла в новоевропейской цивилизации место, аналогичное тому, которое занимала религия в средние века. Ученые, как те, которые примиряли свою научную деятельность с верой в Бога, полагая, что изучая природу, они раскрывают божественный замысел; так и те, которые видели в окружающем мире последнюю объективную реальность, рассматривали науку как призванную понять, как в действительности устроен мир, и на основе этого знания переоборудовать, улучшить его во благо человека. Тем самым деятельность ученого рассматривалась в качестве миссии, реализующей миропреобразующее назначение науки. Научная деятельность рассматривалась не только как профессия, род деятельности, но и как призвание. Примеры благоговеющего отношения к науке, героического служения истине, когда за нее шли на костер, – Дж.Бруно, сожженный по приговору папской инквизиции на площади в Риме. Сегодня там стоит памятник этому мученику науки. Новое место науки в системе общественных ценностей представлено одним из ее родоначальников – Френсисом Бэконом, написавшим научно-философский трактат «Новый органон», в котором он обосновывает новый метод опытного естествознания. Он же – автор философско-художественного произведения «Новая Атлантида», в котором повествует о счастливом существовании людей в условиях технически преобразованного мира. Заметим: духовно-освободительные проекты русского космизма, как, например, воскрешение предков Н.Ф.Федорова или обживание планет К.Э. Циолковского, хотя и несли на себе следы времени и национальной ментальности, тем не менее по сути своей были выражением того же убеждения и настроения, которые двигали Ф.Бэконом и другими основоположниками философии и науки Нового времени.

Таким образом, беспристрастная, принципиально внеценностная позиция ученого в своей профессиональной деятельности прямо связана с высоким статусом науки в системе общественных ценностей.

3. В наше время, уже после Первой мировой войны, а совершенно определенно и явно со второй половины XX века, возвышенному представлению о науке как призвании пришел конец. Стало ясно, что наука не заключает в себе сакрального смысла и познавательная деятельность сама по себе не всегда является благом. К такому убеждению привели ряд принципиальных факторов, последовавших за революциями в естествознании и невиданными ранее технологическими достижениями. Во-первых, прогресс в науке обернулся созданием вооружений такой разрушительной силы, которая стала угрозой существованию человечества. Это относится прежде всего к ядерному оружию, которое явилось прямым результатом успехов в науке, создавалось при участии ведущих ученых, и уже более 70-ти лет является кошмаром для человечества. Во-вторых, всеобъемлющий научно-технический прогресс оказывает необратимо разрушительное воздействие на природную среду (загрязнение воздуха, истощение биоресурсов, опасность потепления и др.). В-третьих, новейшие научные достижения и технологии в биологии и медицине открывают возможности вмешательства в глубинные процессы человеческого организма, позволяющие неограниченно воздействовать на его природу (генетическую структуру, когнитивные способности, долголетие и т.д.), в результате чего вопрос о научно-технологических возможностях становится вопросом об этических пределах. Словом, оказалось, что наука и технологии касаются средств деятельности, которые могут применяться к различным как конструктивным, так и разрушительным целям, их нельзя рассматривать вне широкого социального контекста. Они могут обернуться и благом, и злом. В общественном сознании давно было известно и запечатлено, что ученые ради знания готовы пожертвовать многим и пойти далеко. Как, например, живший в 16-м веке полуполюгендарный доктор Фауст, они могут даже продать душу дьяволу, но свою душу. Двадцатый век показал, что ученые, широко практиковавшиеся в нацистских лабораториях и лагерях, в научном рвении могут переходить все запретные человеческие границы и губить уже чужие души. Перед обществом и людьми науки встал вопрос, который Макс Вебер сформулировал, размышляя об общественном статусе науки по итогам Первой мировой войны: «В чем же состоит смысл науки как профессии теперь, когда рассеялись все прежние иллюзии, благодаря которым наука выступала как “путь к истинному бытию”, “путь к истинному искусству”, “путь к истинной природе”, “путь к истинному Богу”, “путь к истинному счастью”?». Самый простой ответ на этот вопрос дал Толстой: она лишена смысла, потому что не дает никакого ответа на единственно важные для нас вопросы: «Что нам делать?», «Как нам

жить?». А тот факт, что она не дает ответа на данные вопросы, совершенно неоспорим» [2, 718-719]. Новые возможности и опасности, связанные с развитием науки, привели к изменению этики науки, имея в виду как этос ученого, так и место науки в обществе.

Что касается этоса науки, основное содержательное изменение состоит в следующем. Добродетельность ученого уже не ограничивается его добротностью в традиционном понимании. Для него уже мало быть хорошим специалистом, ревниво охраняющим свою деятельность от фальсификации и скрытых заимствований. От него требуется более широкий гуманистический взгляд, учитывающий доступные предвидению отрицательные последствия, сопряженные с собственными профессиональными действиями. Речь идет о том, чтобы быть на уровне нравственных требований не только в рамках собственно профессиональной деятельности, но и саму эту деятельность (и в целом, и в отдельных ее звеньях) рассматривать как персональный нравственный выбор.

М.М. Бахтин провел очень важное и глубокое различие между нравственной ответственностью и специальной ответственностью за поступок. Специальная ответственность есть ответственность за содержание поступка, за его адекватное техническое исполнение, а нравственная ответственность есть ответственность за факт бытия поступка, за то, что он вообще состоялся, был совершен данным конкретным индивидом в данных конкретных обстоятельствах. Только соединение этих двух аспектов ответственности обеспечивает целостность поступка, само же такое соединение возможно, если двигаться от нравственной ответственности как изначальной к специальной ответственности как к вторичному, приобщенному моменту. Ученый ответствен за свою научную деятельность, за все, что он как ученый делает, в обоих смыслах: и в нравственном, и в специальном. Так, ученые, создававшие атомную бомбу, хорошо сделали свою профессиональную работу, за что были разнообразно награждены, но они также ответственны за само создание атомной бомбы и ее последствия, включая трагедию Хиросимы и Нагасаки, что легло тяжелым грузом на совесть некоторых из них. Люди, создавшие ядерное оружие, включились в движение за его запрет, чему был посвящен Манифест Рассела – Эйнштейна и последовавшее за ним Пагуошское движение ученых. Они призвали: «В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие и поскольку это оружие угрожает существованию рода человеческого, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично заявили, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем,

чтобы они находили мирные средства разрешения всех спорных вопросов». Этот пример показывает, как расширились границы этики науки, и – в то же время – ставит проблему: как сделать так, чтобы действия индивидов в качестве ученых и их действия в качестве граждан были не двумя разными рядами действий, а слились в одно действие ответственной личности.

4. Изменения науки в наше время привели также к тому, что ее этика, которая традиционно была по преимуществу этикой добродетелей, приобрела также институциональный характер. В этой связи, – в дополнение к упоминавшимся выше изменениям, которые лишили науку ее привилегированного статуса в обществе, – следует назвать еще два, которые выделили ее в особую сферу общественной жизни. А именно: наука стала массовым занятием и практикуется в формах коллективной деятельности. Плюс к тому – она превратилась в производительную силу общества, при этом – в особую производительную силу, которая требует больших «непроизводительных» расходов (прямой поддержки со стороны государственного бюджета). Область этического регулирования расширяется за счет включения в нее морального аспекта отношений в научном сообществе и взаимоотношений научного сообщества с обществом и государством. Разумеется, вопросы взаимоотношений между учеными, а также ученых с обществом и властью существовали и в более ранние эпохи, начиная с античности (например, конфликт Демокрита с гражданами родного города, Платона с правителем Сицилии Дионисием, Галилея с Ватиканом), но они решались в рамках индивидуальных позиций ученых и общепринятых общественных канонов, не требовали выделения и не выделялись в качестве относительно самостоятельных нормативных подсистем на манер профессиональных кодексов.

Еще одно важное изменение касается самой этики науки. Понятие этики науки (научной этики), как, впрочем, и других областей прикладной этики (экологической этики, этики бизнеса и т.п.), означает, с одной стороны, реальную практику научной деятельности в ее нравственном аспекте, а с другой – область знания об этой практике. Различие это соответствует различию между этикой как наукой и моралью (нравственностью) как ее предметом. Такая двузначность понятия этики науки в значительной степени соответствует существу дела, показывая тесную связь морального опыта науки с размышлением о нем, тем не менее это различие следует учитывать. Как, в целом, мораль предшествует этике, так и этика науки в первом значении (как моральный опыт в области науки) предшествует этике науки во втором смысле (как области знания об этом опыте). В ан-

тичности и в Новое время моральные нормы научной деятельности были вписаны в саму эту деятельность, воспринимались как очевидные в своей обязательности и воспроизводились опытом деятельности следовавших им ученых. Они не выделялись в качестве подлежащего изучению идеального объекта, функционировали, условно выражаясь, стихийно, как, например, функционировал язык до его обобщения в грамматике. Ситуация существенно меняется тогда, когда моральный аспект науки становится специальным предметом философской и научной рефлексии и этика науки оформляется как особая ветвь знания, получая одновременно и свое имя. Тем самым этика науки удваивается, существуя и как область реального морального опыта, и как его специализированное научное осмысление.

Этика науки изучает «принципы, которыми руководствуются ученые в своей познавательной деятельности и поведении внутри научного сообщества, а также в его взаимодействии с обществом в целом» [7, 48]. С момента ее становления как области знания формирование этических принципов поведения ученых в реальном опыте развития науки и общества и их теоретическое осмысление идут рука об руку.

Важной вехой стал Нюрнбергский кодекс, принятый Нюрнбергским трибуналом в 1947 году после завершения процесса над нацистскими врачами, проводившими в массовом масштабе чудовищные опыты над заключенными. В его десяти пунктах формулируются жесткие ограничения экспериментов на человеке. В частности, его первым пунктом определено, что «абсолютно необходимым условием проведения эксперимента на человеке является добровольное согласие последнего» [4], полученное при отсутствии какого-либо давления и при полной информированности о предстоящем эксперименте, при этом ответственность за качество согласия лежит на каждом, кто участвует в таком эксперименте. Еще одно требование гласит, что эксперимент ни в коем случае не может проводиться, если заранее допускается возможность смертельного исхода или инвалидизирующего воздействия на испытуемого, что, может быть, не является обязательным только для тех случаев, когда сами врачи-исследователи выступают испытуемыми своих экспериментов. Нюрнбергский кодекс не был юридическим документом, обладал силой морального призыва, подкрепленного авторитетом и опытом Нюрнбергского процесса. Однако осужденные в нем античеловечные опыты воспринимались длительное время как вырожденный случай, имеющий отношение к идеологии и практике нацизма. Со временем, когда стали известны случаи жестоких исследований на людях в США, общественности и самим ученым пришло осознание того, что проблема эта

вызвана не только злой волей, исследования на человеке требуют строжайшей моральной регламентации. Декларация Всемирной медицинской ассоциации, принятая в Хельсинки в 1964 году, исходит из убеждения, что «при исследованиях на человеке интересы науки и общества никогда не должны превалировать над соображениями, связанными с благополучием исследуемого», и, в соответствии с этим, предписывает: «Дизайн и порядок проведения каждого эксперимента, объектом которого является человек, должны быть четко сформулированы. Протокол эксперимента должен быть передан для рассмотрения, оценки и внесения поправок специально назначаемому Комитету, независимому от исследователя и спонсора, при условии, что этот независимый Комитет действует в соответствии с законами и подзаконными актами той страны, в которой выполняется исследовательский эксперимент» [8].

В настоящее время в большинстве стран любым биомедицинским экспериментам на людях предшествует этическая экспертиза, осуществляемая независимым этическим комитетом, а в ряде стран такая экспертиза является обязательной для любых, в том числе психологических, социологических и др., исследований на людях, а предметом защиты являются также, наряду со здоровьем, права человека, его достоинство, религиозные чувства и другие аспекты его душевного строя и частной жизни.

Большим стимулом и конкретной формой привлечения внимания для выработки действенных мер и культуры социально-ответственного подхода и моральной оценки научной деятельности явились широкие общественные движения, направленные на борьбу с негативными последствиями научно-технического прогресса. Важное значение для выработки широкого гуманистически ориентированного самосознания ученых и научных сообществ имели движения, направленные против оружия массового уничтожения, прежде всего против испытаний и за уничтожение ядерного оружия. Они начались по инициативе группы ведущих ученых (в основном физиков), выступивших с уже упоминавшимся Манифестом Рассела-Эйнштейна, получили продолжение в ряде гражданских объединений ученых, самым авторитетным из которых является Пагуошское движение (Пагуошские конференции по науке и глобальным проблемам), первое собрание которого состоялось в 1957 году. С тех пор оно росло, расширялось, стало лауреатом Нобелевской премии мира (за 1995 год) и к настоящему времени представлено национальными комитетами более чем в сорока странах. В его рамках работают исследовательские группы и разрабатываются проекты по сокращению запасов ядерного, химического и биологического оружия, глобальной безо-

пасности, международному научному сотрудничеству, социальной ответственности ученых и др.

В 60-70-е гг. большую актуальность приобретает экологическая проблематика, предметом моральной оценки и нормативного регулирования становится воздействие науки и технологий на природную среду, возникают общественные движения и получают распространение взгляды и практики, исходящие из идей универсальной этики, включающей в свое содержание также отношение ко всему живому. Борьба за сохранение природной среды стала полем международного сотрудничества государств, центральную роль в этом играет Организация Объединенных Наций, в рамках которой имеются также практически ориентированные исследовательские структуры (Научный комитет по действию атомной радиации, Комитет по использованию космического пространства в мирных целях и др.). Наиболее показательным примером объединения общественных, политических и научных усилий в природоохранной деятельности является борьба против потепления климата.

Инициативы этического регулирования научных исследований исходят и от самих ученых, и от государственных органов. Хорошим примером инициативы самих ученых является Асиломарский мораторий 1975 года, когда около 150 геномных инженеров, собравшиеся на конференцию в гор. Асиломаре (США) для обсуждения рисков, связанных с созданием рекомбинантных молекул ДНК, приняли документ, в котором они добровольно взяли на себя обязательства по приостановке экспериментов по геномной инженерии. Этическое саморегулирование научных исследований свидетельствует о социальной и нравственной ответственности ученых и имеет важное значение для поддержания морального авторитета науки в обществе. Показательным примером государственных ограничений исследовательской деятельности является запрет во многих странах на применение метода клонирования к воспроизводству человека.

В процессе вычленения этики науки как самостоятельной области научного знания и общественной практики она вписывалась, с одной стороны, в систему прикладного этического знания, а с другой – в науковедение. Уже упоминавшаяся лекция М.Вебера была опытом социологической критики науки как профессии, требующей рационально обоснованного контроля; ее пафос состоял в том, что на науку не надо молиться, ее следует рассматривать как одну из профессий. Первая попытка сформулировать базовые принципы регулирования науки и научной деятельности была предпринята Р.Мертонем в работе «Нормативная структура науки» (1942). Она сводилась к четырем императивам: универсализм (объективный, внелич-

ностный характер научного знания); коллективизм (свободное распространение научных знаний между учеными); бескорыстие (ориентация на постижение истины как единственный мотив деятельности в науке); организованный скептицизм (исключение условий для некритического восприятия научных открытий). В этих принципах Мертон обобщил этос науки как свободный поиск истины, который может состояться в свободном обществе, позволяющем развиваться науке на своей собственной основе. Он исходил из функции науки, направленной на адекватное (истинное) познание мира. Выделенные им принципы суть то, что требуется от ученых в рамках выполнения этой функции. Они, как и всякие общие нормы, дают некую ориентацию. Но недостаточны для конкретных решений и действий. Для этого они слишком абстрактны в двух смыслах. Во-первых, они не учитывают противоречивость реальной жизни. Люди, занимающиеся наукой, не могут полностью низвести себя до роли ученых, как если бы у них не было других мотивов и дел в жизни. Роль ученого является для них основной, но не единственной. Ее выполнение может приходиться в противоречие с другими обязанностями (семейными, гражданскими и др.). Во-вторых, эти принципы не учитывают противоречивость самой научной деятельности. Последняя также ставит ученого в ситуацию выбора, которая регулируется не пропорцией норм, а решением самого субъекта действия. Речь идет об амбивалентности ситуаций, которые задаются самими нормами научной деятельности. Мертон, корректируя свою позицию, описал ряд таких альтернатив: ученый должен делиться открытиями с коллегами, но не спешить обнародовать их, чтобы более тщательно проверить и обосновать; быть открытым для новых идей, но не гнаться за интеллектуальной модой; чтить учителей, но идти своим путем и истину ставить выше; помнить, что наука универсальна, и в то же время учитывать, что она является показателем национального престижа.

Таким образом, пример этики науки показывает, что этико-прикладное знание, обобщающее нравственный опыт в конкретной общественной сфере, само становится частью этого опыта.

Список литературы

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. М.: Мысль, 1984.
2. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия / М.Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. *Мертон Р. К.* Исследования по социологии науки / Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

4. Нюрнбергский кодекс. www.psychopravo.ru
5. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура и историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000 (2003).
6. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки: Проблемы и дискуссии. М., 2009.
7. *Фролов И.Т.* Социология и этика познания жизни и человека / Избранные труды в 3 томах. Т.3. М.: Наука, 2003.
8. Хельсинская декларация всемирной медицинской ассоциации. www.ingorts.ru/files/library/international_docs/Declaration_of_Helsinki_rus.pdf

А.Ю. Согомонов

УДК 174 + 159.955

**«Устойчивый университет»
(образ будущего, актуальные проблемы и тренды)***

Перемены это – закон жизни. И те,
кто смотрит только лишь в прошлое или на-
стоящее, неизбежно потеряют свое будущее.

*Джон Кеннеди. Президентское
послание. 1963.*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы актуальной трансформации высшего образования и университетов в сторону устойчивого развития. Выстраивание «образов будущего» устойчивого университета основано на коренной перемене в смыслах и приоритетах, обновленной философии высшего образования, реформатирования его глобальных и локальных ролей. Образ будущего устойчивого образования, прежде всего, связан с расширением его метадидактического поля. Декада устойчивого образования (2004-2015 гг.), инициированная ООН, вовлекла в процесс экспериментирования и педагогического поиска тысячи образовательных учреждений, ориентированных на конструирование устойчивых моделей, в том числе и университетского образования. Обобщая этот опыт, исследователи фиксируют переориентацию образовательных приоритетов на кросс-культурные подходы, командное обучение, холистическую педагогику и прикладную этику как ценностный стержень грядущих перемен. И, несмотря на все сложности адаптации новой университетской доксы, тем не менее, можно с уверенностью говорить о торжестве в образовательном пространстве следующих динамических трендов: (а) кардинального обновления программ, (б) университетского институционального ретрофита, (в) генезиса модели глокального университета.

Ключевые слова: устойчивый университет, устойчивое развитие, университетский ретрофит, миссия и стратегия университетов, университетские программы и университетская ответственность, глокальный университет.

* Третья статья цикла «Устойчивый университет». Первую статью см.: А.Ю. Согомонов. Устойчивый университет (генезис концепции) / Вестник прикладной этики. Вып. 48. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 142-161. Вторую статью см.: А.Ю. Согомонов. Устойчивый университет (миссия, смыслы, программы, кейсы) / Вестник прикладной этики. Вып. 49. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 151-170.

Британский социолог, профессор Кентерберийского университета, Фрэнк Фьюриди в своей новой, изданной в 2017-ом году, книге «Что случилось с университетом?» утверждает, что большинство из них превратились в закрытые и авторитарные институты. И если в 1960-е годы они были очагами радикального мышления, новаторства и экспериментирования, то сегодня выступают, скорее, центрами интеллектуальной косности, конформизма и самоцензуры. Глобализация, согласно Фьюриди, парадоксальным образом уводит их от академической свободы, на которой собственно и было когда-то построено мироздание классического университета, в сторону локальной замкнутости и ориентации на узкие этнокультурные интересы. И, следовательно, только ценностное переформатирование университета сможет вывести его из этого, как метко определил Фьюриди, «инфантильного» состояния и вновь вернуть в моральное лоно академической свободы и толерантности [4].

Возможно, этот социологический диагноз современному институциональному и этическому состоянию университета покажется кому-то не вполне корректным. Но очевидно что условия глобализации привели к резкому удорожанию высшего образования, его беспрецедентной массовизации, рыночному и про-властному прагматизму университетского менеджмента, свободным потокам студенчества, а в силу всего этого – к низкой символической и репутационной стоимости университетских образовательных «продуктов», что неизбежно девальвируют старые университетские ценности и идеалы. Университет из институционального и мыслительного флагмана мира превращается преимущественно в машину по производству мало-значимых сертификатов. В дополнение к внутренним причинам его институциональной деградации работают еще и факторы внешней конъюнктуры. Центры производства знания сегодня активно мультиплицируются и лишь частично привязаны к традиционным университетам. Активно развивающиеся дистанционное образование и корпоративные университеты также чрезвычайно усиливают давление на старую институциональную матрицу высшего образования, по крайней мере, во всех развитых странах. Конечно же, можно воспринимать сложившуюся ситуацию, как вполне нормальную, разумно полагая, что раз весь мир меняется – должны трансформироваться и его традиционные общественные институты. Но все же, если признать гипотезу Фьюриди об «инфантилизации университетов» корректной, то мы вправе задать главным – для предмета нашего рассуждения – вопросом: а что собственно способно (и каким образом?) вернуть университет в лоно академической свободы и публичного лидерст-

ва? Ответ мне кажется очевидным – переосмысление общественно-культурной миссии университета и его этического кредо, реконструкция его идентичности и осознание им своих аутентичных глобальных и локальных ролей. Но для всего этого необходим более четкий и внятный образ будущего устойчивого образования в мире.

Устойчивое образование:

от императива перемен к этико-прикладной прагматике

Питер Сенге, американский социальный мыслитель и автор всемирно известной книги «Пятая дисциплина» (1990 г.), недавно предположил, что т.н. «индустриальная» система образования, сложившаяся в мире за последние пару веков, в самом скором времени претерпит кардинальные изменения [1, гл. 43]. Актуальному глобальному миру тотальной взаимозависимости, открытости и всеобщей интернетизации совершенно не отвечает стандартизированное, многоступенчатое и удручающе заформализованное современное образование. Уже сегодня в общем потоке образовательного мейнстрима мы различаем робкие попытки педагогических инноваций, выстроенных не вокруг дисциплинарной дидактики, а направленных на формирование системного мышления и креативности у подрастающего поколения. Впрочем, реформы в образовательной сфере и раньше шли с большим трудом, а сейчас наталкиваются на не менее жесткое консервативное сопротивление. Но нынешние перемены, как никогда ранее, вызваны глубинными потребностями в оздоровлении общественной, нравственной и культурной ситуации во всем мире [12]. И рано или поздно масштабные перемены в образовании все же свершатся.

Парадоксальным образом, иронизирует Сенге, мы видим, как много сегодня стало сторонников устойчивого развития цивилизации, и как мало среди них тех, кто пытается хоть как-то синхронизировать перемены в обществе и образовании. Активисты устойчивого развития сосредоточены на вопросах бизнеса, городского планирования, государственного и муниципального менеджмента, но почти не обращают никакого внимания на проблемы подрастающего поколения, ценности которого закладываются вначале в школе, а затем закрепляются в вузах. Ведь принято считать, что образование – пожалуй, единственный в современном обществе институт с самым длительным циклом результативности [1, 322]. Этот тезис представляется мне несколько сомнительным. Но даже если это и так, то нетрудно понять, почему консервативно-реставрационный крен в политике и повседневной жизни так силен сейчас, причем практически во всех уголках нашего глобального мира.

Как должна в таком случае выглядеть новая философия образования? Прежде всего, пишет Сенге, это – *образование во имя устойчивости*, то есть образование, создающее свои актуальные контексты цивилизационного транзита в сторону социально-этически здорового, справедливого и более благополучного общества, в том числе и в биокультурном смысле. Во-вторых, это – образование, которое сконцентрировано во вселенной учащегося, мотивирующее его любознательность и ожидания, а не сосредоточено вокруг власти, тем, принципов и идей педагога-инструктора. В этих образовательных контекстах нет «черно-белых» ответов на глубокие вопросы учащихся, а поиск и дискуссия – их главные приоритеты. В-третьих, образование во имя устойчивого развития сосредоточено больше всего на формировании лидерских свойств, гражданской включенности, моральной ответственности и широкого мировоззренческого кругозора. И, наконец, сами образовательные институты переформируются в (само)обучающиеся коммуниты, в функционирование которых вовлечены как взрослые, так и подрастающие поколения, и где нет прямой дихотомии учитель-и-ученик, а сам процесс обучения организован как индивидуально-коллективное со-действие [1, 323].

Не удивлюсь, если у кого-то возникнет назойливое *deja vu*, насколько внешне схожи эти рассуждения с тем, что на словах еще совсем недавно исповедовала советская педагогика. И, видимо, это не случайно. Безусловно, есть определенная переключка времен и культур, конвергенция идей и подходов. Но есть и принципиальные отличия. И, прежде всего, – в понимании целей образования и инфраструктуры обучения. Впрочем, и не только. Советская педагогическая практика отталкивалась от «возвышенного» тоталитарного идеала, но по существу воспроизводила матрицу властно-подчинительных отношений в системе человек-государство. Образование же во имя устойчивости, напротив, максимально ориентировано на автономность образования от государства, причем как в содержательном, так и управленческом смысле. И главное, как полагает Сенге, в современном мире оно становится фундаментальным проводником культуры социального партнерства и сотрудничества [1, 327]. В старой парадигме микрокосм образования был предельно фрагментирован индивидуальностью педагога – его содержанием, его властью, его учащимися, его прикладной этикой. И даже если кто-то из новаторов и пытался переходить на командные принципы, то это почти никогда не становилось педагогической нормой в масштабах всего общества. Дерзновенной намеренностью образования во имя устойчивости становится именно его *метадидактическая миссия* – формирование новой инфраструктуры коммунитарных лидеров. Интерес подрастаю-

щего поколения к наукам и знаниям в ней жестко контекстуализирован, а проектно-достижительная мотивация подкреплена мировоззренческой средой и обновленной образовательной инфраструктурой. А поскольку в нее вовлечены все поколения и представители разных культур, то нередко эта обновляемая матрица образования во имя устойчивости именуется «кросскультурной» и «межпоколенческой».

В этой логике именно подрастающее поколение задает опорные точки отсчета в процессах конструирования национальной и местной политик. А именно: (а) что считать ценностями социальной жизни? (б) как они помогают мониторить общий прогресс? и, наконец, (в) как они влияют на выработку приоритетов в политической, социальной и предпринимательской сферах. Кэтрин О'Брайен весьма удачно назвала этот социокультурный комплекс «устойчивым счастьем» и предлагает именно его в качестве одного из базовых университетских курсов [1, гл. 45]. В этой связи важно вспомнить определение «устойчивое развитие», предложенное Международной комиссией ООН по окружающей среде и развитию в докладе «Наше общее будущее» (1987 г.), с тех пор ставшее общепринятым. «"Устойчивое" – это такое цивилизационное развитие, которое способно удовлетворить актуальные нужды и потребности мирового сообщества, не создавая рисков для будущих поколений в плане удовлетворения их грядущих нужд и потребностей» [цит. по: 3, 6-7]. Очевидно, закладывая ценности и принципы устойчивого поведения в университетской среде, необходимо отталкиваться от пролонгированного понимания «устойчивого счастья», причем не как некой туманной ментальной конструкции массового сознания сегодняшнего студенчества, а как от *фьючерсного объекта* научной рефлексии и *дидактического предмета* одновременно.

В свое время ООН объявила 2005-2014 гг. десятилетием образования во имя устойчивого развития. Были вовлечены миллионы участников по всему миру, а результатом декады стали тысячи прикладных образовательных инициатив, проектов и экспериментов. Все они носили инновационный характер и стимулировали дальнейший поиск. Главный вопрос, который при этом решался, можно сформулировать следующим образом: современное образование – это одна из проблем нашего цивилизационного транзита к устойчивому развитию или одно из его ключевых решений (problem or solution). В потребительском мире товарных искушений и в окружении «трех экранов» (компьютер, телевизор, смартфон) тема «устойчивого счастья» обретает подспудно важную пропедевтическую роль. В канадском университете Кейп-Бретон была предпринята попытка внедрения такого

курса в общеобразовательную программу, в том числе и в схему переподготовки учителей. Этот курс был сконструирован не столько как аксиологический (мировоззренческая индоктринация), сколько как методически сложно-компоЗИтный и праксиологический по своей сути и направленности. Студентам предлагались разные форматы дискуссий и мастерских, включенные наблюдения, коллективные рефлексии и исследования, и т.п. В частности, они должны были регулярно анализировать свой собственный стиль жизни с точки зрения того, какое он оказывает воздействие на других людей и весь окружающий мир. Постоянно проводили т.н. «интервью счастья» с разными людьми и многое другое в плане полевых этико-прикладных исследований. Каждый курс завершался микропроектированием устойчивого счастья, как в низовых сообществах, так и на уровне индивидуальных биографических траекторий. Конечной дидактической целью курсов становилось переформатирование сознания студентов в ракурсе ожидаемых и необходимых общественных перемен, которые всегда можно осуществить индивидуально или, тем более, коллективно. А по сути это стало означать наделение студентов *видением и навыками устойчивого счастья* [1, 342-344].

Мир, действительно, становится все богаче на успешные практики устойчивого развития, особенно это касается территорий и бизнеса. Экотопии сегодня уже далеко не единичные примеры скоординированных действий людей, основанных на солидарно разделяемых ценностях и исповедующих общий стиль экосоциально ориентированной жизнедеятельности, устремленной в устойчивое будущее. Экотопии объединяют собой как частные и малые дела (к примеру, по распространению норм ресурсосбережения или минимизации негативных последствий всеобщей технологизации), так и грандиозные макропроекты, к примеру, в области реформирования повседневной культуры современных городов и, что, пожалуй, важнее всего, – привычных урбанистических образов жизни. И в этом процессе, очевидно, уже в самом ближайшем будущем именно высшее образование сможет реализовать свою обновленную миссию.

Образование и устойчивое развитие: трудности роста

Сегодня, совершенно очевидно, недостаточно традиционного экологического воспитания, восходящего своими истоками к воспитательной теории Руссо. Педагогические практики XIX-XX вв. отталкивались от его концепции «естественного человека» и предлагали разные инструменты воспитания уважительного отношения к биосфере, природоохранные ценности и установки. С середины 1990-х гг. речь зашла о более глубоком мировоззренческом воздействии на сознание подрастающих поколений. Эта трансформация отчетливо

видна по тому, как менялись содержание и тональность дискуссий об экологическом воспитании на страницах международного «Журнала экологического образования» (первый номер вышел в свет в 1979 году в издательстве «Routledge»).

Зародившееся в самом начале 1990-х гг. образование во имя устойчивого развития не ограничивается лишь ценностной «прививкой», а настаивает на смене институциональной парадигмы всего образования. Обновленное образование – будь то формальное или неформальное – сконцентрировано на формировании критического и инновативного мышления, ориентирующего подрастающее поколение на про-активное поведение во имя цивилизационной трансформации. Оно равным образом поддерживает индивидуальные и коллективные практики, отстаивает принципы равенства, солидарности, терпимости, открытой демократии. Его *этико-прикладным идеалом* выступает *глокальный гражданин*, принимающий глобальную ответственность, но действующий преимущественно в своих локальных контекстах. Иными словами, образование во имя устойчивости *само становится актом перемен* и нередко в философской литературе трактуется как «системный» или «конкретный» утопизм [11, 107-108].

Впрочем, практиковать сегодня образование во имя устойчивого развития в глобальном неолиберальном контексте – дело весьма непростое. Ведь речь отныне идет не только об индивидуальной динамике (в ценностях, установках, поведении и т.п.), но и о структурных и институциональных переменах. А в этом цивилизационном транзите человек должен обрести для себя новую – по образному выражению известной исследовательницы в области устойчивого развития из Новой Зеландии Делизы Спрингетт – *социокультурную роль трансформера* [11, 108]. Но это подразумевает, что и образование взамен своему бывшему статусу главного инструмента воспроизводства культуры и социальных смыслов принимает на себя роль института, трансформирующего общество, его структуры и «правила игры», а следовательно – трансформируется и само. Показательно, как эта смысловая динамика хорошо передается в языке, когда мы говорим о смене парадигм: образованию об устойчивом развитии на смену идет образование *во имя* устойчивого развития.

Именно эта смена ориентиров в свою очередь подталкивает страны к серьезным образовательным реформам и ставит под сомнение многие постулаты классической философии образования, в основании которой в новые времена была положена т.н. «социальная парадигма». Человек господствует в мире над природой. Выстроенный им социальный мир, соответственным образом, главенствует над всей биосферой, а ее участь целиком зависит от воли чело-

века. И все остальное – в том же ключе. Но поскольку образование во имя устойчивости исходит из прямо противоположного постулата (человечество – имманентно зависимый от природы элемент биосферы), то именно оно ориентирует современную цивилизацию на структурные и ментальные перемены. Из этого несложно понять, почему старая образовательная система – пусть даже и риторически поддерживающая экологическое воспитание, как таковое, – системно и эпистемологически весьма серьезно сопротивляется новым образовательным трендам. Это видно, хотя бы по тому, насколько непросто вписываются программы экологического просвещения в дидактическую сетку сегодняшнего среднего и высшего образования. Оно, как правило, воспринимается значимым воспитательным фактором, но все же факультативным по отношению к т.н. базовым курсам. Традиционное образование, не отвергая задачу формирования у подрастающих поколений критического мышления, к такой «масштабности» самокритики в отношении актуальных общественных устоев, которую предлагает образование во имя устойчивости, похоже, не готово, считая его, видимо, пока еще *опасным знанием* (*dangerous knowledge*).

Без преувеличения можно констатировать, что все сегодняшние образовательные системы мира латентно поддерживают ценности и нормы неустойчивой цивилизации с ее ключевыми приоритетами в виде свободного рынка, экономического роста, индивидуализма и социальной гегемонии человека. Именно этого ждут от подрастающих поколений рынок труда и вся общественно-хозяйственная организация. Формирование же ценностей устойчивого развития у подрастающих поколений, как это видится адептам старых воспитательных подходов, приведет мир в состояние аномии, ибо в свободном пространстве окажутся люди с совершенно иной культурно-нравственной «закалкой» и с иными представлениями о социальном устройстве. Отсюда понятен тот консервативный станс, который возобладал в большинстве стран мира, настаивающих по-прежнему на «репродуктивной» миссии образования, незыблемости фундаментального «обществознания» и его главенствующей роли в процессах социальной мобильности и, в том числе, в адаптации человека к потребностям рынка труда. От образования, как важного компонента государственной политики, по-старинке ожидают эффективной трансмиссии уже «упакованного знания» (*transmission*), нежели каких-либо трансформаций или, тем более, создания новой социокультурной эпистемологии при поддержке со стороны «критической педагогики». Образование, и видимо это не случайно, публично оценивается не сквозь призму его «качества» (самостоятельность мышления,

независимость суждений молодых людей, гражданская зрелость), а в соответствии с критериями репродуктивной «эффективности» (ожидаемые навыки, конвенциональные знания, дисциплинарная лояльность). Все это незаметно в массовом масштабе привело к превращению общей массы учреждений среднего и высшего образования в «бизнес-структуры» (edu-business), а рыночно-ориентированную университетскую инфраструктуру – в глобальную сеть т.н. «академического капитализма».

Впрочем, не все так безнадежно. Отчасти трансформационный тупик в образовании помогает преодолеть некоммерческий «третий сектор», который берет на себя миссию просвещения, свободной критики общества с позиций «незапятнанной совести» [1, 111]. Параллельно и многие университеты начинают переосмысливать свои стратегии, миссии и этические коды. Так, с 1990 г. успешно функционирует «Форум университетских лидеров во имя устойчивого развития». Он объединил сотни университетов, преимущественно из Северной Америки, осознавших приоритетную ответственность учреждений высшего образования за цивилизационный транзит к устойчивому развитию. Именно Форум дал толчок к пересмотру программ, методов преподавания, выстраиванию долгосрочных стратегий по формированию экоответственного гражданского корпуса [5, 29-34]. В 1994 г. ректоры, на сей раз уже европейских университетов, объединившись на почве приверженности к концепции устойчивого развития, инициировали международную программу COPERNICUS, которая подтолкнула многие университеты к созданию глобальной образовательной сети во имя устойчивого развития. А Боннская декларация ЮНЕСКО (2009 г.) закрепила нормативность 3-х векторов институциональных перемен для всех лидерских университетов: (i) программы + (ii) исследования + (iii) вовлеченность в гражданскую жизнь местных сообществ. И наконец, весь этот довольно долгий период ранних образовательных трансформаций завершила глобальная декада образования во имя устойчивого развития, инициированная ООН и распространившаяся буквально на все страны мира (2005-2014 гг.).

Анализируя итоги этого периода накопления первоначального опыта, исследователи чаще всего конструируют «простую» схему общего абриса теории образования во имя устойчивого развития. Ее составляющие: (1) междисциплинарный подход; (2) кросс-культурная методология; (3) холистическая педагогика; (4) ценностно-ориентированное командное обучение; (5) критическое мышление; (6) прикладная этика; (7) ориентация самообучающихся институтов на решение конкретных локальных проблем. При этом никакой одной на-

учной дисциплине не отдано предпочтение и, тем более, не передана роль связующего звена. За исключением, пожалуй, прикладной этики, которая *нравственным стержнем пронизывает все мышление* сторонников устойчивого развития. Философия, экономика, эстетика, социология, биология и прочие науки на равных партнёрствуют в парадигме образования во имя устойчивого развития. Но для того, чтобы эта образовательная модель нормально заработала, необходимо «новое» поколение педагогов, которые в свою очередь сами были бы профессионально подготовлены в этом непривычном для старого мира дидактическом ключе.

И здесь вновь возникают серьезные когнитивные проблемы. Довольно сложно удерживать мысль в междисциплинарном пространстве, для адекватного понимания реальности требуются привычные академические скрепы. Скажем, в дискуссии о философии будущего экономического развития неизбежно сталкиваются два контрастирующих друг другу экспертных взгляда: (1) актуальная экономика мира нуждается в большем регулировании и вдумчивом внешнем управлении в целях большего соответствия идеалам и нормам устойчивости; (2) экономическая организация национальных обществ и глобального мира нуждается в коренном пересмотре и, безусловно, в принципиальной смене сложившихся за последние два-три столетия моделях производства и потребления. Оставаясь в рамках классической политекономии, вести этот спор бессмысленно: теряется предмет спора, также как и, отвергая эти рамки полностью, мы утрачиваем объект дискуссии. И поэтому, сама эта дискуссия, как правило, преподносится как спор между умеренными и радикальными сторонниками устойчивого развития. А для самоопределения критериями истинности суждений чаще становятся не рациональные аргументы, а индивидуальные эмоции и привычки мышления.

Схожая ситуация складывается и в сфере образования т.н. будущих лидеров, то есть лиц, которые по своему профессиональному статусу будут принимать ответственные решения на всех управленческих уровнях. Это, разумеется, прежде всего, касается подготовки административных и бизнес-элит. Все известные сегодня образовательные институты и программы, как правило, не содержат в своих курсах образования во имя устойчивого развития, что вызывает сожаление у самих же учащихся. А между тем в сфере бизнес-образования сегодня идет реальная идеологическая война между либеральными экономистами и сторонниками устойчивого развития, и счет, разумеется, не в пользу последних [10]. Традиционалисты не прочь учитывать цели и ценности концепции устойчивого развития, но все же полагают, что буквальное следование им нарушит самую

логику предпринимательской деятельности. И вряд ли применимо в формальных образовательных курсах, хотя вполне допустимо в рамках просветительских проектов «третьего сектора». Но их охват пока крайне невелик. А посему примеры того, как выстраиваются университетские программы бизнес-администрирования в парадигме устойчивого развития (как, к примеру, в Колумбийском университете в США), – единичны и сложно тиражируемы [7]. Современный бизнес, безусловно, учитывает экологический фактор в своей деятельности, но, тем не менее, не склонен считать устойчивое развитие главным стержнем своей корпоративной социальной ответственности.

Остается ли в таком случае концепция устойчивого развития чисто риторическим «продуктом»? В известном смысле, да. Ибо критическая педагогика способна, прежде всего, наладить определенную социальную и этическую оптику у подрастающих поколений. То есть привить универсальные навыки здорового скептицизма, ответственного и критического восприятия реальности. Последующие же конкретные действия инициируют про-активные граждане, а они уже, соответственным образом, будут корреспондировать именно их духу и этосу. Иными словами, на, казалось бы, совершенно праздный вопрос «А сколько будет достаточно?», имеется в виду в производстве и потреблении [см., к примеру: 9], нет и вряд ли может быть единый, взвешенный или, тем более, «правильный» ответ, но в нем, правда, содержится фундаментальный вектор нашего вдумчивого и публичного рассуждения. Ищите вопросы! – мудрствовал в свое время Фридрих Ницше.

Трансформация высшего образования во имя устойчивого развития

Первые полтора десятилетия XXI века стали периодом экспериментального бума в сфере высшего образования. Все, что могло быть изменено, все подвергалось критическому пересмотру, правда, это утверждение справедливо лишь в отношении тех университетов, которые хотели и не боялись перемен. Они, действительно, подвергали перевзвешиванию и содержание, и методы, и даже модели университетской инфраструктуры. И сейчас стало очевидным, насколько это было увлекательным и захватывающим действием, раз в этот процесс включились тысячи университетов из разных уголков мира. Порой очень трудно понять, кто из них был в лидерах, а кто двигался по натопанной кем-то дорожке. В объеме одной статьи даже кратко не представляется возможным описать накопившийся за это время опыт образовательных трансформаций во имя устойчивого развития. Поэтому в заключение напомним о самых значимых, как

мне кажется, трендах в трансформации высшего образования и университетов.

Обновление образовательных программ. Философия обновления базируется на двух фундаментальных постулатах: (1) необходимости кардинального пересмотра отношения человека к природным ресурсам; и (2) сознательном принятии современной цивилизацией ответственности за реставрацию деградировавшей экосистемы. Отсюда понятна главная цель искомых образовательных перемен: каким образом инсталлировать новое знание (об устойчивом развитии) в программы и как сформировать у студентов необходимые навыки устойчивости в профессии? Сценариев того, как этого можно было бы добиться, – множество. Рассмотрим один, как мне кажется, очень показательный кейс.

В 2002 г. несколько австралийских университетов, объединившись в единую команду «The Natural Edge», попытались разработать макропроект по выработке новых подходов к дидактике устойчивости. В течение трех лет они выстраивали интеллектуальные мостики между исследователями, педагогами и политиками в поисках viable и эффективных моделей стратегий устойчивого развития. За это время им удалось сконструировать более или менее viable «доксу устойчивости», то есть обозначить логические рамки и внутреннее наполнение того опыта устойчивого развития, который можно и нужно извлекать из большого массива конкретных практик в целях его дальнейшего транслирования в разных средах pro-активной деятельности (для местной политики, бизнеса, гражданского общества).

Приглашались к участию ведущие проектировщики и мировые управленцы в области устойчивого развития для совместного формулирования с ними обновленной «повестки дня». Весь собранный во едино интеллектуальный багаж был положен в основание инновационных курсов в сферах бизнес-теории, экоманеджмента, территориально-политического планирования и др. В качестве дидактического результата были получены нестандартные университетские курсы в области предпринимательских инноваций, устойчивого инжиниринга, микро- и макроэкономики, энергетики, регионалистики и т.д., которые участники макропроекта метафорически объединили под единым титулом «зеленый капитализм» [подробнее об этом кейсе см.: 2].

Важно отметить при этом, что всякое глубинное программное обновление неизбежно влечет за собой пересмотр методологии и этики формирования университетских программ. Ведь к общему знаменателю приходится сводить разные подходы и методы преподавания: академических ученых (а у них очень высока степень автономности и персональной ответственности за транслируемое знание),

экспертов (глубоко погруженных в контексты специализированного знания), исследователей (досконально владеющих информацией о частных случаях) и т.д. Обычно одни акторы не противопоставляются другим, и все они, как равноправные этические субъекты, устремлены к формулированию принципиальных оснований обновленной философии образования. Возможно, именно поэтому так активно стали использоваться сегодня *делиберативные* методики (обсуждения, коллективные поиски, мастерские), в которых: (а) нарушена старая практика противопоставления учителя-и-ученика, и (б) где заранее никогда не известны «правильные» результаты мыслительных экспериментов и поисков. Даже более того, нормально, когда результаты оказываются неожиданными и вполне обескураживающими.

На стыке этих сложно пересекающихся когнитивных процессов в самом образовательном процессе неизбежно складываются новые сферы знаний и компетенций, рождение которых предвосхитить заранее не представляется возможным. Обновленные программы и подходы делают сегодняшнее высшее образование во имя устойчивого развития динамичным, креативным и увлекательным совместным действием.

Институциональные переменны. Скорость перемен внутри актуального глобального мира настолько высока, – в последнее время говорят еще и об акселерации (ускорении и сжатии) социального времени [8], – что обычного обновления программ высшего образования уже явно не достаточно. Перед университетами сегодня стоит масштабная задача *институционального ретрофита*, чтобы им самим стать лидерами цивилизационного транзита. А это значит, что в фокус внимания попадают не только системные вопросы о том, «что и как преподавать по-новому?», но и «как эти изменения должны быть адаптированы институционально?», и «в каком временном промежутке они должны произойти?».

Впрочем, если в XX веке считалось, что высшее образование должно поспевать за социально-техническим прогрессом (главное: не отставать от бега времени!), то отныне этой синхронизацией мы не можем удовлетвориться, ибо в условиях временной акселерации она будет лишь усугублять социальное опоздание образования от скорости социокультурных перемен. А сами университеты, увы, рано или поздно утратят свой флагманский для современного общества статус. И, как считают исследователи, моделей таких партикулярно-институциональных перемен может быть очень много, но все они так или иначе будут располагаться в диапазоне от принятия ad hoc малых частных инициатив и до системной интеграции глубинных перемен в содержание и методологию высшего образования [2].

В Великобритании Академия высшего образования совсем еще недавно инициировала национальную программу «Зеленая академия», целью которой было стимулирование перехода университетов к стратегии устойчивого развития на институциональном уровне. Изначально Академия подталкивала их только к программному обновлению, но вскоре стала мотивировать и к более серьезным инфраструктурным преобразованиям университетских «правил игры» и поиску новых институциональных форм. В частности, довольно быстрое распространение получили: (а) инновативные модели партнерства студенчества и преподавателей, (б) общемировая экспертиза в области транзита высшего образования во имя устойчивого развития, привлечение т.н. «критикующих экспертов», (в) исследования собственных университетских практик, (г) тесная межуниверситетская сеть интенсивного обмена опытом институциональных успехов-неудач, (д) сотрудничество с гражданско-просветительским «третьим сектором» и т.д. [2, 88]. Таким образом, Академия не только укрепила конкурентные основы в университетской среде, но и способствовала коллегиальному транзиту всей образовательной системы в сторону большей устойчивости.

Глокальный университет. Прикладная этика устойчивого университета выражена самым последовательным образом в его векторной ориентации и культурной идентичности, когда глобальная ответственность корреспондирует его миссии и целям, а локальная контекстуализация – социальной стратегии и долгосрочной политике. Такое 2-векторное понимание пространственного измерения современного бытия устойчивого университета могло сформироваться только в настоящем столетии. С одной стороны, высшее образование сегодня, как никогда ранее, становится интернациональным и по формальным, и по сущностным характеристикам, а интернет лишь усиливает эту тенденцию. Содержание и методы, логистика и сертификаты – все это и многое другое буквально калькируют друг друга. В западном ареале на случившуюся институциональную гармонизацию ушли десятилетия, а развивающиеся государства с невероятной скоростью в самые недавние времена влились в этот общий процесс конвергенции мирового высшего образования. Даже в странах с очевидным доминированием мусульманской или конфуцианской культур университеты неизменно выстраиваются по единой западной схеме, а не в соответствии со своими традициями. Сегодня поистине универсальны и программы, и институциональные модели, и инфраструктура, и даже практики успешного бизнес-менеджмента. Но все же университеты ищут нечто такое, что способно сделать их аутентич-

ными в глобальном образовательном пространстве, и они обнаруживают это в своем самом ближайшем окружении (локальный контекст).

Правда, долгий исторический путь интернационализации высшего образования, как кажется, логически еще не завершился в наступившем столетии. Ведь университеты и высшее образование по-прежнему остаются приоритетами национальной политики, а значит, они все еще находятся в зоне «национальных интересов» и вполне могут стать «объектами» государственной апроприации. И в то же время этот путь привел нашу цивилизацию к неожиданному культурному парадоксу: при всей зависимости от правительств и государств высшее образование невозможно политически ни «закапсулировать», ни ограничить в самостоятельном участии на внешних интеллектуальных рынках, ни, тем более, поставить под тотальный внутренний контроль. Разумеется, бюрократический надзор все еще процветает во многих странах и выступает реальным тормозом развития и преобразований. Но полностью ликвидировать автономию университетов, умерить их стремление к институциональной и интеллектуальной свободе, подавить желание стать конкурентоспособными и ограничить от участия в мировых университетских сетях – невозможно уже практически нигде. А главное, это – абсолютно не разумно и не нужно.

Открытость международному образовательному процессу – важное конкурентное преимущество, которое может быть измерено не только финансовыми выигрышами и потоками студентов, но и способно изменить урбанистические контексты, в которых инсталлированы современные учреждения высшего образования. Таким образом, ориентация на внешние рынки и участие в глобальном образовательном процессе сулит университетам и приютившим их городам перспективные выгоды. С другой стороны, сами университеты в своей деятельности в большей степени разворачиваются лицом в сторону локальных проблем и интересов. Особенно это характерно для тех университетов, которые выбрали стратегию устойчивого развития. Новая модель партнерства «город-университет» основана уже не на формальных связях и фригидной взаимозависимости, и даже не на ролевых переменах (университеты активнее становятся крупнейшими игроками и девелоперами в городах), а на общей заинтересованности сообществ, властей и университетов в устойчивом будущем (единая судьба). Именно в таких причудливых и весьма инновационных условиях буквально на глазах формируется и получает широкое применение новая модель глокального университета [подробнее см.: 6].

Глокальный университет – довольно непростая институциональная конструкция, которая упрощает процессы обмена между информационными потоками, символическим и интеллектуальным капиталами в современном мире. В режиме 2D она переформатирует смыслы, цели и содержание образования, традиционную систему валидации, информационную педагогику, стандарты и компетенции, логику и менеджмент университетского лидерства, исследовательские и дидактические приоритеты, как и многое другое, достигая при этом любопытного синергетического эффекта, соединяя глобальное и локальное.

Иными словами, для устойчивого университета глобализация отнюдь не страшна ни утратой собственной культурной идентичности, ни полной бизнес-переориентацией на международный образовательный процесс. Новые условия открытого мира, скорее, напротив, делают университет более гибким и глобально ответственным, но одновременно и теснее привязанным к своему локальному контексту и его устойчивому будущему.

Список литературы

1. *Costanza R., Kubiszewski I.* (Eds.) *Creating a Sustainable and Desirable Future. Insights from 45 Global Thought Leaders.* Singapore – New Jersey – London – Beijing: World Scientific, 2014.
2. *Desha Ch., Hargroves K.* *Higher Education and Sustainable Development. A Model for Curriculum Renewal.* London – New York: Routledge, 2013.
3. *Elliot J.* *An Introduction to Sustainable Development.* London – New York: Routledge, 1999.
4. *Furedi F.* *What's Happened to the University? A Sociological Exploration of its Infantilisation.* London – New York: Routledge, 2017.
5. *Gough S., Scott W.* *Higher Education and Sustainable Development.* London – New York: Routledge, 2007.
6. *Jean-Francois E.* *Building Global Education with a Local Perspective. An Introduction to Glocal Higher Education.* New York: Palgrave-Macmillan, 2015.
7. *Luke T.* *Sustainable business: a critique of corporate social responsibility policies and practices // Redclift M., Springett D.* (Eds.) *Routledge International Handbook of Sustainable Development.* London – New York: Routledge, 2015. P. 323-336.
8. *Rosa H.* *Social Acceleration. A New Theory of Modernity.* New York: Columbia University Press, 2013.

9. *Skidelsky R., Skidelsky E.* How Much is Enough? Money and the Good Life. New York: Other Press, 2012.

10. *Springett D.* Education for sustainability in the business studies curriculum: ideological struggle // Jones P., Selby D., Sterling S. (Eds.) Sustainability Education. Perspectives and Practice across Higher Education. London: Earthscan, 2009. P. 75-92.

11. *Springett D.* Education for sustainable development. Challenges of a critical pedagogy // Redclift M., Springett D. (Eds.) Routledge International Handbook of Sustainable Development. London – New York: Routledge, 2015. P. 105-119.

12. *Schultz L., Viczko M.* (Eds.) Assembling and Governing the Higher Education Institution. Democracy, Social Justice and Leadership in Global Higher Education. London: Palgrave-Macmillan, 2016.

М.В.Богданова

УДК 378.4

**Этос университета:
признак идентичности или артефакт культурной памяти?**

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть потенциал этоса университета как фактор его идентичности. Интенсивные структурные и организационные трансформации отечественного университета усиливают в его социокультурном поле ценностные конфликты, в которых обостряется рассогласование ценностей профессии Профессора (профессором здесь обозначается не только обладатель одноименного диплома, но в целом занятый научно-образовательной деятельностью профессионал) и ценностной направленности университетских преобразований. Выбор профессором ценностных ориентиров своей деятельности – либо вне, либо в границах ценностей этоса университета – определяет институциональное самоопределение университета.

Ключевые слова: этос университета, ситуация выбора, профессор, трансформации высшей школы.

***Ситуация самоопределения
отечественного университета***

Скорость обновления, трансформаций в сфере отечественного высшего образования, создает и поддерживает ситуацию, которую возможно охарактеризовать понятием *interregnum*. Смысл этого понятия – «старое уже не работает, а новое еще не народилось», – возвращенного в свое время А.Грамши в публичный дискурс, наиболее адекватно, как полагал З.Бауман, отражает состояние «текущей современности» [6]. Интенсивные структурные и организационные трансформации в сфере отечественного высшего образования усиливают в социокультурном поле университета имеющиеся конфликты и производят новые, в которых проявляется рассогласование ценностей Профессора и направленности преобразований. Однако и в условиях дигитализации профессии в деятельности профессора обнаруживаются ситуации ценностного выбора. Выбор профессором стратегии своей деятельности – ориентированной либо на ценности университетского этоса, либо на иные ценности – влечет за собой институциональное самоопределение университета. Далее мы попытаемся выделить в деятельности профессора ситуации выбора (которые обнаруживаются и в условиях, когда, казалось бы, все выборы за него сделаны университетской корпорацией-организацией) и обо-

значить влияние выбора той или иной его альтернативы на этос университета.

В академическом дискурсе об университете понятие «этос» применяется и в качестве аналитической категории, и в качестве признака университетской идентичности в период модерна. Аналитической категорией этос выступает, например, при исследовании стратегий самоопределения университетских гуманитариев [12]. В таком контексте данное понятие трактуется как «разделяемая некоторой группой совокупность обоснованных способов действия в рамках конкретного института, ... промежуточная категория между габитусом и этикой, ... как набор декларируемых норм» [12]. Обращаются к понятию «этос» и для акцентирования уже «уходящего» из системы университетских ценностей ценностно-нормативного яруса. Например, при сравнении сегодняшнего дня университета с позднесоветской системой образования, в последней выделяется наличие «исследовательского, или педагогического этоса служения-отречения-подвижничества», противостоявшего «изоляции, цензуре, идеологическому яруму, партийной кадровой политике» [11]. А среди особенностей университета наших дней подчеркивается, что в связи с его трансформациями у преподавателя из «научной экзистенциальной установки улетучиваются старорежимные остатки призвания, служения, миссии». И делается вывод: поскольку современный в целом университет «еще не придумал себя нового, то он просто отрицает себя старого и остается пока фирмой по оказанию услуг, выдающей себя за дорогую фирму по оказанию услуг.... Он является и останется университетом столько, сколько будет так называться, но и самое его имя рискует утратить всякую притягательность и всякий смысл» [11,17].

Тема этоса как система ориентиров, образующих ценностно-нормативный ярус Университета, многократно поднималась на протяжении 50-ти выпусков журнала «Ведомости прикладной этики» [5, 7,13,14,16]. В этом ряду стоит и разрабатываемая в НИИ прикладной этики социологическая концептуализация этоса. Ее основанием является, во-первых, разработанная В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым парадигма прикладной этики, в рамках которой «этос» – это «промежуточный уровень между нравами (сущим) и моралью (должным)». Он трактуется как «реально-должное, выходящее за полюсы стихийного состояния нравов, с одной стороны, строгого порядка идеально-должного – с другой» [3,4]. Такая трактовка позволяет выявить «нормативно-ценностную составляющую в профессионально локализованных социальных практиках». Во-вторых, основанием социологической концептуализации этоса является методологический

подход Г.С. Батыгина к исследованию этоса научной деятельности, в рамках которого этос трактуется как «функционально организованная система норм воспроизводства определенного “региона” – труда, искусства, религии, политики..., в том числе научного знания. Этос не выходит за рамки индивидуального выбора и индивидуальных представлений о должном, а являет собой само должное – должное в том отношении, что без соблюдения этих правил деформируется и вырождается сам “регион”»[5].

Соотнесение этической и социологической интерпретаций данного понятия явилось методологическим основанием социологической концептуализации этоса университета как взаимодействия ценностей профессии и ценностей университета в ситуации его самоопределения. Характер такого взаимодействия в каждом конкретном университете имеет уникальные особенности и это обосновывает специфику этоса конкретного университета. Однако в целом говорить об этосе *университета* представляется возможным до тех пор, пока в нем сохраняются универсальные, идентифицирующие университетские признаки. При таком подходе анализ социокультурного поля университета позволяет выявить особенности ценностных конфликтов между профессионально-нравственными ориентирами профессора и ценностными установками, которые предписываются его профессии распространенными в обществе моделями успеха, стратегиями выживания, трансформациями университетов.

Исходные положения социологической концептуализации этоса университета были сформированы автором, в том числе, и на основе эмпирического исследования «случая» самоопределения конкретного отечественного университета после получения формального университетского статуса. Следует отметить, что полученные результаты были соотносимы с результатами исследований по аналогичной проблематике в этот же период (конец XX – начало XXI вв.) и в других университетах.

Казалось бы, для отечественного университета второго десятилетия XXIв. ситуация самоопределения не является актуальной. Стратификация отечественных университетов в основном определила их статусы, задавала координаты внутривидовым трансформациям в соответствии со сформированными для них «дорожными картами», в том числе и при «переходе от “начальной универсальной

модели ведущего вуза” к учету специфики вузов-участников»¹. Уже разрабатываются задачи по выявлению возможностей университетов целенаправленно, посредством инновационной деятельности, влиять на среду регионов, в которых они расположены². Тем не менее самоопределение университета и в такой ситуации происходит через индивидуальное самоопределение профессора как основного субъекта научно-образовательной деятельности (профессором здесь обозначается не только обладатель одноименного диплома, но в целом занятый научно-образовательной деятельностью профессионал). Речь в данном случае идет не столько о социальных и интеллектуальных конфликтах, но о конфликтах и ситуациях выбора, связанных с этическими нормами и правилами воспроизводства профессии. Как представляется, такие ситуации выбора либо поддерживают потенциал этоса в качестве фактора институциональной идентичности университета, либо способствуют превращению этоса в артефакт культурной памяти.

Выбор профессора и этос университета

Из многих ситуаций выбора, обнаруживающихся в деятельности профессора, выделим две, которые по своим последствиям содержат потенциал либо развертывания этоса университета в качестве фактора его идентичности, либо трансформации этоса в артефакт культурной памяти (когда ценности университетского этоса не воспроизводятся «регионом» университета).

Первая ситуация выбора обусловлена, на наш взгляд, тенденцией ценностного перепрограммирования социокультурного поля университета³. Придание экономической функции университета значения базового системообразующего элемента его деятельности (как обеспечивающей не только адаптацию к окружающему миру, но и определяющей его цели, а также являющейся основанием солидари-

¹ См., напр.: Семинар-конференция, посвященный программам повышения конкурентоспособности в рамках «Проекта 5-100»: <https://sk.ru/opus/b/otusnews/archive/2014/04/14/ceminarkonferenciya-posvyaschenny-program-mam-povysheniya-konkurentosposobnosti-v-ramkah-proekta-5100.aspx>

² Об инициированном Министерством образования и науки приоритетном проекте «Вузы как центры пространства создания инноваций» см. [8].

³ Понятием «социокультурное поле университета» – вслед за трактовкой феномена «социокультурного поля» П.Штомпки [17] – здесь обозначается социальная реальность университета, образующаяся специфическим сплетением возникающих в нем четырех видов тканей: идей, правил, действий, интересов, которые соединяют университетских профессионалов друг с другом.

зации и стабильности в университетском сообществе) постепенно вытесняет присущую университету «функционально организованную систему норм воспроизводства этого “региона”», включающую ориентиры реально-должного⁴. Введение правил иного института в социокультурное поле университета трансформирует его идеи (пример такой трансформации – разработка «экономистской миссии университета» [15]); статусные иерархии; производит перегруппировку возможностей и интересов – в целом меняет структуру и функционирование поля университета.

Социокультурное поле университета не бывает статичным, однако направленность происходящих трансформаций задает профессору роли, в которых ценностные ориентиры профессии обнаруживают малую востребованность⁵. Возникающий в этой связи ценностный конфликт имеет преимущественно латентный характер. (В целом не планируемые для университета социальные эффекты такого рода ценностного конфликта, в том числе и возникающие в этой связи стратегии деятельности профессоров, предполагают специальное исследование⁶.) Ситуации выбора обусловлены направленностью мобилизации личностных ресурсов профессора: либо для наращивания своего инкорпорированного социального капитала и, тем самым, поддержания ориентиров этоса университета, либо для соблюдения вводимых в поле университета правил иного «региона» и достижения заданных такими правилами критериев деятельности.

Другая ситуация выбора, – содержащая, потенциал либо для развертывания этоса университета в качестве фактора институциональной идентичности, либо его трансформации в артефакт культурной памяти, – связана с коммуникативной позицией профессора в отношении студента. Ценностный конфликт здесь также обусловлен

⁴ Как известно, описанные Р.Мертоном в середине прошлого века принципы научного этоса относятся к сфере производства знания. Университет, даже если он не производит новое знание, предназначен, прежде всего, работать со знанием. В силу этого принципы научного этоса (универсализм, коммунизм, незаинтересованность, организованный скептицизм и скромность) образуют базовые ценности этоса (реально-должное) университета.

⁵ Деформирующий университет эффект такой ситуации выражен в возникновении феномена академического капитализма [см. 19], образующегося, в том числе, в результате постепенного устранения границ между университетом, государством и бизнесом.

⁶ Некоторые аспекты этой проблемы частично представлены, например, в исследовании ролевых изменений в академической профессии в условиях реформирования высшей школы в России [см. 1].

перепрограммированием социокультурного поля университета, его экономической функции в качестве базовой. В практической деятельности профессора сегодня становится актуальным выбор либо субъект-субъектной, либо субъект-объектной коммуникативной позиции во взаимодействии со студентом. Актуальность этого, казалось бы, уже решенного в педагогике вопроса находит подтверждение, в том числе в связи с изменением статусных иерархий в социокультурном поле университета. Своего рода маркером таких изменений являются происходящие с 2012 г. в официальном дискурсе об университете переименования, например, «студент» теперь именуется «обучающимся», «преподаватель» – «педагогическим работником» и т.п. Эти изменения, обоснованные официальным введением трехступенчатой структуры высшего образования [18], постепенно переформируют ценностные установки профессора в коммуникации со студентом. Как известно, «студент» переводится с латинского – «усердно работающий». Входя в поле университета, студент становится причастным идеям поля, таким, например, как принцип академической свободы, открытость и т.п.; в некотором смысле он отвечает за поддержание социокультурного поля университета. Выбирая субъект-субъектный характер коммуникации, профессор делегирует студенту, как представляется, и часть ответственности за поддержание этого поля; таким образом происходит постепенный переход студента в позицию взрослого⁷. (Данный аспект является также элементом этоса *университета*.) Ситуация выбора и здесь предусматривает выбор профессором одной из нравственно конфликтующих ценностей [2]. Мобилизовать личностные ресурсы либо на поддержание ориентиров реально-должного в научно-образовательной деятельности университета, либо на исполнение вводимых в его социокультурное поле правил, существенно отличающихся от ориентиров этоса, но способствующих сохранению формальных позиций в поле университета.

В целом ситуаций выбора в деятельности профессора (которые по своим последствиям или содержат потенциал развертывания этоса университета в качестве фактора его идентичности, или его трансформации в артефакт культурной памяти) сегодня обнаружива-

⁷ Здесь уместно привести цитату из статьи А.А. Гусейнова, характеризующую один из элементов этоса университета: «Студент – не школьник. И профессор – не учитель, от последнего профессор отличается тем, что общается со студентами в рамках своей профессиональной компетенции.... Профессор стоит выше студента только в одном-единственном аспекте – в знании своего предмета. За этими пределами их отношения, в том числе и в рамках университета, являются отношениями коллег» [9, 16].

ется значительно больше. В конце XX – первом десятилетии XXI вв. такие ситуации выбора были обусловлены преимущественно конфликтом ценностных ориентиров, поддерживаемых социокультурным полем университета и распространенных в обществе ценностных образцов успеха, высокого статуса. Во втором десятилетии XXI в. конфликтующие ценности, обуславливающие ситуацию выбора для профессора, обнаруживаются в социокультурном поле университета преимущественно в связи с выбором направленности мобилизации личностных ресурсов профессора.

Последствия выбора, который делает профессор в ситуации конфликтующих ценностей, определяют идентичность университета. Этнос университета обновляется: информационные технологии, глобализация образования трансформируют и облик университета, и характер научно-образовательной деятельности, однако культурный код университета – его этнос – воспроизводится через профессию профессора. Трансформация ценностно-нормативного яруса данной профессии в процессе преобразований отечественной высшей школы создает риск «сбивания» культурного кода университета – и как следствие – может привести к утрате идентичности университета, являющейся элементом его устойчивости. В целом невнимание к такого рода рискам создает в обществе ситуацию, которую можно охарактеризовать словами Г. Люббе: «При растущей скорости обновления, с одной стороны, и остающимся постоянным сроком жизни — с другой, расходы, связанные с перенастройкой на новое, превышают выгоду, которую могло бы действительно принести новое, заменив испытанное старое» [10].

Социологическая концептуализация этноса университета представляет собой методологический подход для исследования социальных последствий трансформации отечественного университета, в том числе через выявление и описание ценностных конфликтов в социокультурном поле университета.

Список литературы

1. *Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.В.* Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017, № 1. С. 88-111.
2. *Бакштановский В.И.* Моральный выбор личности: альтернативы и решения. М.: Политиздат, 1983.
3. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику / Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ. 2006.

4. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Эмос // Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 600.
5. *Батыгин Г.С.* Эмос науки // Этика науки. Ведомости. Вып. 18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. С. 39-61.
6. *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года / Полит.ру; Лекции // официальный сайт Полит.ру. 2011. [электронный ресурс]. Дата обращения 15.04.2017. URL: <<http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>>
7. *Богданова М.В.* Эмос становящегося университета: от социокультурных идей к анализу случая // Этика образования. Ведомости. Вып. 26. / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005. С. 202-213.
8. «Вузы как центры пространства создания инноваций» / Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации 2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 07.04.2017. URL: <<http://government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57y1WG1EtMG9ABe.pdf>>
9. *Гусейнов А.А.* Этика профессора, или исповедь на заданную тему // Новое самоопределение университета. Ведомости. Вып. 33 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. С. 11-23.
10. *Люббе Г.* В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
11. *Маяцкий М.* Университет называется // Логос. № 1, 2013. С. 4-17 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.04.17. URL: <http://www.logosjournal.ru/arch/58/91_1.pdf>
12. *Немцов М.* Университетские гуманитарии современной России. Расширенный и дополненный текст доклада на Всероссийской конференции «Гуманитарные науки: советская травма в постсоветскую эпоху» в НИУ ВШЭ 17 мая 2013 года. [электронный ресурс]. Дата обращения 15.04.2017. URL: <<http://gefter.ru/archive/9071>>
13. *Перов В.Ю.* В поисках академического этоса // Университетская этика: актуальная повестка дня. Ведомости прикладной этики. Вып. 47 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. С. 116-127.
14. *Скворцов А.А.* Этика современного профессора: ценностные ориентиры // Этика профессора: "вне-алиби-бытие". Ведомости. Вып. 39. / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. С. 141-154.

15. *Согомонов А.Ю.* «Устойчивый университет» (миссия, смыслы, программы, кейсы) // Успешный профессор» vs «Честный профессор»? Ведомости прикладной этики. Вып. 49 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 151-170.

16. *Тульчинский Г.Л.* Элиминация университетского этоса: преподавание как прекарный труд // Университетская этика: актуальная повестка дня. Ведомости прикладной этики. Вып. 47 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. С. 76-83.

17. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер, с англ., под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.

18. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»/ Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 10.04.2017. URL: <<https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>>

19. *Slaughter S., Leslie L.* Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

Е.Н. Викторук, Ю.Н. Москвич

УДК 177

Мотивации успеха студентов сегодня: ставка на внутренние ресурсы

Аннотация. В статье рассматривается пространство университета как поле приложения сил прикладной этики. Проведен анализ изменений характеристик этики успеха в современном обществе. Рассмотрены факторы влияния на ценностные установки молодого поколения и их отличия от более старших поколений. Представлены результаты исследования ценностей, мотивов успеха и их иерархии у студентов вузов г. Красноярска. Установлено наличие у студентов небольшого числа преобладающих мотиваций достижений успеха, связанных с внутренними ценностными установками, такими как дело по душе, удачное достижение желаемой цели, самореализация и удовлетворенность собой. Проводится детальный анализ обнаруженного приоритета внутренних личностных мотиваций успеха и соответствия его современным тенденциям модернизации российского социума и образования.

Ключевые слова: современное образование, модернизация, ценности и мотивации достижения успеха, внутренний и внешний успех, этические проблемы успеха, психология и социология успеха, глобальные вызовы.

Введение

Одним из реальных вкладов НИИ прикладной этики ТИУ в исследование современных этических проблем является анализ меняющегося этоса университета и вопросов, связанных с этическими аспектами современного образования [4, 7, 22]. Прикладная этика в настоящее время охватывает целый ряд форматов – от проектной работы до экспертных оценок и прогнозов. Это разнообразие подходов, отраженное в публикациях «Ведомостей прикладной этики» на протяжении более двадцати лет, по-своему уникально и плодотворно. Они не только отражают основные тренды развития прикладной этики в России и в мире, но и задают новые горизонты, формируют новые инструменты исследования, вырабатывают новые видения, опираясь на выявленные «зародыши будущего» в настоящем и прошлом.

Мир последних десятилетий невероятно полон изменениями. Они являются естественными порождениями успешного марша на-

учных достижений, формирующих новый мир технологий, продуктов и услуг вокруг нас. Известный исследователь Р. Кроуфорд еще в начале 90-х годов прошлого века пророчески сформулировал новую роль знаний и технологий в судьбе мира: «...новое знание приводит к возникновению новой технологии, что, в свою очередь, приводит к экономическим изменениям, что, в свою очередь, приводит к социальным политическим изменениям, что, в итоге, приводит к созданию новой парадигмы или нового видения мира» [1]. Эту мысль можно продолжить: «что, в свою очередь, приводит к изменению ценностей правил поведения всех людей, живущих в этом новом изменившемся мире». Эти изменения требуют во многом иного взгляда на современные этические практики.

Мир «параллельных этических норм» становится более разнообразным. В него буквально врываются новые поколения, выросшие в ином информационном и коммуникационном пространстве, чем все предшествующие. Подтверждение этому – недавние качественные исследования жизни современных молодых людей от 5 до 15 лет, в результате которых выявлены 30 отчетливых отличий от взрослых: в обработке информации, отношении с родителями, самовосприятии, установках и ценностях, фрустрациях и страхах, ожиданиях от будущего [10]. Многолетний мониторинг эволюции духовной культуры выпускников КГПУ им. В.П. Астафьева также показывает радикальные изменения в восприятии студентами окружающей среды. Доля выпускников этого университета, «с уверенностью и оптимизмом смотрящих в завтрашний день», неуклонно росла последние 20 лет: в 1993 году их было всего 25%, в 1997-м – 32%, в 2000 году 42%, а в 2011-м уже составило почти две трети (64%) [9]. В исследованиях разных видов оптимизма у представителей различных возрастных групп путем сравнительного анализа также выявлен достаточно высокий уровень оптимизма в жизни российской молодежи, существенным образом сказывающийся на её поведении [20].

Проведенное нами исследование установки на достижение успеха у студенческой молодежи в этой связи очень своевременно и представляет собой практически синтез основных прежних «технических заданий», которые нам предлагали в проектах предыдущих лет ответственные редакторы «Ведомостей прикладной этики»: этика успеха, инженерная этика, образовательный этос в новых условиях и для новой адресной группы.

Новый подход к этике успеха студентов

Исследование по «заданной теме» – будь то инженерная этика, парадигмы прикладной этики, этика успеха – приобретает характер

не только возможности «высказаться о наболевшем», но и отправной точки для исследований в определенном направлении. Так, тема этики успеха, заданная авторами проекта еще в 90-е годы прошлого века [23], была актуализирована в недавних выпусках «Ведомостей» как успех университетского администратора, успешного / честного профессора [14, 22] и др. Исследования образовательного этоса в этой связи реализуются как своего рода «успехологический дискурс» и как дискурс педагогического успеха. В этом случае предполагается, что наблюдающиеся заметные изменения условий жизни трансформирующегося общества, вследствие значительной «жесткости» усвоенных ценностных установок «взрослых поколений», оказывают незначительный эффект на переструктуризацию личностью своих базовых смысложизненных и достижительных установок.

Ситуация с новым – иным – «молодым поколением» студенчества требует более внимательного подхода. Следует понять, каким образом иное «проживание в мире» этих молодых людей меняет их мотивации к успеху как в учебе, так и в жизни? является ли это поколение целостным или существенно расколотым? На наш взгляд, ответ на эти вопросы может дать комплексный подход: когда философский, социологический, психологический, управленческий подходы дополняют друг друга. Исходя из этого была предпринята попытка применить психологический подход для выявления предполагаемой «смены парадигмы успеха» у нового поколения студентов. Исследования реального ценностного мировосприятия различных групп населения интересны не только с научной точки зрения. Они становятся крайне необходимыми как для понимания готовности населения России к работе и жизни в обществе Нового времени, так и к осознанной корректировке образовательных программ обучения, формированию новых сред учебных практик, проектной и исследовательской деятельности студентов и их адаптации к новым вызовам и к новым требованиям взрослой жизни.

Ранее нами проводились исследования готовности студентов Красноярска к инновационной предпринимательской деятельности [6], восприятия ими ценностей прогрессивного развития [15], зафиксировавших заметную смену ценностных установок. В данной работе проводится исследование мотиваций достижения успеха у студентов нескольких университетов Красноярска. Методика и результаты этого экспериментального исследования опубликованы в [8].

Грани успеха вчера и сегодня

Смена «парадигмы успеха» отмечается в последнее время исследователями различных областей социально-гуманитарного зна-

ния (менеджмент, социология, психология, социальная философия, этика). Эта смена выражается прежде всего в смещении содержательных и смысловых акцентов в трактовке концепта успеха как особой формы мотивации достижения, уходящей корнями в американскую деловую культуру. Культурологи, этики, менеджеры активно используют модель кросс-культурной деловой коммуникации, разработанную Р.Льюисом [11], который делит все мировые культуры на три большие группы: моноактивные, полиактивные и реактивные. Каждой из названных культур соответствуют и три различные по наполнению модели успеха. При этом успех как «достижительная» мотивация соответствует моноактивной культуре, образом которой является американская бизнес-культура. Так исторически сложилось, что «именно Америка культивировала и произвела на свет концепт успеха, успешного человека, и именно «американскими стандартами» определяются достижения индивида» вне зависимости от принадлежности к той или иной культуре или нации [12]. В США «успех» прошел множество стадий культурно-исторической эволюции, став сильной и функциональной национальной идеей, естественной частью «американской мечты» [2]. Но и здесь происходит трансформация парадигмы успеха: смещение «точки опоры» развития личности с внутренних оснований на внешние. Это «переворачивание» схемы адаптации: социальное самоутверждение становится решающим фактором в формировании человека.

Общеизвестна классификация ценностных ориентаций Ф.Тромпенаарса, продолжившего наработки Т.Парсонса. Анализируются две «культуры успеха» – культура достижений и культура принадлежности [21]. Для нашего исследования эта классификация важна тем, что коррелирует с выделяемыми в психологии типами мотивации на внутренний (интериоризированный) и внешний (экстериоризированный) успех. Культура достижений характеризуется тем, что статус члена общества определяется успешностью выполнения им своих функций, здесь высока значимость новаторства, предприимчивости и т.п. В культуре принадлежности статус определяется причастностью человека к той или иной группе по кровно-родственному или профессиональному признаку, здесь значимы факторы связей, «лояльности организации» и срока работы в ней. К культурам достижений относятся Австрия, США, Великобритания, Швейцария, Мексика, Германия. Лидерами в низких значениях этого индекса находятся Венесуэла, Индонезия, Чили, страны СНГ. Здесь еще раз подчеркивается, что различные парадигмы успеха, присущие отдельным индивидам, большим (страны, нации) и малым (организационные, деловые) культурам, находятся в постоянной динамике.

«Успех» как ценность (его параметры, пути достижения) обсуждается не только в научной, но и в популярной литературе, в прикладных исследованиях, в ходе учебных семинаров и консультационных практикумов. Тема успеха приобретает новое звучание благодаря всевозможным движениям, ориентированным на самосовершенствование личности в деловой, профессиональной и личной сферах. Серьезной критике идея успеха подвергается в дискуссиях о современном российском обществе [15]. Противоречивость тенденций понимания и практической реализации различных моделей успеха с особой остротой ставит вопрос об этике успеха и этической безопасности идеи успеха [4]. Многие исследователи [18] связывают сущность этики успеха с ориентацией на нравственно-позитивную ценность успеха, подтверждаемую как общественным признанием потребности личности в уважении, чести, славе, так и удовлетворенностью «победителя» результатами собственной самореализации. Помимо этого, этика успеха с необходимостью предполагает риск в сфере морального выбора [3]. Субъекта с сильной мотивацией успеха характеризует поиск и создание ситуаций, в которых можно получить удовлетворение от достижений. Успешные (в полном смысле слова) люди сами устанавливают для себя стандарты достижения, не полагаясь на внешние, в том числе ситуативные, стимулы и ориентируются на эти стандарты. Общество, где набирается «критическая масса» людей с такими качествами, начинает изменяться. Настоящий успех – дело личного выбора и ответственности. Это позволяет понять направление изменения парадигмы успеха в модернизирующемся российском социуме. Хотя и остаются вопросы: насколько в меняющихся представлениях об успешном (состоявшемся) человеке важен социально-публичный план? а в какой мере более важными становятся достижения, связанные с самовоспитанием и саморазвитием? Формирование этики успеха становится актуальной задачей российского образования, от школьного до университетского.

Методика опроса

В опросе использовалась методика психологической диагностики мотиваций достижения успеха студентов, разработанная С.А. Пакулиной [17]. В ней определены девять ключевых категорий успеха, характерных для студентов университетов: успех – материальный уровень; успех-удача; успех-признание; успех-власть; успех как результат, личный успех; успех – психическое состояние; успех-преодоление; успех-призвание. Их анализ позволяет выявить предпочтение студентов внешнему (экстериоризированному) успеху, т.е. успеху, направленному на внешнюю, предметную сферу, или внутреннему

(интериоризированному) успеху, успеху затратной внутренней деятельности человека.

Анкета опроса представляет собой список из 36 вопросов, определяющих предпочтения студентов каждой – из девяти – категории успеха входящей в методику [18]. Каждому респонденту предлагалось оценить эти 36 выделенных значений понятия «успех для меня – это...» в ключевых областях своей жизни, связав их со смыслом достижений и успешных результатов в его поведении. Каждое суждение следовало оценить в пределах от 1 до 5 баллов, обозначив значимость сделанного выбора в соответствующей графе анкеты в следующих оценках: 5 баллов – очень значимо; 3-4 балла – значимо; 1-2 балла – незначимо.

Опрос проводился в декабре 2016 – январе 2017 года в нескольких университетах г. Красноярска. Всего был опрошен 301 человек, из них 217 девушек и 84 юношей, обучающихся гуманитарным специальностям. Основную часть опрошенных составляли бакалавры и магистры Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (178 студентов), Сибирского государственного технологического университета (89 студентов, обучающихся психологии, социальной работе, управлению персоналом), Сибирского федерального университета (29 студентов культурологов, рекламы и связи с общественностью) и Красноярского государственного медицинского университета (5 студентов).

Результаты и обсуждения

Среди результатов опроса, исходя из задач данной статьи, обратимся к предпочитаемым студентами значениям феномена успеха и видам мотиваций на успех.

Как показывают результаты, наиболее часто студенты выделяли в качестве высоко значимых такие понятия успеха, как: «дело по душе», «удачное достижение желаемой цели», «самореализация», «удовлетворенность в любви и здоровье», «самоуважение, удовлетворенность собой».

Как наименее значимые выделялись такие понятия успеха, как «возможности принимать решения за других», «возможности командовать людьми», «возможности власти, влияния на других» (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение суммарных значений ответов
о значении понятия «успех» в целом по всей выборке опроса
и отдельно для студентов юношей и девушек, в баллах от 1 до 5

№ п/ п	Вопрос	Среднее		
		по всей группе	юноши	девушки
1	Переживание удовлетворения, радости	3,97	3,93	3,99
2	Устойчивая позиция личности в конкретной ситуации	4,08	4,07	4,08
3	Удачное достижение желаемой цели*	4,60	4,60	4,60
4	Материальное благополучие	3,93	3,99	3,90
5	Реализация возможности делать что хочешь	3,97	3,89	4,00
6	Власть, влияние на других	2,68	2,85	2,62
7	Самоутверждение	3,70	3,49	3,79
8	Умение выделиться в обществе	3,09	3,08	3,09
9	Душевное равновесие, эмоциональная стабильность	4,26	4,08	4,33
10	Возможность полнее проявить себя, свои способности	4,14	4,23	4,11
11	Самоуважение, удовлетворенность собой	4,41	4,24	4,47
12	Положительный результат в учебе, работе	4,20	4,26	4,17
13	Благоприятное стечение обстоятельств	3,53	3,74	3,45
14	Возможность командовать людьми	2,42	2,64	2,33
15	Общественное признание, одобрение	3,43	3,46	3,41
16	Хорошее самочувствие, настроение	4,21	4,25	4,20
17	Возможность поехать по миру	4,02	3,89	4,06
18	Уверенность в безопасности	3,82	3,67	3,88
19	Проявление себя в творчестве	3,66	3,45	3,75
20	Личное благосостояние	4,13	4,04	4,16
21	Источник внутренних сил человека	4,02	3,82	4,09
22	Профессионализм, мастерство	4,34	4,36	4,34
23	Везение в большинстве случаев	3,42	3,45	3,40
24	Признание Вашего авторитета окружающими	3,32	3,33	3,31
25	Высокий социальный статус	3,42	3,54	3,38
26	Самореализация	4,46	4,32	4,51

Оконч. табл. 1

27	Удовлетворенность в любви и здоровье	4,42	4,30	4,46
28	Служение высшей идее	3,24	3,31	3,21
29	Свое дело в предпринимательстве	3,17	3,38	3,09
30	Осуществление ожидаемого результата	4,32	4,39	4,29
31	Возможность попасть в нужное окружение	3,71	3,79	3,68
32	Ощущение положительного эмоционального подъема	4,21	3,99	4,29
33	Популярность, значимость для других	3,09	3,11	3,08
34	Самостоятельность, независимость, свобода действий	4,29	4,19	4,32
35	Возможность принимать решения за других	2,34	2,55	2,25
36	Дело по душе, интересная работа	4,69	4,70	4,69

* Жирным шрифтом в таблице выделены крайние позиции с наибольшей и наименьшей частотностью упоминаний.

На основании показателей таблицы 1 выявлено заметное (более 5%) гендерное различие ответов юношей и девушек. Оно наблюдается почти в половине значений мотиваций успеха (в 16 из 36). Юноши в большей степени, чем девушки, относят к значимым для успеха «Возможность командовать другими людьми» (3,74 и 3,45); «Возможность принимать решения за других» (2,55 и 2,25); иметь «Свое дело в предпринимательстве» (3,38 и 3,09) и «Власть, влияние на других» (2,85 и 2,62); «Благоприятное стечение обстоятельств» (3,74 и 3,45 – соответственно). Девушки в свою очередь в большей степени, чем юноши, считают значимыми для успеха «Душевное равновесие, эмоциональную стабильность» (4,33 и 4,08); «Уверенность в безопасности» (3,88 и 3,67); «Самореализацию» (4,51 и 4,32); «Самоутверждение» (3,79 и 2,85) и «Проявление в творчестве» (3,75 и 3,45 – соответственно).

В целом же эти различия невелики (не более 10%), они касаются всего нескольких видов успеха, что указывает на наличие единых доминирующих мотивационных установок на успех для всех опрошенных студентов.

Итоговые показатели оценки значимости мотиваций успеха представлены в таблице 2. В соответствии с используемой в исследовании методикой диагностики мотивации успеха студентов, 36 его мотиваций подразделяются на 9 групп разного вида.

Таблица 2
 Распределение оценок значимости по видам мотивации успеха
 всеми участниками опроса, %

№ во- проса	Количество оценок				
	1	2	3	4	5
1	1,99	3,65	24,58	34,55	35,22
2	1,00	3,32	20,27	37,87	37,54
3	0,33	0,33	4,65	28,24	66,45
4	1,00	5,32	21,93	43,52	28,24
5	2,99	7,97	19,93	27,24	41,86
6	15,61	28,57	32,23	18,94	4,65
7	4,32	7,97	27,91	32,56	27,24
8	7,64	22,59	32,89	26,91	9,97
9	1,66	4,65	9,97	33,55	50,17
10	0,66	2,66	15,61	44,19	36,88
11	1,33	2,66	9,63	26,58	59,80
12	1,00	4,98	13,29	34,88	45,85
13	4,65	12,62	28,90	32,89	20,93
14	23,92	33,22	23,92	15,28	3,65
15	5,32	12,96	32,23	32,89	16,61
16	2,66	3,65	10,96	35,22	47,51
17	3,65	8,31	14,29	30,23	43,52
18	4,65	7,31	21,93	33,22	32,89
19	5,98	10,63	24,25	29,24	29,90
20	0,33	3,32	19,27	37,54	39,53
21	1,99	4,32	19,60	38,21	35,88
22	1,66	1,00	9,63	36,88	50,83
23	6,98	13,29	31,56	27,57	20,60
24	5,32	15,28	36,54	28,24	14,62
25	4,65	15,28	30,23	32,89	16,94
26	1,00	0,66	7,97	32,56	57,81
27	1,66	2,66	7,64	28,57	59,47
28	8,31	16,61	30,56	32,23	12,29
29	12,29	17,61	28,90	22,92	18,27
30	1,00	1,66	11,96	35,22	50,17
31	2,99	8,31	28,57	34,88	25,25
32	0,66	2,66	15,61	37,54	43,52
33	5,65	23,59	36,54	24,58	9,63
34	1,33	2,66	13,62	30,90	51,50
35	24,58	33,89	28,24	9,97	3,32
36	0,66	0,66	4,32	17,28	77,08

Внешнюю мотивацию достижения успеха (экстериоризированный успех) составляют четыре вида успеха.

1. Успех-удача, или везение по основанию «созревание во времени», определяет неустойчивый, ситуативный результат деятельности (высказывания анкеты 3, 13, 23, 31).

2. Успех как материальный уровень жизни представляет собой ценность материального продукта деятельности, внешнее результативное достижение, определяющее удовлетворение второго уровня потребностей по А. Маслоу (высказывания анкеты 4, 17, 20, 29).

3. Социальное подкрепление составляет успех-признание, который определяет популярность личности в социальном окружении, одобрение авторитетными «значимыми другими» (высказывания анкеты 8, 15, 25, 33).

4. Успех-власть выступает как потребность доминирования над другими, желание субъекта контролировать социальное окружение (высказывания анкеты 6, 14, 24, 35).

Внутреннюю мотивацию достижения успеха (интериоризированный успех) составляют пять видов успеха.

1. Успех как результат собственной деятельности представляет собой ориентацию на достижение результата (высказывания анкеты 5, 12, 22, 30).

2. Личный успех характеризуется высоким уровнем притязаний, самоуважением, стремлением к познанию и актуализации своих возможностей (высказывания анкеты 11, 18, 26, 27).

3. Успех как психическое состояние характеризуется положительным эмоциональным подъемом, переживанием чувства удовлетворенности, заключается в усилении и поддержке исходного побуждения к цели и обладает закрепляющим действием, на базе которого формируются более сильные мотивы деятельности (высказывания анкеты 1, 9, 16, 32).

4. Успех как преодоление препятствий выражается в поисковых действиях в зоне нереально возможного успеха и обеспечивает настойчивость в преодолении возникающих трудностей в учении и адаптации (высказывания анкеты 2, 7, 21, 34).

5. Успех-призвание предполагает рефлексивную оценку значимости не только результата, а прежде всего самой деятельности, поведения и растворения себя в профессиональном деле, составляет потенциал личности. Человек, воспринимающий карьеру как призвание, сосредоточен на целях, задачах и усилиях необходимых для их достижения. Такая концентрация усилий приводит к достижению желаемых результатов (объективному успеху), за которым следует удовлетворенность собственной деятельностью – субъективный успех (высказывания анкеты 10, 19, 28, 36).

Распределение оценок значимости мотиваций успеха по группам внутреннего и внешнего успеха показывает, что наибольшее число наиболее значимых оценок отдано группам внутреннего успеха (см. табл. 3).

Таблица 3

Итоговое распределение оценок значимости по группам успеха всеми участниками опроса (в процентах)

Ключ. категории мотивации достижения успеха	Количество оценок				
	1	2	3	4	5
Экстериоризация успеха					
1. Успех-удача	3,74	8,64	23,42	30,90	33,31
2. Успех как материальный уровень жизни	4,32	8,64	21,10	33,55	32,39
3. Успех-признание	5,81	18,60	32,97	29,32	13,29
4. Успех-власть	17,36	27,74	30,23	18,11	6,56
Интериоризация успеха					
5. Успех как результат собственной деятельности	1,66	3,90	13,70	33,55	47,18
6. Личный успех	2,16	3,32	11,79	30,23	52,49
7. Успех как психическое состояние	1,74	3,65	15,28	35,22	44,10
8. Успех как преодоление препятствий	2,16	4,57	20,35	34,88	38,04
9. Успех-признание	3,90	7,64	18,69	30,73	39,04

Таким образом, проведенные исследования показывают, что для подавляющего числа принявших участие в опросе студентов г. Красноярска внешние мотивы достижения успеха вторичны по сравнению с внутренними мотивациями успеха. Именно они составляют основу личностных ценностных установок студентов в настоящее время. Приоритетными пространствами мотивации достижения успеха для них являются пространства саморазвития, самоконтроля и самоопределения: «успех как результат собственной деятельности», «личный успех», «успех как психическое состояние», «успех как преодоление препятствий» и «успех-признание».

Более детальный анализ данных таблицы 3, проведенный с использованием теории локус-контроля [19], показывает, что преобладающей мотивационной тенденцией у респондентов проведенного нами опроса является внутренний (интериоризированный) успех. Он является локус-контролем подавляющего числа опрошенных (94,01 %, 283 человека из 301 опрошенного, 78 юношей и 218 девушек). Внешний (экстериоризированный) успех значим всего для 18 респондентов (для 5 юношей и 13 девушек) [8].

Новая парадигма успеха очень близка к образу «успешного человека» в «обществе риска» [5] и «инновационных обществах» XXI века [16], постоянно формирующих новые вызовы и проблемы. Очевидно, что наиболее адаптивными к этим изменениям будут, прежде всего, люди с сильными внутренними мотивациями преодоления возникающих трудностей, конфликтов и кризисных ситуаций. Отмеченная выше внутренняя мотивация достижения успеха является частью нового востребованного человеческого капитала. Появление в университетах новых содержательных внутренних мотиваций на желаемое достижение успеха «сейчас и здесь» делает среду обучения в принципе более оптимистичной, однако возможны также и обострения, столкновения и даже неизбежные конфликты между представителями различных возрастных и этнических групп студентов и преподавателей, механизмами разрешения которых могут быть как обновленные образовательные программы, так и расширение пространства коммуникации и совместная работа в разновозрастных исследовательских и образовательных проектных группах.

Исследование смены «парадигмы успеха», по указанной методике, у студентов Красноярска в настоящее время находится в стадии завершения: опрошен 591 человек. Задача этого этапа выявить различия установок на успех у студентов гуманитарных и инженерно-технических специальностей (315 и 276 опрошенных соответственно). Полученные данные показывают, что принципиальных различий в понимании успеха в этих группах не обнаружено, что указывает на наличие у современных студентов общей мотивационной установки – установки на приоритет собственных внутренних ресурсов в достижении успеха со всеми вытекающими из этого поведенческими и этическими последствиями.

Список литературы

1. *Crawford P.* In the era of Human capital: The Emergence of Talent, Intellegence, and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What it means to Managers and Investors. New York: Harper Bussiness, 1991.

2. Анатомия американской мечты. URL: http://art.thelib.ru/science/unusual/misc/anatomiya_amerikanskoj_mechti.html.
3. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Чурилов В.А.* Этика успеха. Введение в доктрину. Спецкурс // Издание центра прикладной этики. Тюмень-Москва. 1996.
4. Возвращение этики успеха? Ведомости прикладной этики. Вып. 48 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень : НИИ ПЭ, 2016. –246 с.
5. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
6. *Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н.* Культурные и ментальные запросы инновационного развития и ценности студенческой молодежи. Человек: образ и сущность. 2012. С. 122-139.
7. *Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н.* Этика меняющихся университетов: новые граничные условия успеха // Возвращение этики успеха? Ведомости прикладной этики. Вып. 48 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. – 246 с.
8. *Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н., Довыденко Л.В., Ардюкова О.С.* Смена парадигмы успеха ценностей студентов Красноярска. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. Ч. 1. С.795-801.
9. *Гендин А.М., Пинаев В.А., Сергеев В.А.* Десять лет спустя: эволюция духовной культуры выпускников педагогического вуза (по материалам мониторинга): монография. Научн. ред. О.А. Карлова. Красноярск. гос. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2013. – 248 с.
10. Исследования Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. URL:<https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml>.
11. *Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. М., 2001. – 448 с.
12. *Михайлова О.В.* Экспликация понятия «успех» в американском культурно-историческом контексте// URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_11520380_18682992.pdf.
13. *Мишаткина Т.В., Бороздина Г.В.* Этика делового общения / Уч.-метод. пособие. Минск: БГЭУ, кафедра психологии и педагогики, 2005. – 18 с.
14. *Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н.* Как трудно быть профессором эпохи перемен. Конкуренция этических стратегий успеха. // «Успешный профессор» VS «Честный профессор»? Ведомости прикладной этики. Вып. 49 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 41-56.

15. *Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н.* Ценности инновационной деятельности для студентов, экспертов и предпринимателей Красноярска: желаемый идеал, надежды и реальность. Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т.4. №11. С.1507-1525.
16. Образование для инновационных обществ в XXI веке. Саммит «Группы восьми» (Санкт-Петербург, 16 июля 2006 года). Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. 2006. № 9. С. 3–12.
17. *Пакулина С.А.* Адаптивные способности студентов педагогического вуза: структура, факторы и средства развития. М.: Изд-во СГУ, 2008. – 201с.
18. *Пакулина С.А.* Психологическая диагностика мотивации достижения успеха студентов в вузе. URL: http://lib.herzen.spb.ru/text/pakulina_12_88_23_32.pdf
19. *Роттер Джулиан.* Теория социального научения. URL: <http://psylib.org.ua/books/hjelz01/txt21.htm>
20. *Темницкий А. Л.* Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. №4. С. 19-35. DOI: <https://doi.org/10.19181/sn-sp.2016.4.4.4760>
21. *Тромпенаарс Ф., Хэлден-Тернер Ч.* Четыре типа корпоративной культуры. Минск: Попурри, 2012.
22. «Успешный профессор» VS «Честный профессор»? // Вестник прикладной этики. Вып. 49 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. – 230 с.
23. Российская идея успеха: экспертиза и консультация // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР / Под ред. В.И.Бакштановского и В.А.Чурилова. Вып. 11. Тюмень-Москва: Издание Центра прикладной этики и Финансово-инвестиционной корпорации «Югра», 1997. – 272 с.

Ю.В. Казаков

УДК 179.1

**Набережная неисцелимых и время неисправимых.
О скелетах в шкафах – и не наступающей моде**

Аннотация. В статье анализируются предпосылки, начало (90-е годы XX в.) и современная ситуация профессионально-этической институционализации отечественной журналистики. Рассматриваются два типа журналистики с точки зрения миссии профессии: старый (советский) и молодое поколение журналистов 1990-х гг. Обращаясь к опыту проектной деятельности по культивированию профессионально-этических ориентиров профессии, автор показывает противоречие: с одной стороны, признание журналистами значимости профессионально-этических ориентиров, с другой – их прагматические установки в практической деятельности, не связанные с этикой профессии. Взвешивается потенциал документа «Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу», определяющего основные стандарты журналистской профессии, на которые опирается Коллегия при рассмотрении жалоб.

Ключевые слова: прикладная этика, саморегулирование профессии, медиаэтический стандарт, профессионально-этическая институционализация, коллегия по жалобам на прессу.

1

Чтобы не передержать интригу со связкой слов в заголовке статьи, восходящих, конечно же, к Иосифу Бродскому: «*Неисцелимый*», который будет порой возникать в этом тексте (увы, уже в единственном числе), это *Владимир Иосифович Бакштановский*, он же *ВИБ*. Были времена, когда их, *неисцелимых*, было двое на каждую обложку новой книги. В переписках наших они значились как *ВИБ* и *ЮВС* (*Юрий Ваганович Согомонов*), но поставленные в ряд фамилии прочитывались как название фирмы: «Бакштановский и Согомонов».

«*Неизлечимых*», продолжающих верить в то, что прикладная этика если и не спасёт мир, то существенно повлияет на занятых своим делом профессионалов, не так много (тут счёт на десятки, на сотни максимум, мне думается), но пока ещё достаточно: и вокруг В.И.Бакштановского, и на почтительном (но ведь с поворотом голов в его сторону) расстоянии.

Ну, а «*неисправимых*», привычно бытующих в своих рабочих пространствах, живя от них, но обходясь без моральной рефлексии на тему «служения», тьмы и тьмы. И живут эти тьмы в потьмах нима-

ло не беспокоясь о том, что уже разминутись или ещё разминутся с поисковиком «НИИ прикладной этики (НИИ ПЭ)», неспешно поспешающим в очередную «за далью даль».

Я не о поисковике, однако, и даже не о его капитане. Я – о конкретных *моих неисправимых*: тех, что с уверенностью умельцев-ремесленников гонят строчки, дробящие души, и выбрасывают в эфир сюжеты, подрывающие веру в человека. Называя себя журналистами и профессионалами, *неисправимые* эти в большинстве своём не подозревают, что дело, которым они занимаются, когда-то было отнесено двумя *неисцелимыми* к «высоким профессиям». Может быть, и к лучшему, что не подозревают?

Давным-давно оставив отовсюду заметную, но плохо размеченную *территорию неисправимых*, и так и не перебравшись (по счастью) на *набережную неисцелимых-неизлечимых*, я последние два десятка лет занимаюсь странной, не очень серьёзной, по мнению одних, вовсе бессмысленной, по мнению других, но достаточно нервной работой, связанной с попыткой установить правоту или неправоту представлений гражданина, задетого публикацией, о той категории информационных споров, за которыми узнаётся или угадывается сбой профессиональной этики журналиста. Семь последних лет я исполняю роль «играющего тренера» *Общественной коллегии по жалобам на прессу*: двухпалатного российского органа само- и регулирования в сфере массовой информации. Откликаясь на очередную жалобу гражданина или организации, пытаюсь вместе с коллегами навести мосты между самым задетым, *территорией* СМИ, живущей своей жизнью, – и достаточно условной в данном случае *набережной*: неизменно оглядываясь, хотя бы внутренне, на Тюмень, на НИИ ПЭ. А вдруг там собираются повторить известную вылазку на *территорию неисправимых* конца 90-х?

Поскольку вступление затянулось, но ещё не закончилось: помните, чем именно начинается выход на *Fondamenta degli incurabili* в эссе «Набережная неисцелимых» Иосифа Бродского [1]? «Однажды днём, в ноябре 1977 года в гостиницу «Лондон», где я остановился благодаря любезности «Выставки несогласных», мне позвонила Сюзанна Зонтаг, остановившаяся в «Гритти» по той же причине. «Иосиф, – сказала она, – я тут на площади наткнулась на Ольгу Радж. Ты её знаешь?».

Главка о посещении Бродским «за компанию» вдовы Эзры Паунда (блестящий, кстати сказать, образец вкрапления политического, но морально окрашенного сюжета в литературный текст), которая начинается приведённым абзацем, заканчивается фразой, фрагмент

которой и дал в итоге название его эссе: «От дома мы пошли налево и через две минуты очутились на Фундамента делла Инкурабили».

Моё почтение всем, кто сходу прочитал *Fondamenta degli incurabili* именно как «Набережную неисцелимых». «Спасибо, знаю», – тем из них, кто помнит, что у Бродского в названии набережной стояли «неизлечимые», а «неисцелимых» ему подкинул Пётр Вайль. Моя надежда, однако, не столько на обладающих хорошей памятью, сколько на зацепившихся глазом и ухом за перекличку «неисцелимых» и «несогласных»: она нам понадобится.

Соединяя глаз и ухо, пишу: «Однажды днём, в ноябре 1987 года в мою комнату заглянул Виталий Дымарский, только что вернувшийся из очередной командировки. «Слушай, я там познакомился с Владимиром Бакштановским. Ты его знаешь?»

«Заглянул» означает: зашёл из соседней комнаты на Зубовском бульваре, 4. На Зубовский сразу после Олимпиады-80 переехало наше Агентство печати «Новости», АПН. Малую часть одного из коридоров на четвертом этаже этого тетраэдра занимала наша с Дымарским небольшая по численности, но самая актуальная на тот момент редакция, именованная «Опыта и проблем перестройки».

Это и была полоса *перестройки*, время тектоническое. 70-летняя Советская власть предпринимала решительную (как оказалось – последнюю, но кто знал заранее?) попытку самоспасения: одной рукой вводя гласность, а другой пытаюсь модернизировать, «советизировать», очеловечить обветшавшую партийно-политическую матрицу.

Тогда, в 1987-м, Дымарский вытащил-таки меня в Нижневартовск, на «Самотлорский практикум». Где и познакомил с Владимиром Бакштановским: к тому времени давно уже «д.филос.н., проф.», но при этом замечательно молодым ещё изобретателем (вместе с Ю.В. Согомоновым и В.А. Чуриловым) «этических деловых игр». В тогдашней системе координат – игр партийно-политических: и по адресу основного заказчика и соразработчика¹, и по месту приложения к пейзажу и к судьбам этического «тестора» со странными свойствами мощного нагревательного прибора.

Для особо внимательных, усмотревших противоречие в предыдущих абзацах, уточнение: *этические деловые игры* Бакштановского, Согомонова и Чурилова, призванные, вроде бы, укреплять влияние партии, эту самую партийно-политическую матрицу не просто

¹ Валерий Чурилов был тогда первым секретарём Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС, т.е. реальной персонифицированной (номер один) властью на огромной территории.

расшатывали, но взламывали: обращением к здравому смыслу, совести и самоуважению человека. Первое, второе и третье проявлялось при запуске странной «зуды» (привет от любимых Бакштановским братьев Стругацких!) *этической проблематизации* проживаемой и переживаемой тогда миллионами людей ситуации морального выбора. Бакштановский и его команда переносили холодноватое вселенское общее («а, опять про мораль!») на перегретое частное: с проявлением реакции на собственной, не бесконечно толстой коже.

Здесь и далее – не об играх, в которые играли люди в то время, однако, и не о людях, создававших отличные от всех других – именно этические деловые игры.

Здесь и далее – об уже не короткой, настойчивой, самоотверженной, но не самой продуктивной попытке известного содружества прикладных этиков побороться с порядками, бытующими на *территории* моих *неисправимых*. Не то, чтобы сдвинуть с привычного места отечественную журналистику, но создать предпосылки для движения занятых в ней в предполагаемо правильном направлении известным, своим путём: привнесением – в качестве *системообразующего* – *этического* начала в то *системно-внеэтическое*, что именовалось «журналистской профессией» во времена СССР.

2

Что полагаю полезным зафиксировать с места свидетеля: между 1987-м годом, когда в Нижневартовске прошел первый «Самотлорский практикум», и годом 1995-м, когда в Москве вышла книга «Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов», пролегает системный рубеж геополитического характера и масштаба: уход в нети государства, известного как *Советский Союз (СССР)*, и приход на его место государства с названием *Российская Федерация (Россия)*. Это – *историческое* всеобщее, полезная банальность.

А вот *историческое частное*, если угодно, ещё только находящееся на подходе, *корпоративное*. В моём календаре событий первого ряда, пусть и не глобального масштаба и значения, отмечена примерно совпадающая с первой, геополитической, локальная межа, не последняя для истории новой страны, поскольку дело касается *становления в России журналистской профессии*.

Говоря об этой – другой меже, я в данном случае имею в виду не какое-то конкретное событие фактического порядка (хотя и такое есть: принятие Закона РФ «О СМИ», в нормы которого включены этические компоненты), но проявившееся по конкретному поводу ра-

дикальное изменение подхода содружества Бакштановский-Согомонов к журналистике и журналистам.

Речь о состоявшемся не в день, не вдруг переходе от отношения «пользовательского» к исследовательскому, экспертному и консультативному. Переход этот произошёл в 1992-1993 годах: во время определенно не лучшее и для журналистики, и для науки; но временно-то не выбирают.

Когда нас познакомили, советский журналист как таковой был В.И. Бакштановскому и Ю.В. Согомонову мало интересен, мне кажется, – в отличие от людей из конкретного именного списка московских журналистов и редакторов (Егор Яковлев, Виталий Коротич, через годы – Сергей Корзун и Виктор Лошак), ходивших тогда во властителях демократических дум. Наверное, где-то на заднем плане вставал вопрос о журналистике как институте влияния, связанный, впрочем, не столько с ролью, функцией, узнаваемостью журналиста в не затянувшуюся «эпоху перестройки», сколько с отсутствием заранее выверенной разгадки необъяснимого, непропорционального воздействия этого института на жизнь советского человека, но не более того.

Журналист как таковой учитывался как фактор, но рассматривался элементом достаточно специфической, советской журналистики, партийной в основе, а потому малоинтересной людям, работающим с таким предметом, как этика профессий: до проявления каких-то новых, не канонических черт в самой журналистике, по крайней мере, до появления в ней журналиста другого, действительно нового типа.

Тема (именно как направление исследований), именуемая «профессиональная этика журналиста», была введена в российскую повестку дня связкой акторов Бакштановский и Согомонов, соработчиков проектной заявки «Становление духа корпорации». Как мне представляется задним числом, ориентирована она была скорее на изучение² того типа журналиста, который был т.н. «лидером перестройки», чем журналиста реально нового, с заметно отличающимся от предшественника подходом к миру и профессии. В качестве авторов текстов или интервьюируемых для замечательной книги «Становление духа корпорации. Правила честной игры в сообществе журналистов» в Москве и Тюмени опрашиваются в качестве собственно профессиональных, а также научных и гражданских экспертов люди, которым долатовский типаж (напомню замечательный по яр-

² В качестве выжившего, преодолевшего, начинающего переходить в жизнеспособные, более того – в успешные в *новом*, другом времени, - Ю.К.

кости художественного обобщения портрет одного из героев довла-товского «Компромисса», обратив внимание на то, что всё самое главное про советскую журналистику было сказано автором самим названием книги) в его новом, вполне успешном, состоянии определенно не близок.

Результат, каким его вижу сегодня: ту замечательную книгу, 1995-го года издания [4], мы (тут я говорю как один из четверых её соредкторов) изначально выстроили как памятник собственным представлениям о становящейся и в России профессии, но не как беспристрастное исследование нового профессионала и его взглядов на всё то, в чем он барахтается. Последнее (именно новое: тяжёлое, смутное, с неправильной органолептикой) мы оставляли кому-то, возможно – социологам, поскольку пришли-то, по большому счёту, не столько изучать, сколько просвещать, помогать поворачивать головы в предполагаемом правильном направлении.

Подход, безусловно имеющий право на жизнь, особенно во времена и в ситуациях высокой моральной неопределенности. Но всё же, всё же, всё же...

3

Почти безоценочно за давностью лет говорю о своём нынешнем, опоздавшем на годы и десятилетия понимании того, где именно мы, выйдя в поиск, предполагавшийся непредзаданным, свернули направо, к *набережной неисцелимых*, разминувшись с будущей профессией в её тогдашних реалиях.

Отказавшись от основательного изучения контекста, условий, специфики существования журналистской полупрофессии в постсоветском пространстве, мы начали искать в ней соответствие собственным, в значительной мере – прежним представлениям о том, какой журналистской профессии надлежит быть. Признавая, что грех тот – в значительной мере именно мой, потому как во всей тогдашней команде «оттудашие» корни обнаруживались у меня одного (даже Алексей Симонов был все же представителем совсем другой профессии), я в значительной мере в таком именно подходе вижу причину итогового неуспеха нашего захода на территорию журналистики в 90-х: и это притом, что к исходу 90-х заход этот имел все признаки успеха частного и даже вполне прорывного: в виде *Тюменской этической медиаконвенции (ТЭМК)* [5], прежде всего. Этот замечательно красивый, дорогой мне и по сей день документ обнаружился нежизнеспособным прежде всего потому, полагаю, что на контакт с конкретной профессией (на её переломе, что важно) мы вышли без приглашения и без понимания оснований самого перелома, во-пер-

вых. И, во-вторых, с «объектной» установкой на выработку конкретных «правил честной игры»: не отвечавшей, увы, конкретному времени на часах российской журналистики вообще и российской региональной журналистики, в особенности.

Понятно, с чем была связана наша ошибка: с эйфорией закрепления и уплотнения свободы массовой информации и свободы выражения мнений, с куражом по поводу гипотетических новых возможностей, которые открывает профессии и её представителям моральный выбор журналиста как поле, которое предстоит осваивать новым профессионалам...

В самом деле, в совсем новой стране, Российской Федерации, свобода массовой информации начинает ориентироваться на новый и объявляющий себя базовым Закон РФ «О СМИ»; это рубеж 1991-1992 года. Почти следом (с перерывом на один общенациональный кризис октября 1993-го, чтобы не забыть; со стрельбой по Белому дому и с белыми пятнами на полосах ряда московских газет) обнаруживается подготовленным, сформированным достаточно основательный ответ на вопрос об обновлении представлений о «профессиональном сообществе» журналистов, с одной стороны. А с другой – о профессионально-этических предписаниях этого сообщества для своих членов. Обнаруживается, более того, что и сообществ, готовых всерьёз заниматься профессиональной этикой журналиста, как минимум, два, пусть и очень разных в том, что касается условных весовых категорий. (Громадный Союз журналистов России, наследник Союза журналистов СССР, – и крохотная, менее, чем в три десятка членов, Московская хартия журналистов.) Важен факт: в 1994 году принимаются и вводятся в жизнь сначала *Декларация Московской хартии журналистов*, а затем *Кодекс профессиональной этики российского журналиста*.

Первый абзац *Кодекса*: «Журналист всегда обязан действовать, исходя из принципов профессиональной этики, зафиксированных в настоящем кодексе, принятие, одобрение и соблюдение которого является непременным условием для его членства в Союзе журналистов России».

Первый абзац *Декларации*: «Подтверждая общность в понимании нашего гражданского и профессионального долга, мы скрепляем своими подписями настоящую Хартию, и тем принимаем на себя взаимные обязательства способствовать укоренению, распространению и защите в России нижеследующих принципов, уважение которых мы полагаем непременной и неоспоримой основой развития честной, свободной, профессиональной журналистики».

Выдох первый (предмет эйфории): в России появились этически предъявившие себя городу и миру профессиональные сообщества. Выдох второй: при безусловных различиях этих сообществ (члены малого, нового, не хотят иметь ничего общего с членами нового-старого, большого), их задекларированные ценности, принципы, представления о нормах малоразличимы!

Профессионализация на марше, профессиональная этика и в России тоже начинает задавать тон деятельности журналиста от Москвы до Магадана, от Пензы до Владивостока. Ура?

4

Но ровно в этот момент ещё только становящаяся на ноги в России, делающая самые первые шаги старая-новая профессия попадает под каток новейшей отечественной истории. Не имея возможности отсидеться в «инкубаторе», она вместе со страной не проходит, а продирается через войну в Чечне. Следом, не отдышавшись, через вторую войну: правила игры для журналистов на которой уже решительно другие, чем в первой.

А далее – нищая, по большей части, – проходит через сито выборов начальников территорий: заметно изменяющих материальное положение тех СМИ и их сотрудников, которые не то, чтобы согласились на время забыть о профессиональных обязанностях журналиста в ситуации выборов (да кто же их учил, этим обязанностям?), но, привычным верхним чутьём разделив высокое и кормящее, решили не терять время и силы на пустое, бездоходное или даже затратное, если разобраться.

Чтобы не потерять специфику той ситуации: мы с В.И. Бакштановским, используя любой шанс, как минимум, с 1997-го ездили по стране, собирали семинары, пели про профессиональную этику журналиста и моральный выбор, про кроху сына, пришедшего к отцу с известным вопросом, и про бедного, но ведь не до конца безнадёжного, если о нём помнят, Сизифа.

Нас слушали, нас дополняли, нам подбрасывали примеры, под нас замечательно заполняли анкеты...

И что? Да ничего, семинар – отдельно, а жизнь отдельно, как вскоре же выяснялось; всё, что про этику – пикник на обочине. Не потому, что сказанное не интересно или не важно, но тут у нас сейчас, понимаете... Ровно в это время через прессу проходят (выборы президента на носу!) силовые линии уточняемых отношений как бы новой журналистики с властью и с держателями реальных инструментов влияния (серьёзных денег, в том числе) и связанных с ними льгот и преференций: с демонстрацией льгот и привилегий для ум-

ных, с намёком на ледяночки и финансовые удавочки для туповатых, не понявших, как можно и как не стоит вести себя в новом мире.

Одни разъясняют редакциям простые правила этой самой новой жизни, а другие говорят про то, что профессионализм журналиста неотделим от этики. Ещё как отделим, если кормят-то как раз – именно редакцию! – заказные материалы.

Утрирую, понятно; снижаю картинку становления журналистики до гротеска, сознательно избегая втягивания, например, в историю становления успешных масс-медиа и устойчивых медиахолдингов. Это – отдельная, но точно не моя тема.

Что до близкой мне, то вот как выглядел в то время результат *поиска ординара* профессии, обобщённый портрет российского журналиста второй половины 90-х, созданный через обнаружение его системных дефектов. Давно не цитировал список «беспокоящих особенностей российской прессы», пунктиром прописанный Энн Олсон: известной американской журналисткой, в конце 90-х – исследователем новых российских СМИ. Как исследователь местной и региональной журналистики Энн в то время не объехала даже, а буквально исползала российскую глубинку. Оттуда, из глубины и её «беспокоящие особенности». Какие именно?

Вот портрет российского журналиста (ровно из того времени, когда формировалась *Тюменская этическая медиаконвенция*) от Энн Олсон: «1. Отсутствие заинтересованности журналистов в осуществлении права граждан на информацию. 2. Распространенность журналистики ради выгоды – в различных ее проявлениях. («Приоритет выгоды» – так был сформулирован диагноз.) 3. Готовность полагаться на официальную информацию, не проверяя ее, – и нежелание искать информацию об обществе в самом обществе, служить гражданам «инструментом» формирования новой демократии. 4. Стремление оказывать влияние на тех, кто обладает властью или деньгами, выступая при этом в роли просителей средств; готовность зависеть от государства, игнорируя тот факт, что получающему от него деньги затруднительно говорить правду о делах федеральных или местных властных структур. 5. Незаинтересованность в доверии читателей, проявляющая себя отсутствием ссылок на источники информации, – и стремлением журналиста самому постоянно выступать в этой роли. 6. Вольное обращение с фактами и мнениями, неразделение факта и комментария журналиста. («Я знаю, что это российская традиция, но я думаю, что это одна из причин, почему российские читатели не доверяют газетам».) Специальное уточнение «ревизора»: эта проблема по важности – «первая в списке». 7. Отсутствие стремления беспристрастно подавать сами факты. 8. Час-

тое использование журналистом псевдонимов и его готовность печататься под разными именами в различных газетах. 9. Широкое участие газетных корреспондентов в составлении рекламных материалов для коммерческих или политических рекламодателей, в том числе и выходящих за подписью авторов. 10. Активная практика публикации скрытой рекламы – распространенное нарушение сразу и норм профессиональной этики, и закона».

Сравните, кому это интересно, два портрета журналиста: советский (довлатовский) времён раннего застоя, и постсоветский (Энн Олсон), относящийся к российскому журналисту конца девяностых.

А теперь добавьте к сказанному представления о некоторых существенных чертах журналиста конца 90-х, черты, выделенные в достаточно давнем уже исследовании Светланы Пасти (Университет Тампере): «Современная журналистика формируется двумя типами профессиональных ролей, которые, в свою очередь, представляют два типа профессиональной субкультуры: старшего поколения – советские практики, вступившие в профессию в советское время, и молодого поколения – постсоветские практики, кто пришел в профессию в 1990-е годы.

Старшее поколение по определению гомогенно и консервативно, представлено “стандартными” профессионалами, кто был рекрутирован в журналистику, в основном, после школы и армии и обучен, главным образом, в университете согласно государственной политике развитого социализма. Будущие журналисты были заботливо отобраны, (...) они прошли школу советской теории и практики журналистики и были, как правило, социализированы через членство в партии. Сегодня они продолжают культивировать взгляд на журналистику в естественной связке с властью. Как и прежде, они берут на себя ответственность за поддержание социального порядка и оказание практической помощи людям. Они выступают в роли *социально-го организатора* с соответствующими функциями воспитания, просвещения и наказания. Они продолжают работать в ведущих информационных медиа, основанных в советское время, и участвовать в традиционной профессиональной ассоциации – Союзе журналистов. Они утверждают корпоративную солидарность, поддерживая друг друга в профессии и жизни, соблюдая этику советского журналиста (отрицая плагиат, неграмотное письмо и речь, разделяя преданность профессии и так далее).

Молодое поколение 1990-х значительно отличается от старшего по своему происхождению, взглядам на журналистику, способностью совмещать различные виды профессиональной деятельности. Оно представляет больше гетерогенную субкультуру, состоящую из

индивидов в возрасте от 20 до 45 лет, различной этнической принадлежности, происхождения, образования, опыта и социальной базы (слесарь – преподаватель университета). Постсоветские практики пришли в профессию гораздо позже, чем советские (в исследовании эта разница составляет 20 лет) и преследовали скорее свои собственные интересы в журналистике, нежели ориентировались на романтический образ (государственной) публичной службы. Быстрое развитие медиарынка (в Санкт-Петербурге от 118 медиа в 1991 году к 4000 медиа в 2001 году) потребовало новых работников. Благодаря новым законам о СМИ и об общественных объединениях (1991) журналистика как сфера профессиональной деятельности стала доступна дилетантам. Среди пришедших были те, кто не мог вступить в профессию прежде из-за социального и этнического происхождения, кто не был удовлетворен доходами, карьерными перспективами и возможностями для творчества на прежних работах. Те, кто пришел в 1990-е годы, не испытывали нужды в профессиональном объединении, они предпочитали действовать в одиночку, конкурируя между собой и ориентируясь на материальную выгоду, творческие амбиции и новые жизненные перспективы.

Более того, молодое поколение вполне устраивает роль *развлекателя* и поиск сенсационной повестки дня. Оно воспринимает журналистику больше как пиар для продвижения политических и экономических интересов медиаклиентов (влиятельных персон и групп в политике и бизнесе). Постсоветские практики работают как в традиционных, так и в новых медиа, появившихся в последнее десятилетие. Чаще, чем старшие профессионалы, молодежь совмещает штатную и внештатную работы, оказывая услуги не только в журналистике, но и в коммерческом секторе экономики. (...)

Принцип персонального принятия решений присущ большинству практиков и он лежит в основе большинства рабочих методов. Журналисты сами отбирают информацию, источники и темы; определяют стратегию работы с источниками, добычи информации и ее подачи; рабочие методы, жанры, пути влияния на аудиторию и пути заработка. Это свидетельствует, что журналисты имеют значительную автономию как в профессиональной деятельности, так и на рынке труда. Однако среди самых доминирующих критериев, определяющих принятие журналистом решения, обнаружены: *редакционная линия (соблюдение интересов учредителей, спонсоров и рекламодателей медиа)* и *самоцензура (страх суда, криминальных структур и увольнения с работы)*. То есть, в работе персональное принятие решения оказывается компромиссом журналиста-производителя материала с редакционной политикой медиа и теми обстоятельства-

ми, которые не гарантируют сегодня журналисту защиты от нынешнего законодательства, преступного мира и нанимателя. Автономия журналиста на уровне личности превращается в профессиональный компромисс (конъюнктурную сделку) на уровне медиаорганизации. Вне штатной работы журналист действует автономно, как наемный работник, когда зарабатывает деньги в свое свободное время в других медиа и коммерческих организациях, а также, когда делает заказные материалы для своих частных клиентов.

На штатной работе большинство все еще воспринимает себя в качестве государственных служащих: ориентируясь на официальные структуры и полагаясь на них как на источники информации. Журналисты все еще предпочитают такие практики, которые ориентированы на «дружбу» медиа с чиновниками и, таким образом, обеспечивают их доступ к официальным кругам. Среди таких практик обнаружены: сокрытие фактов или умолчание о факте, публикация непроверенной информации, подготовка заказных материалов, раскрытие имен пострадавших и преступников до решения суда. Журналисты удовлетворяются повесткой дня, сформированной в большей степени в угоду нынешней политической власти. Их профессиональные цели изменились мало, поскольку они участвуют в политических кампаниях на стороне властей.

С другой стороны, когда журналисты используют рыночные альтернативы для оказания журналистских услуг в обществе (вторая работа, заказные материалы, скрытая реклама), они действуют как свободные наемные работники – производят заказной продукт и получают дополнительную прибыль. Они идентифицируют этот труд как халтуру и не считают ее за настоящую журналистику. Такая автономия журналиста от его главного (штатного) нанимателя есть своего рода транзитная форма в развитии его профессиональной идентичности от государственного к рыночному менталитету. На практике она выступает как стратегия выживания и самозащиты, позволяющая совмещать штатную и внештатную работы, воспроизводя старые и адаптируясь к новым ролям».

Прошу прощения за эту длинную цитату. За ней, как и за выводами Энн Олсон стояла жизнь, как она складывалась, профессиональная практика.

5

Ну и что было делать? – спрашиваю сам себя сегодня. Сидеть и тихо ждать, пока эта практика заостенееет, решит, что она и есть – норма? Так уж тогда сложилось, что рядом с такой вот практикой подрастала, уплотнялась теория, не только готовая объяснить прак-

тике, чем именно она дурна, но и способная/готовая помочь ей счастливо измениться...

«Становление духа корпорации...», – это 1995 год. В 2002-м издаётся «Моральный выбор журналиста»: программная монография «диполя» Бакштановский-Согомонов. В 2005-м выходит «Этика профессии: миссия, кодекс, поступок» тех же авторов, в которой журналистика включается в число изобретённых авторами «высоких профессий».

Не обсуждаю наступившей затем исследовательской паузы на том исследовательском направлении, которое связано именно с профессиональной этикой журналиста. Всё время помню о Юрии Вагановиче Согомонове. И психологическую травму, связанную с приземлением не в заданный квадрат *Тюменской этической медиаконвенции*, итога двухлетнего (!) межпрофессионального марафона, в основе которого лежали целевые встречи исследователей и журналистов, нарабатывавших современные представления о журналистской профессии и представление об её этических основаниях, тоже со счетов не сбрасываю.

Никакие не брейгелевские слепые, спотыкавшиеся где-то там в поисках правильного ориентира, а вполне себе зрячие заполучили примерно в то время в правильные провозжатые прозаические деньги на выполнение заказов – и вполне себе прижившийся в российских медиа интернет в качестве рабочего инструмента. Реально-должное споткнулось, бывает. И что?

Помню, каким диссонансом прозвучала на этапе, когда Конвенция уже была выведена под крышу, остужающая реплика Алексея Симонова: «Кодексы полезно вырабатывать, но опасно принимать». И его же реплику, почти не расслышанную тогда на тех высотах, на которые уже поднялись, да что там – воспарили к тому времени работчики *ТЭМК*: «Главное для журналистов – договориться не врать!»

А что главное для исследователей, носителей нового знания, нового представления о том, как могут прочитываться именно в журналистике эти самые «миссия, кодекс, поступок»? Я бы сказал сегодня так: главное – никуда не спешить. Все, что могло быть сделано без настоящего приглашения изнутри чужой профессии, уже сделано и вывешено «до востребования». Не зовут – значит не пришло время: ещё или уже.

6

Образы, вводимые в текст, должны пересекаться – или же существовать самостоятельно, работая на какую-то задачу автора *не*

журналистского текста. Значимые для меня в данном случае образы, два из трёх, однажды пересеклись в совершенно неожиданном месте.

Несколько лет назад, гуляя по осеннему парку в Пушкине после первого дня одного из семинаров Института региональной прессы (ИРП) для журналистов Северо-Запада, я вдруг обнаружил на глади знакомого озера венецианскую гондолу, а на выходе из парка – знакомых брейгелевских слепых в бронзе. Снимками и гондолы, и скульптуры дорожку как реликвиями места и времени. Почему упоминаю о них в этом тексте?

Первая причина: только споткнувшись о совершенно невозможную, нелепую, выпадающую из пейзажа венецианскую гондолу в Пушкине, я полез в справочники и обнаружил то, что питерский культуртрегер знает с детства: знаменитые «линии» в этом городе – это непрорезанные, так уж сложилось, но ведь задуманные как примета Северной Венеции каналы. Пушкинская гондола встала в итоге как бы на место: вот что тут могло быть, когда бы ещё в петровские времена не разворовали деньги на рытьё этих самых каналов, а позже не отказались от этой идеи в принципе. А что было бы, когда их все же бы выкопали? Не хочу гадать, знаю главное: набережной неисцелимых в городе Бродского не образовалось, – наверное, к счастью.

Что же до скульптуры, переведшей в трёхмерное пространство брейгелевских «Слепых»: аллегория, потеряв цвет, сгустилась. Тогда, из Пушкина, я позвонил Владимиру Иосифовичу: а хорошо, что мы больше не создаём проектов этических документов. Слепые, ведущие слепых, в профессиональной этике – не жертвы же, а, вполне возможно, те козлы, которые увлекают баранов в последний загон, на бойню... Про козлов и баранов – реальная технология, о которой кто-то когда-то нам рассказывал мимоходом; то, что она вдруг перенеслась на себя, – ситуация, настроение, но и обнаруженный вдруг груз ответственности, способной наступить в логике «хотели как лучше».

Пару лет назад (человек слова) я, однако, инициировал запуск проекта *Медиаэтического стандарта* Общественной коллегии по жалобам на прессу. Почему, на каком основании, вопреки чему?

Идя с конца: вопреки энтропии, которая разрушает, разлагает упорно не желающую профессионализироваться журналистику. Профессия, в которой «можно всё» – уже не профессия, во-первых. И, во-вторых, в ситуации за три минуты до «нельзя ничего, кроме разрешенного законом»; профессиональная этика в таких условиях существовать не умеет, да ведь и сформироваться не успевает.

На каком основании? Да на хорошем, международно признан-

ном, правда – в своё время. Основание серьёзно, устойчиво, устаревание в деталях поправлено модернизацией до разумных границ, открыты два направления для радикального обновления, но путём опытным.

Почему и зачем? Тут ответ комплексный. Потому, что решения по тем информационным спорам, которые рассматривает Коллегия, не могут до бесконечности долго опираться на наши частные, зачастую не совпадающие представления о профессионально правильном и профессионально недопустимом. По той причине, далее, что сама Коллегия состоит из двух палат, то есть любое решение гипотетически может зависеть от численно преобладающих представлений об основах журналистской этики людей, которые именно от журналистики достаточно или даже безмерно далеки. (Моральные авторитеты в своих областях, в Коллегии они – члены Палаты медиааудитории, представители именно гражданского общества: в его достаточно частных проявлениях, понятно.) Ну, и, наконец, в силу того, что у современной российской журналистики нет реально действующих профессиональных ориентиров: *Хартия телерадиовещателей*, документ изначально не выдерживающий критики, умерла не родившись, а как живут *Кодекс профессиональной этики российского журналиста* и *Декларация Московской хартии журналистов* не знает, по сути, никто: оба эти документа давно состоят в ритуальных.

Идея *Медиаэтического стандарта Коллегии* [5] (внимание: не российского журналиста: пишущего, снимающего, наговаривающего текст, а самого органа само- и саморегулирования) родилась как опробованная в мире модель (британская Комиссия по жалобам на прессу пользовалась своим Кодексом практики), но при этом как рабочая альтернатива не работающим документам профессиональных организаций и ассоциаций. Его логика: орган саморегулирования основные стандарты журналистской профессии (базовые, перечисляемые по пальцам принципы и нормы) определяет так-то и так-то. На соответствие этим ориентирам мы и будем оглядываться, рассматривая очередную жалобу: объяснив это сразу и заявителю, и адресату жалобы. Теория «шаг за шагом», глядишь, постепенно приучим...

Но это – в оправдание усилий, которые вот-вот должны привести к переходу от проекта стандарта к действующему стандарту Коллегии. Это – про инструментарий. А что у нас с профессией?

7

Из резолюции X Съезда СЖР (2013 г.) «Мы обрушиваем на людей водопад фактов и новостей, но не можем объяснить суть происходящих событий. Журналистов мало интересует обычный человек,

ищущий защиту в неустойчивом и агрессивном мире. Медиа контент посвящен сильным мира сего в политике, бизнесе, развлечениях. Групповое равнодушие к читателю рикошетом бьет по журналистике и ее основам.

Медиа торгуют лояльностью, вместо того чтобы выполнять функции сторожевых псов общества. Всё больше слов о коррупции на медийном пространстве, о заказных материалах и компроматах. Мы не можем определиться со своей ролью в новых временах, подобрать костюм по росту. Когда медиа теряют доверие, это все равно, что камень, преградивший путь к роднику. Люди за чистой водой пойдут в другое место. И они идут.

В разных странах симптомы этой болезни проявляются по-разному. Но есть и общие черты. Прежде всего – журналист перестал быть практически единственным источником информации, которую только он и может передать миру.

В условиях существования неподцензурного Интернета привычная проблема взаимоотношений общества со средствами массовой информации во многом упрощается. Скрыть правду уже намного труднее, чем прежде, да и практически невозможно. «Неформальная журналистика» становится серьезным конкурентом печатных и электронных СМИ. И если журналистика не говорит людям правду о реальной жизни, то такая журналистика никому не нужна».

И сюда же, в подверстку, следующая выдержка из отчетного доклада Федеративного совета СЖР, который зачитывал Всеволод Богданов, председатель СЖР: уже отчасти подзабытая, но ведь достойная скрижалей расшифровка сказанного в том же году на ежегодной научно-практической конференции в МГУ Алексея Волина, заместителя министра связи и массовых коммуникаций.

«Журналист должен твердо помнить, что у него нет задачи сделать мир лучше, нести свет истинного учения, повести человечество правильной дорогой. Это все – не бизнес. Задача журналиста – зарабатывать деньги для тех, кто его нанял...». «Никакой миссии у журналистики нет... Молодые журналисты должны знать, что они будут писать о том, что им скажет владелец, то есть хозяин... Если вы этому не учите – вы совершаете преступление...». «Нам четко надо учить студентов тому, что, выйдя за стены этой аудитории, они пойдут работать "на дядю". И "дядя" будет говорить им, что писать и что не писать. И как писать о тех или иных вещах. И дядя имеет на это право, потому что он им платит. То, что я сказал, может нравиться, может не нравиться, но это объективная реальность, такова жизнь. И другой у нас не будет...».

Богданов, процитировав Волина, заявил, понятное дело, что «журналистика – далеко не только бизнес». Но вот что было сказано им следом: «Журналистику двигают – и исключений здесь нет – только идеалисты, причем иных за неверные взгляды на “объективную реальность” даже убивают. И мы никому не позволим утверждать, будто Щекочихин, Политковская, Хаджимурад Камалов или Дима Холодов отдали жизнь за доходы своих хозяев, и только за них. Сегодня нам надо защищать свою профессию. Миссию, если угодно».

8

Помолчим минуту, поскольку возникли четыре понятных имени. Но дальше-то постараемся понять: а куда за четыре минувших года ушел секретариат того же Союза журналистов, из состава которого за один год вышли – за несовместимость представлений о самом союзе и его установках, – Павел Гутионтов (автор Кодекса СЖР), Юрий Батурин (соавтор Закона РФ «О СМИ»), Надежда Ажгихина (вице-президент Европейской федерации журналистов)?

А куда, главное, ушла сама российская журналистика: в её повседневных реалиях?

Бытовой ответ прост: туда же, только ещё дальше. Я лично два года назад фактически перестал смотреть телевизор: не могу совместить картинку и звук с представлениями о тележурналистике. Иногда заглядываю, но исключительно для того, чтобы убедиться: отключил правильно. Все худое про профессию – не под напором, а исключительно по мере поступления жалоб, пожалуйста; совать в этот ушат голову просто так – ни при какой погоде.

Ответ теоретический, предполагающий знание, не перебиваемое конкретным телесигналом? И тут не готов обсуждать в общем, могу – через реакцию Коллегии на конкретные жалобы. Картина удручающая, но такова нынешняя, по крайней мере, «федеральная» телевизионная жизнь, что делать.

Но как только мы сказали себе это вслух и всерьёз – прощай навсегда, набережная неисцелимых, до твоего поглощения территорией неисправимых – часы, а не поколения. Сказанное означает, что на горизонте – прежняя дилемма: ждать, пока позовут – или планировать следующий партизанский, сталкерский заход на территорию неисправимых. Но тогда – зачем и с чем?

Вожу ещё один обещанный образ: это Икар, только не мифологический, на словах, а брейгелевский.

Для тех, кто помнит картину не очень отчетливо, – специальная выдержка из Александра Гениса, друга и многолетнего соавтора Петра Вайля и приятеля Иосифа Бродского. «Принято считать, что

картина «Падение Икара» – притча о незамеченной трагедии. Непонятый гений, Икар погибает героической смертью, окруженный безразличием тех самых людей, которым он хотел дать крылья. Художник действительно демонстрирует нам, как все НЕ заметили падения Икара. На тонущего героя НЕ смотрят не только люди – пастух, рыбаки, моряки и пахарь, но и животные – лошадь, собака, четыре птицы и двадцать овец. Но это еще не значит, что все они не заметили происшествия – оно их просто не заинтересовало. Окружающие не могли не слышать плеска и крика. Однако, неудача свалившегося с неба Икара им не казалась столь важной, чтоб перестать пахать, пастись или поднимать снасти.

Герои Брейгеля игнорируют не только Икара. Они и друг на друга не смотрят. Не только на этой, на всех картинах Брейгеля люди не встречаются взглядом – и на пиру, и в танце, даже пустые глазницы слепых глядят в разные стороны. У них нет ничего общего. В том числе – и общего дела.

Брейгелевские персонажи не могут охватить взглядом и тот мир, в котором живут. (...) Лишь зрителю доступен и смысл свершающейся трагедии, которую он не в силах предотвратить. Поместив зрителя над миром, позволив осознать причины и следствия всего происходящего в нем, Брейгель в сущности поставил нас в положение Бога, всемогущество Которого равно лишь Его же беспомощности. Бог не может помочь Икару, ибо исправляя ошибки, Он лишь преумножает их». И в завершение «этического уравнения», которое он выводит, Генис говорит: «Икара нельзя спасти. Его провал – не роковая случайность, а трагическая закономерность. Смерть Икара не жертва, а ошибка, не подвиг, а промашка. И сам он не мученик, а неудачник. Изображая жалкую кончину Икара в “холодной зеленой воде”, Брейгель взывает не к состраданию, а к смирению. Воля и мужество требуется не для того, чтобы исправить мир, а для того, чтобы удержаться от этой попытки. Помочь, ведь, вообще никому нельзя» [2, 72-74].

С Генисом можно соглашаться или не соглашаться. Для меня брейгелевское «Падение Икара» – символ сразу двух явлений, одной почти катастрофы и одной тяжелой травмы. Почти катастрофа – это то, что произошло и продолжает происходить с российскими СМИ и российской журналистикой после 1992 года. Ну, а травма – это отсутствие каких бы то ни было сигналов, запросов изнутри этой самой медиасреды, которые позволяли бы надеяться на целевой запуск поисковика НИИ ПЭ, на его повторный выход на негодья профессиональной этики журналиста.

Не недооцениваю сложностей, которые поджидали бы «фирму» на подходах к реальному медийному полю. Оставляю в стороне повсеместное укоренение того типа журналиста, о котором писал Довлатов; напоминаю разве что об опасном, повседневно и повсеместно наблюдаемом торжестве пропагандистов: с прирождённым умением и хорошо простимулированным упорством кукушонка выпихивающих из профессионального гнезда новое поколение российских журналистов. Прикладная этика, где ты? – или прикладная этика, что тебе делать в этой ситуации?

Мы, практики-универсалы выработали когда-то для себя в Общественной коллегии замечательный по-своему документ: «признаки политической пропаганды с элементами языка вражды». Определить можем, назвать своим именем можем, отделить от журналистики можем или пытаемся, но явления-то, устойчиво наблюдаемое, никакой связкой признаков преодолеть не в силах не только потому, что явление это поддерживается, проплачивается, внедряется на поле журналистики в логике целевой установки. Проблема в том, что граждане, сознание которых ежедневно корёжит и калечит новая пропаганда, начинают воспринимать её как актуальную современную журналистику. Как, чем, каким образом помочь этим гражданам скорее проснуться, расколдоваться, если угодно, избавиться от доверия к этой заразе: крепкой, устойчивой, как сорняк; забивающей журналистскую практику, а с ней и журналистскую профессию? И может ли в чём-то на этом направлении нам, практикам, помочь НИИ ПЭ?

И второй вопрос, много более сложный, на самом деле, но ведь тоже требующий ответа. Всё понятно с властной пропагандой. Но вот есть замечательная «Новая газета»: один из последних выразителей тех самых свободных мнений, которых должно быть сколько угодно, но которые теперь не очень спешат проявляться. И вот Дмитрий Муратов, главный редактор «Новой», говорит на «Эхе»: «Русская журналистика традиционно – журналистика не наблюдения, а прямого действия. Я как-то здесь в этой студии рассказывал, что когда Чехов занимался переписью населения на Сахалине, он же напрямую вмешивался в то, чтобы увеличить количество воздуха в камерах для каторжников, он расследовал, каким образом, почему пули, если беглец убежал, почему пули попали ему в грудь, и доказывал, что это местная охрана так шалит и эту охрану меняли. Это Чехов. Это журналистика прямого действия. И эта традиция – она, безусловно, действует и сейчас». И далее: «Для меня милее этот репортер, который сейчас, бросив аппаратуру, из этого автобуса, взорванного в Сирии вытаскивал ребенка. Он для меня милее, чем тот знаменитый кадр, когда лежит умирающий человек на земле, а репортер, значит, ре-

портер это снимает. Может быть, мы не правы, может быть, мы все должны быть немного орнитологами. Вот, наблюдаем за птицами, за людьми, куда они полетели, где сели, приземлились. Вот здесь у них яйцекладка, да? Но мы живем в такое время и, в общем, в таком обществе, где нужно непосредственно иногда, обладая авторитетом и огромным весом газеты, напрямую помогать людям».

Читая сказанное Муратовым, досадую по части ролевой путаницы, связанной с поездкой Чехова на Сахалин. Чехов там был врачом, прежде всего, не журналистом, конечно же. Но что делать с дилеммой «спасать или снимать», казалось бы, давно разрешённой в теории, если она снова возникает у Дмитрия Муратова, члена Палаты медиасообщества Общественной коллегии, аргументом в пользу – внимание – «журналистики прямого действия»? И что делать с самой «журналистикой прямого действия»: куда именно и по каким этическим критериям её относить?

Вижу проблемы, иногда – дилеммы. Порой думаю, что знаю возможное решение тех и других. Но одна голова – хороша на острове. На материке – куда надёжнее, особенно в ситуации запредельных профессионального и общественного рисков – вместе, через дискуссию.

Вопрос в том как, каким образом Коллегии распорядиться реальной или мнимой возможностью повлиять на процесс профессионализации (снижения издержек депрофессионализации) отечественной журналистики, продолжающей оставаться в полосе шторма? Другая сторона (но того же вопроса): а что мы можем предложить осознающим угрозы депрофессионализации и пытающимся уцепиться за представления о журналистике в полосе и вовсе новой: не просто с «новыми медиа» и проблемами, с ними связанными, но с угрозой рассасывания, растворения, израсходования ресурсов профессии как таковой?

Список литературы

1. *Бродский И.* Набережная неисцелимых/ Перевод с итальян. Г. Дашевского. Л.: Лениздат, Команда А, 2014.
2. *Генис А.* Довлатов и окрестности. Филологический роман. М.: Вагриус, 2001.
3. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу (проект) // [Электронный ресурс]. URL: <<http://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015>> (дата обращения 20.05.2017).

4. Становление духа корпорации: правила честной игры в обществе журналистов / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Казакова, А.К. Симонова, Ю.В.Согомонова. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995.

5. Тетради гуманитарной экспертизы (4) Медиаэтнос. Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики XXI век, 2000.

В.А. Абиькенова

УДК 179.1

**Институты регулирования дуализма
профессиональной и корпоративной этик в журналистике
(анализ практического опыта)**

Аннотация. В ситуации дуализма требований профессиональной этики журналиста и корпоративной этики организации, в которой он работает, журналист оказывается перед моральным выбором и необходимостью самоопределения к той или иной нормативно-ценностной подсистеме. Немаловажную роль в такой ситуации играют инструменты института саморегулирования, к которым может обратиться журналист.

Ключевые слова: саморегулирование, этический кодекс, дуализм, корпоративная этика, профессиональная этика журналиста, нормативно-ценностная подсистема.

Исследованиям феномена дуализма двух нормативно-ценностных подсистем в теоретическом аспекте еще предстоит развернуться в должной мере. Более определенно данное заключение относится к эмпирическим исследованиям этого феномена. Тем не менее и возможно, и необходимо проанализировать имеющийся практический опыт, прежде всего тот, который прямо или косвенно связан с уже проведенными теоретическими исследованиями феномена дуализма двух нормативно-ценностных подсистем. Речь идет об исследованиях потенциала институционального саморегулирования профессии: о ряде профессионально-этических документов профессии и об опыте Общественной коллегии по жалобам на прессу как органа медийного саморегулирования. Но перед непосредственным анализом этого потенциала представим типичный, на наш взгляд, случай такого конфликта, порожденного ситуацией дуализма.

**«Случай Парфенова»
как пример конфликтного дуализма**

Несмотря на давность «случая», в современной отечественной журналистике это едва ли не первый публичный конфликт, обусловленный распространенной в практике ситуацией дуализма двух нормативно-ценностных подсистем – профессиональной и корпоративной. Для представителей профессионального сообщества журналистов – это своеобразный «урок», для исследователя – объект для анализа.

Анализа, направленного на выявление природы «случая»: представляется, что увольнение профессионального журналиста и закрытие его программы – результат не обычного конфликта журналиста и менеджера одной корпорации или проявления цензуры, но и столкновения двух нормативно-ценностных подсистем, результат существования профессии в ситуации их конфликта.

Напомним: в начале июня 2004 года с НТВ уволен Леонид Парфенов, руководитель и ведущий программы «Намедни». Закрыли и саму передачу. Такое решение принял гендиректор канала Николай Сенкевич, который пояснил, что «причиной увольнения стало закрытие программы “Намедни”, связанное с нарушением Леонидом Парфеновым трудового договора, который обязывал его поддерживать политику руководства канала».

Официально тележурналист уволен по сокращению штата – такова формулировка в приказе. Формальный повод для увольнения – отказ Парфенова снять с эфира острый актуальный репортаж. Свою оценку ситуации дали не только непосредственные участники конфликта – Леонид Парфенов и руководство канала, но и коллеги журналиста, эксперты и даже политики.

С точки зрения Леонида Парфенова, суть происшедшего – «столкновение корпоративных интересов». Определяя так этот конфликт, он имеет в виду столкновение интересов журналистской профессии (важная для общества и эксклюзивная информация) и интересов руководства компании. По сути налицо конфликт журналистской этики и этики корпоративной. Об этом можно судить по контексту, в котором Парфенов употребляет словосочетание «корпоративный интерес». «Я считаю, что правильно сделал. Я ни о чем не жалею, потому что главная задача корпоративной телекомпании – передавать информацию. Вот это первично. А то, как мы потом внутри взаимно вежливы, – это вторая вещь», – заявил Л. Парфенов.

Вряд ли в своих выступлениях по этому поводу Парфенов разделяет корпоративную телекомпанию как СМИ и как бизнес-структуру, для него это одна корпорация, задачи которой идентичны задачам журналистики. Поэтому интерес руководства он оценивает как «внутреннюю вежливость», не соблюдение которой не так важно по сравнению с главным – информировать общество или сообщить ему о том, какой информации оно лишилось (публикация приказа в «Коммерсанте»).

С точки зрения руководителей канала, случай Парфенова – нарушение корпоративной этики и трудового договора. Генеральный директор НТВ, Николай Сенкевич, пояснял: «Решение о закрытии программы и об увольнении Леонида Геннадьевича принято в связи

с грубым нарушением им трудовых отношений, закрепленных в трудовом договоре, и нарушением корпоративной этики. Для управляемости компании, для успешности любого бизнеса именно соблюдение каких-то корпоративных процедур, корпоративной этики является основой основ». Подчеркнем при этом, что для руководителей канала соблюдение корпоративной этики (чаще они ее понимают как управляемость компании) является первоочередным, о долге журналиста передавать важную для общества новость речь у них идет между делом: «Почему такое маниакальное стремление выдать этот материал в эфир у него возникло в это воскресенье, я не знаю».

По-разному интерпретировали это событие коллеги по цеху: как столкновение профессиональных интересов со служебными, как внутренние взаимоотношения руководителя и подчиненного, как акт цензуры, как «покушение на профессионализм». Наиболее точный диагноз произошедшего, по нашему мнению, удалось поставить Людмиле Телень, которая озаглавила свою статью «Кто из какой корпорации?».

Фиксируя таким заголовком конфликт корпоративности и профессионализма, автор противопоставляет профессиональной этике журналистского сообщества *негативное* значение феномена корпоративизм и корпоративной этики, фиксируя скорее *патос* корпоративизма власти и бизнеса. «Все победы журналистики есть не что иное, как победы в войне против “корпоративной этики”. Корпорации – политиков, военных, чиновников, мафиози – прячут от общества свои тайны. Корпорация журналистов не позволяет им этого делать. Старается не позволять. Часто с риском для жизни. А иногда, как в случае с Дмитрием Холодовым, ее ценой. Примеров тому множество – от Уотергейта до репортажей НТВ с первой чеченской войны. От “МН” Егора Яковлева до скандала вокруг пыток в Ираке, начатого американскими газетчиками. Эти и другие примеры остаются в истории исключительно потому, что журналистов вела и ведет их собственная профессиональная этика, главная норма которой – сообщать миру факты, которые общественно значимы. То, что сделал Парфенов, не подвиг, но свидетельство профессиональной пригодности» [12].

И хотя в суждении Л. Телень нет прямого выхода на тему двух нормативно-ценностных подсистем: говорят о корпорации, автор имеет в виду корпорацию телеканала (администрацию телеканала), которая в отношении к профессиональной журналистике похожа на «корпорацию политиков, военных, чиновников, мафиози».

Еще более точную характеристику происшедшего дал Ю.В. Казаков (на тот момент – эксперт Правозащитного фонда «Комиссия по

свободе доступа к информации», эксперт Фонда защиты гласности, член Центральной коллегии Большого жюри Союза журналистов России): «...в данном, конкретном, случае менеджмент корпорации своим вмешательством нарушил норму взаимоотношений журналиста и гражданина. Это – без вариантов» [5].

Таким образом, «казус Парфенова» (так называется серия статей Ю. В. Казакова, посвященных подробно и всестороннему анализу случая) может служить наглядным примером конфликтного сосуществования норм профессиональной этики журналиста и корпоративной этики СМИ-организации. В результате столкновения требований двух нормативно-ценностных подсистем журналист Парфенов оказался перед выбором: информировать общество о важных событиях (профессиональная этика) или внять просьбам начальства и не давать в эфир репортаж (корпоративная этика телеканала). Парфенов выбрал приверженность профессиональному долгу.

Одна из важных проблем при рассмотрении любых конфликтов в сфере профессиональной этики журналиста и ситуации дуализма в частности – обращение к нормативно-ценностным документам профессии.

Потенциал нормативно-ценностных документов в ситуации конфликтного дуализма

Говоря о проблемах морального выбора, возникающих в случае конфликта требований двух нормативно-ценностных подсистем, следует рассмотреть роль этических кодексов профессии, одна из основных задач которых – создание баланса между корпоративными интересами и профессиональной моралью.

В документе «Этические нормы газеты “Вашингтон пост”» прямо говорится: «Газета должна служить своим читателям и обществу, а не своим владельцам» [10, 51]. Кодекс этики для газет и их сотрудников, принятый главными редакторами агентства Ассошиэйтед Пресс (1975 год), тоже достаточно точно указывает на приоритет: «Забота об интересах общества, бизнеса или отдельных лиц не должна заставлять газету искажать факты или излагать их в ложном свете» [10, 53].

И в практике отечественной журналистики имеют место примеры этической регуляции на уровне учредителей и акционеров. Например, «Хартия взаимоотношений редакции газеты “Известия” и акционеров издания» [9, 260] (эпоха редакторства И.Голембиовского, сегодня ситуация в газете – совершенно иная), чутко отреагировавшая на новые явления в постсоветской журналистике. Подчеркнем три элемента Хартии: «Никто не предпринимает действий, ограничивающих независимость суждений в изданиях АО. Редакционные ре-

шения принимаются без внешнего влияния»; «Журналист в своей работе не может представлять ничьих интересов через издания АО в ущерб интересам общества, других компаний или частных лиц...»; «Мотивы увеличения прибыли изданий не могут служить оправданием для нарушений этических принципов».

Попытка зафиксировать значимость ориентации владельцев газеты на профессиональные ценности журналистики была предпринята и в газете «Ведомости». В 2004 году «Ведомости» опубликовали обращение акционеров, в котором было заявлено, что «совет директоров привержен тому, чтобы редакция и содержание газеты оставались независимыми, непредвзятыми и честными, чтобы газета полностью исполняла свой долг перед читателями и приносила им максимальную пользу».

Как заметил в своем анализе «случая Парфенова» Ю.В. Казаков, наши зарубежные коллеги уже давно институализировали ситуации дуализма двух нормативно-ценностных систем. Так, Резолюция 1003 Парламентской ассамблеи Совета Европы «О журналистской этике», содержит параграф «Право на информацию как основополагающее право человека – издатели, владельцы и журналисты», в котором пункт 10 гласит: «Имея дело с журналистикой, необходимо помнить, что она тесно связана со СМИ, представляющими собой часть корпоративной структуры, внутри которой необходимо проводить различия между издателями, владельцами и журналистами. Наряду с защитой свободы СМИ, свобода внутри СМИ также нуждается в охране; необходимо также предотвратить давление со стороны». В пункте 13 читаем: «Внутри *информационных организаций* издатели и журналисты должны сосуществовать, помня о том, что законное уважение идеологической ориентации издателей и владельцев должно быть ограничено абсолютными требованиями достоверности информационных сообщений и соблюдения этических норм. Это очень важно, если мы намерены уважать фундаментальное право граждан на получение информации».

Комментируя этот документ, Ю.В.Казаков подчеркивает: «в этих двух пунктах содержится принципиальная логика, я бы сказал, логика этически мотивированных оснований – внутренних (в том числе деловых, служебных и тех, что у нас принято называть “творческими”) взаимоотношений внутри “информационных организаций”, от мини-корпораций в виде городской газеты до большой телевизионной корпорации, вещающей на метровом или дециметровом канале» [5].

Являются ли приведенные примеры массовыми? Риторичность этого вопроса кажется очевидной уже потому, что в большинстве отечественных этических документов СМИ этот конфликт даже не

рефлексируется. Так, например, не проблематизирована задача согласования двух нормативно-ценностных подсистем и в «Декларации принципов этики профессионального сообщества журналистов России», подготовленной в 2014 году в качестве базовой основы для обновления Кодекса профессиональной этики российского журналиста 1994 года. И одна из самых актуальных, по мнению авторов Декларации, проблем современной журналистики – «любительский контент» в Интернете, активность блогеров, которых часто путают с журналистами, и профессиональные журналисты должны им противостоять. Акцентируя внимание на том, что контент пользователей Интернета не может быть приравнен к журналистике, поскольку не отвечает основным требованиям профессионального стандарта и не может «выполнить миссию профессиональной журналистики по обеспечению уверенной ориентации общества в происходящем», Декларация видит свою задачу в дистанцировании журналистики от «любителей». И первый шаг на пути к этому – провозглашение «специальных технологических и этических нормативов журналистской деятельности» [3].

Даже беглый анализ профессионально-этических кодексов показывает, что европейские документы более продвинуты в решении проблемы дуализма корпоративных интересов и профессиональной этики журналиста, они содержат конкретные ориентиры и приоритеты. Возможно, такая полноценность документов связана с тем, что экономические отношения, ставшие одной из причин превращения редакций в бизнес-субъекты со своими корпоративными интересами, в зарубежной журналистике появились гораздо раньше, чем в отечественной журналистике. В отечественных реалиях за изменениями пытались успеть разве что редакции конкретных СМИ, но институт саморегулирования в целом оказался неповоротливым.

Тем не менее, имеется определенный отечественный опыт кодифицирования, который содержал предпосылки и конкретные наработки для включения темы дуализма двух нормативно-ценностных подсистем в документ.

Проект «Тюменская этическая медиаконвенция»

Показательным в этом отношении представляется проект по созданию «Тюменской этической медиаконвенции» (ТЭМК).

В свое время в процессе работы над этим документом ее авторы сосредоточились на проблемах профессионально-нравственной идентичности журналистов и собирания профессионального сообщества вокруг правил и норм профессии. Тема конфликта двух нормативно-ценностных подсистем прямо не проблематизировалась в работе над ТЭМК. Однако предварительно она обсуждалась на специ-

альном семинаре «Журналист-редактор-собственник» [13, 19-26]. При этом его результаты не вошли в содержание конвенции: вероятно, в то время эта тема не была столь актуальной – в сравнении с идентичностью профессии и собиранием сообщества.

В связи с этим Ю.В.Казаков (на тот момент – эксперт Фонда защиты гласности) подчеркнул: «“не заметив” корпорации-организации, ТЭМК как бы не заметила и реальной меры несвободы журналиста на рабочем месте, его зависимости от менеджеров крупной медиакорпорации, особенно в сфере электронных СМИ, и от ее реального владельца, хозяина. Тот факт, что прочтение долженствования в наших медиа слишком часто задается, предписывается журналисту не “горизонтальным” кодексом (кодексом корпорации-ассоциации) и даже не редактором, а менеджером, представляющим интересы владельца, или же самим владельцем, по ходу семинаров, конечно же, обсуждался. А вот в текст документа не попал – даже и назывным предложением. Независимо от того, почему так случилось, в конвенции-документе в итоге оказалась не обозначенная территория серьезного, жесткого внутрикорпоративного (внутри “вертикальной” корпорации) конфликта, в котором безусловно зависимый от работодателя журналист сплошь и рядом имеет дело с единственной доступной ему свободой выбора: между рабочим местом (в редакции) – и местом на улице (на свалке, а не на рынке журналистского труда, даже и в городе средней величины практически отсутствующем)» [1, 171].

На наш взгляд, профессиональному сообществу журналистов, участвовавшему в проектировании ТЭМК, пришло время задуматься о необходимости внести правки в документ или вовсе модернизировать его. Какие предложения можно сформулировать?

Во-первых, обновление повестки дня, предполагающее, прежде всего, новую диагностику ситуации в журналистике – в ее соотношении с ситуацией в обществе и в СМИ-индустрии. Не менее значима и диагностическая работа с точки зрения самопознания профессии.

Во-вторых, опора новой версии этого профессионально-этического документа на достигнутые исследователями феномена профессии результаты в разработке концептуальных оснований трактовки темы дуализма нормативно-ценностных систем профессии и корпорации.

В-третьих, необходимость рефлексии места темы корпоративной этики в рамках профессионально-этического документа.

В-четвертых, организации дискурса профессионального сообщества о роли институтов, на которых основано будущее профессии в эпоху ее все возрастающей корпоративизации.

**Опыт программирования дискурса
времен проектирования ТЭМК**

В рамках проектирования конвенции АНКО провела семинар «Журналист – Редактор – Собственник» [13,19-26]. Для описания проблемной ситуации, организующей дискурс, послужили два высказывания. Одно – фрагмент из интервью с В.С.Горбачевым (на тот момент – «Тюменская правда сегодня»): «“Четвертая власть” как власть журналистов – это химера. Действительно, СМИ – это власть, но власть не журналистов, а издателей. Журналист здесь только наемный работник, как его не назови. ...Прежде всего, такую конвенцию между собой должны заключить издатели – никому не светит участь безработного».

Другое суждение – по поводу кризиса Хартии НАТ. Почему Хартия «села на мель»? «Хартию НАТ подписывали честные и порядочные люди. Но они – генеральные директора каналов, а на самом деле на каналах все решают владельцы, которые ничего не подписывали. Это похоже на ситуацию, как если бы собрались лондонские дворцовые и написали правила поведения для джентльменов, посещающих клуб».

Более того, консультант проекта по созданию ТЭМК Ю.В.Казков (Национальный институт прессы. Москва) обозначил для каждой группы участников семинара проблемное поле, конкретизировал вопросы.

- Для журналистов: при каких условиях позиция редактора способна восприниматься журналистом как цензура, недопустимое ограничение его права на свободу самовыражения? Как часто у рядовых журналистов возникает ощущение такого рода? Каким образом можно было бы минимизировать «встроенную» угрозу редакторского подавления авторской позиции журналиста? Не являются ли одним из выходов защиты авторской позиции журналиста профессионально-этические нормы в виде Кодекса редакции конкретного СМИ?

- Для редакторов: нуждается ли в «нормативной» защите от произвола собственника редактор, и если «да», то в какой форме может конструироваться и выступать эта защита на внутрикорпоративном уровне? Как обеспечить редактору тот уровень внутренней свободы, который позволял бы себя уверенно чувствовать и журналисту, который уважает и соблюдает закон, уважает достоинство граждан, работает в режиме «профессионально правильного» поведения на всех этапах подготовки материала?

- Для издателей-собственников: нуждается ли в специальной кодической артикуляции «регулирующей» позиции собственник, вынуж-

жденный опираться в своих взаимоотношениях со СМИ (и, главное, в своих взаимоотношениях за пределами СМИ, во внешнем, по отношению к корпоративному субъекту, миру) далеко не только на Закон РФ «О СМИ», но и на массу других законов, нормативных актов, а то и «понятий»? Что может сделать сама корпорация для того, чтобы собственник СМИ был в наибольшей степени защищен от неправового внешнего давления (от власти и криминалитета – до «общественности»), деформирующего затем всю систему внутренних взаимоотношений в рамках конкретных СМИ и отражающемся как на качестве конкретного корпоративного «продукта», так и на репутации конкретных членов корпорации и корпорации в целом?

- Желательна ли, полезна ли разработка специальных «кодексов поведения» или кодексов внутренних взаимоотношений конкретных СМИ? Возможны ли согласованные «правила игры» для системы отношений «журналист-редактор-собственник»? Если «да», то в отношении каких «болевых точек» этой системы их стоит выстраивать в первую очередь?

Анализ прошедшего много лет назад семинара показывает, что поставленные перед его участниками вопросы были интереснее и дальновиднее поисков ответов на них. Более того, в начале обсуждения собравшиеся едва ли не опровергли актуальность предложенной темы: это «конфликты прошлого», еще тех времен, когда в Тюмени было всего две газеты, и не согласные с политикой издания журналисты вынуждены были терпеть. «А теперь сколько угодно газет. Не нравится здесь – иди в другую. Сегодняшние конфликты – частного характера» (В.С.Горбачев). Тогда организаторы семинара привели конкретный пример реального столкновения интересов собственника и журналиста. «Журналистка, проработавшая в газете более двадцати лет, журналистка с именем, отдает редактору материал. Тот делает небольшую приписочку к этому материалу, ориентируясь на приоритеты нового собственника газеты. Увидев – уже в опубликованном виде – свой материал, журналистка возмутилась. Редактор же на ее возмущение сказал, что у газеты изменился собственник и необходимо выражать его интересы. В итоге журналистка ушла из темы, в которой она работала двадцать лет» (М.В.Богданова. Центр прикладной этики).

Затем перед участниками семинара был поставлен еще один вопрос: как редактор должен выстраивать свои отношения с журналистами и собственниками? Анализ ответов позволяет выстроить определенную классификацию.

Первый подход. Со сменой собственника меняется и политика издания, и цель редактора – вести газету курсом, который определил

собственник. Журналист при этом волен выбирать соответствующую его взглядам редакцию. «Если творчество журналиста совпадает с направлением редакции, он работает, сохраняя индивидуальность, собственное мнение, позицию. Если у журналиста появился другой взгляд, ему плыть на другом корабле» (В.Н.Битюков. ГТРК «Регион-Тюмень»).

Второй подход. Для редактора главными остаются профессиональные правила. «Я прошу своих сотрудников, когда они готовят какой-то материал, разобраться и быть уверенными в том, что они пишут. А дальше сам редактор перед собственником несет ответственность за то, что написал журналист. Иначе, прошу прощения, произойдет протитуирование нашей профессии» (Р.С.Гольдберг).

Третий подход. Редактор выбирает позицию «середины», редактор – буфер, редактор – дипломат. «Редактор сегодня должен быть буфером между журналистами и собственниками, должен быть дипломатом, должно быть взаимопонимание и с собственником, и с журналистом. Он должен из любой ситуации выйти так, чтобы материал, достойный эфира или публикации, ушел в эфир» или был опубликован (Э.З.Юрченко. ТРТР).

В процессе дискуссии В.П.Юкечев (директор Новосибирского Национального института прессы) привел пример отношений коллектива редакции и собственника, процитировав кодекс газеты «Вашингтон пост»: «Газета в своих расследованиях идет как угодно далеко, даже если это может принести вред ее владельцу». Чтобы такого рода кодекс стал выполнимым, по мнению Юкечева, нужна единая корпорация журналистов, в которую бы входили и владельцы газет. Другое дело – если владельцы предприятий, к примеру, действуют в интересах прибыли, то владельцы медиарынка (российского) стараются извлечь из СМИ другой доход: у них преобладают интересы политические, идеологические и др.

На что Ю. В.Казаков напомнил логику профессионально-этических взаимоотношений внутри информационных организаций в европейских требованиях, зафиксированных еще в 1993 году: «издатели и журналисты должны сосуществовать, помня о том, что законное уважение идеологической ориентации издателей и владельцев должно быть ограничено абсолютными требованиями достоверности информационных сообщений и соблюдением профессионально-этических норм журналистики». У нас, – сказал Ю.В.Казаков, – очень плохо защищены права редактора. По отношению к собственнику в том числе, по отношению к собственнику государственному – еще хуже. Эти права нигде не прописаны. Особенно по отношению к финансовым группам, которые формально, по европейским позициям,

не должны оказывать воздействие на редакционную позицию. Но есть резолюция по журналистской этике Совета Европы, в которой шесть позиций одной из статей специально посвящены проблеме взаимоотношений внутри этого корпоративного мини-сообщества. При этом речь идет не только о проблеме обуздания амбиций и претензий собственника, но и о проблеме его защиты. И если мы с вами говорим о корпорации, то в той же степени, в какой возможны внутренние конфликты, должна возникать система внутренней самозащиты.

Попытку осмыслить ценности и нормы взаимоотношений в системе «журналист-редактор-собственник» предпринял С.А.Фатеев, который на момент проведения семинара выступал сразу в нескольких ипостасях: как собственник-соучредитель телекомпании «Ладья», как ее генеральный директор, исполняющий функции главного редактора, как журналист в своей телекомпании и как сотрудник радиостанции «Маяк». «Я на себе испытываю конфликтность этой системы». Как журналист «Маяка», который сотрудничал с радиостанцией 36 лет, С.А. Фатеев столкнулся со сменой ориентиров. «Радиостанция, которая всегда отличалась объективностью, достаточной долей правдивости, определенной независимостью, в последнее время довольно резко изменила свою ориентации. С нас требуют такие материалы, о которых прежде мы и подумать не могли: против кого-то, за кого-то. Мы с этим внутренне согласиться не можем и пытаемся сопротивляться: либо по какой-то причине вовсе не сделать материал, либо акценты в нем расставить так, как считаем нужным. Проблемы были, тем не менее сейчас на «Маяке» возобладал здравый смысл, понимание того, что нельзя резко менять ориентацию. И мы, те, кто придерживался здравого смысла, в общем-то оказались победителями».

Что происходило в «Ладье»? Сменился один из акционеров. «При первой же встрече мы постарались выяснить его позицию в отношении политической ситуации, в отношении концепции нашего канала, которая записана в уставе. Сегодня мы совершенно определенно знаем, что его позиция совпадает с нашей. Хотя было много споров, были и элементы давления, тем не менее мы с собственником нашли консенсус и уверены, что в ближайшем будущем резких изменений в нашей концепции не произойдет».

Есть и свои «правила игры» журналистского ремесла внутри телекомпании: быть достоверными, взвешенными, не допускать экстремизма, крайних оценок, проверять и перепроверять информацию, давать разные точки зрения и т.п. «К сожалению, не все приняли эти «правила», им пришлось уйти». По мнению С.А. Фатеева, «редактору,

руководителю издания надо, действительно, быть дипломатом, политиком – для того чтобы сохранить коллектив, не дать его развалить при резких телодвижениях собственника и, в то же время, убедить собственника в том, что для него важнее сохранить творческий потенциал данного коллектива, чем решить сиюминутные политические задачи».

Стремясь проблематизировать намерение кодифицировать систему взаимоотношений в системе «журналист-редактор-собственник», В.П.Юкечев отметил: «Еще вчера, когда все мы были только редакторами и репортерами, мы представляли собой единую корпорацию, тесно сплоченную в Союзе журналистов. Но способны ли мы включить в журналистское сообщество, то есть в информационную корпорацию, владельцев газет? Ведь они действуют по другим правилам, они и должны действовать по другим правилам, потому что интересы бизнеса – это извлечение прибыли. При этом, кто сегодня на медиарынке играет по этим правилам – учреждает газеты и телекомпании с точки зрения получения прибыли? Абсолютно никто. Сегодня средства массовой информации используются для других целей, для несвойственных им целей, для извлечения других дивидендов – политических, идеологических, административных и так далее». По мнению В.П. Юкечева, очень важна последовательность в создании правил: регуляция поведения владельцев, затем – редакторов и журналистов между собой, затем – между ними и владельцами.

Программа семинара в целом была спроектирована скорее «на вырост». Его тема, уже в те времена ставшая инновационной, сегодня является одной из важнейших среди профессионально-этических проблем. И без ее решения последующие акты профессионально-нравственного нормотворчества уязвимы – это замечание ведущего семинара и руководителя большого проекта по формированию ТЭМК В. И. Бакштановского резонно и сегодня.

Подводя итог анализа потенциала ТЭМК в регулировании ситуаций конфликтного дуализма нормативно-ценностных систем журналистской профессии и корпорации-организации, отметим: этот потенциал был заложен в самой идее проектирования документа и остался в качестве основной задачи для модернизации Конвенции.

Медиаэтический стандарт

Общественной коллегии по жалобам на прессу

Представляется, что наиболее эффективным в отечественной системе саморегулирования профессии журналиста сегодня является проект Медиаэтического стандарта-2015 [6], разработанный Общественной коллегией по жалобам на прессу (ОКЖП). Как заявляют разработчики, Медиаэтический стандарт (МС) представляет собой

«практичную “первооснову” важнейших профессиональных принципов, норм и правил поведения журналиста», на которые ориентируется ОКЖП при рассмотрении информационных споров. В этом смысле МС – одновременно ориентир и для журналистов, и заинтересованных граждан, и для самой ОКЖП.

Обращаясь к Медиаэтическому стандарту в поисках ориентиров для регулирования конфликтов, связанных с ситуацией дуализма двух нормативно-ценностных подсистем, необходимо отметить, что прямое отношение к теме нашего исследования пока имеет Принцип № 4 «Профессиональная честность журналиста»: «Профессиональная честность запрещает журналисту представлять частные или корпоративные интересы, вступающие в противоречие с общественным благом». Но в конкретизации принципа – «Профессиональные нормы и правила» – нет соответствующей нормы или правила.

Более того, и сама формулировка «частные или корпоративные интересы» тоже является слишком общей, она отсылает к тому или иному предприятию-организации, с которыми в своей работе сталкивается журналист. А если речь идет о корпоративных интересах редакции, где работает журналист? Поэтому, как представляется, толкование этого принципа необходимо уточнить, имея в виду возможный конфликт требований редакции-корпорации и норм, на которые в своей деятельности ориентируется журналист-профессионал.

Профессионально-этический кодекс университета

В качестве возможной модели согласования конфликта двух нормативно-ценностных подсистем наша журналистика может обратиться к опыту исследователей университетской этики, отраженному в Профессионально-этическом кодексе ТюмГНГУ (сегодня – Тюменский индустриальный университет). Его разработчики из НИИ прикладной этики смогли определить природу дуализма профессиональной этики научно-образовательной деятельности и корпоративной этики университета как корпорации-организации и предложили способы разрешения такого дуализма в рамках университетских этических документов [См.: 8].

Так, в специальном разделе кодекса «Университетский профессионал в ситуации конфликта требований профессиональной и корпоративной этик» авторы определяют моральные риски, возникающие в результате пренебрежения ролью профессиональной этики и предлагают ориентир для «снятия» таких рисков – это «*служебная* роль корпоративной этики и приоритетная роль этики профессии». Кодекс показывает, что ситуация «дуализма корпоративной самоидентификации университета» имеет свое разрешение – системное согласование требований двух этик: «В таком согласовании интере-

сы корпорации – скорее *средство*. Очень важное средство – без корпоративной организации базовые профессии научно-образовательной деятельности современных университетов бессильны. Но все же *средство*, а *цель* – ценностные ориентиры *высокой* профессии» [1, 198-212].

Характерна проведенная силами НИИ ПЭ модификация этого документа – прежде всего с точки зрения первых шагов в сторону смягчения сформулированной в кодексе категоричности относительно решения требований двух нормативно-ценностных подсистем. Основные концепты нового документа оформлены в формате «Декларации ценностей и норм университетской корпорации» [2, 246] как способа «выстраивания и удержания баланса этики научно-образовательной корпорации и этики университета как корпорации-организации» [2, 167]. Одно из основных намерений – «удержать идентичность Университета как научно-образовательной корпорации». Но при этом авторы документа признают, что «университетские профессионалы выступают и субъектом корпорации-организации». Определенная зависимость базовых профессий от корпоративной организации, конечно, предполагает «лояльность профессионалов к интересам корпорации-организации и солидарность с ее ценностями». Однако лояльность эта – не «перенос ответственности за моральный выбор с индивида на организацию и не подмена профессионального достоинства безропотным исполнением». И «авангардная роль принадлежит собственно Профессору – именно он определяет сегодня лицо университета. И не только формирует компетенции, но и задает моральные ориентиры деятельности университета, в том числе через созданные и формирующиеся научно-педагогические школы».

Как же в этом документе профилируются моральные риски дуализма? В качестве ориентира в подобных ситуациях предлагается «системное согласование в жизни университета двух конфликтующих этик: профессиональной и корпоративной». Определены и приоритеты – это «ценности базовых профессий научно-образовательной деятельности», что «в конечном счете работает на социальное доверие к университетской корпорации, на ее репутационный капитал» [2, 174]. На данный момент «Декларация ценностей и норм университетской корпорации» – это концепция, которой еще предстоит «развертывание в завершённый документ этической инфраструктуры университета».

Как представляется, опыт этического нормотворчества университета в ситуации дуализма профессиональной и корпоративной

этик мог бы послужить примером этического решения проблемы дуализма в журналистике.

Опыт регулирования ситуаций дуализма профессиональной и корпоративной нормативно-ценностных систем в практике ОКЖП

Общественная коллегия по жалобам на прессу – единственный российский орган со- и саморегулирования в сфере массовой информации [8], который рассматривает жалобы аудитории средств массовой информации на нарушение профессиональной этики журналиста и медиаэтики, а также жалобы, затрагивающие права человека в сфере массовой информации. Первой и главной практической задачей Коллегии является внесудебное разрешение конкретных информационных споров.

Принципы, на которые опирается коллегия, цели, которые она преследует, нормы и правила, которыми руководствуются члены Коллегии, принимающие участие в рассмотрении информационных споров, изложены в Уставе Общественной коллегии.

Случаи конфликта норм профессиональной этики журналиста и корпоративной этики СМИ в опыте Общественной коллегии по жалобам на прессу рассматриваются в логике «редакционная политика и общественный интерес» или «корпоративный интерес – общественный интерес». В обсуждениях жалоб, в решениях, в экспертных заключениях ОКЖП – как размещенных на сайте, так и зафиксированных в «Настольной книге по медийному саморегулированию» (Избранные решения Большого жюри Союза журналистов России и Общественной коллегии по жалобам на прессу – 1998-2013) [7] – нет терминов типа «дуализм ценностных систем», «корпоративизация СМИ», «конфликт нормативно-ценностных систем». Но, как показал наш анализ рассмотренных ОКЖП информационных споров этой категории, они вполне соответствуют модели конфликтного дуализма двух этик. Но в практике ОКЖП их пока не так уж много (два решения попали в «Настольную книгу по медийному саморегулированию», еще два – на сайте Общественной коллегии). И тому можно найти объяснение. Во-первых, такие конфликты, как правило, носят внутривнутриредакционный характер, поэтому чаще всего стороны предпочитают не выносить сор из избы. Во-вторых, исключительно для внутреннего пользования остаются и документы, в которых могут быть зафиксированы корпоративные «правила игры» СМИ (по крайней мере, попытки обнаружить в сети Интернет подобные документы не увенчались успехом).

На страницах журнала «Ведомости прикладной этики» мы уже рассматривали один из типичных примеров (схожий с «казусом Пар-

фенова») конфликта нормативно-ценностных систем журналистской профессии и редакции-корпорации, в которой работает журналист [14, 215-223]. Кратко напомним его суть: журналист Н.В.Попова обратилась в ОЖП с жалобой на руководство редакции газеты «Аргументы недели» за сокрытие информации, представляющей общественный интерес [7, 236-262].

Дело в том, что главный редактор закрыл в газете отдел расследований, где Н.В.Попова вела горячую «атомную тему». Параллельно редакция заключила финансовое соглашение с Росатомом, и «газета оказалась служанкой у Росатома». В итоге – журналист уволчилась, а читатели лишились правдивой информации о состоянии атомных объектов. Вместо аналитических материалов – пиаровские тексты, согласованные с компанией.

Коллегия признала, что в данном случае «фундаментальное право граждан на информацию оказалось поставлено под вопрос руководством редакции. Подписав договор «об информационном сотрудничестве», обеспечивающий продвижение и защиту преимущественно корпоративных интересов (как ведомственных, так и редакционных), руководство редакции... по факту лишило читателей доступа к информации, не процеженной через корпоративные PR – фильтры». Эксперты Коллегии отметили также, что подобный случай (заключение договора об информационном обслуживании, который искажает редакционную политику издания) в отечественной журналистике – довольно распространенный. Но, убеждены эксперты, в отличие от редакции у журналиста всегда остается выбор: оставаться в поле профессии или подчиниться интересам редакции.

В качестве ориентира Коллегия напоминает базовое положение Резолюции 1003 (1992) по журналистской этике. «В отношениях, в которые журналисту приходится вступать с властями или различными экономическими подразделениями в процессе выполнения своих обязанностей, следует избегать любого рода соглашательства, которое могло бы повлиять на независимость и беспристрастность журналистики». И еще одно важное заключение: «Редакционная политика СМИ, рассчитывающего на профессионализм своих журналистов и уважающего своего читателя, определенно не должна вступать в противоречие с базовыми и при этом именно нормативными представлениями о журналистской этике».

В комментариях к рассматриваемому разделу «Настольной книги по медийному саморегулированию» М. А. Федотов еще раз подчеркивает, что в «укоренении представлений о принципиальном отличии бизнеса в сфере массовой информации от журналистики как свободной профессии и разновидности публичной службы» ведущую

роль играет «именно развитие механизмов медийной саморегуляции» [7, 214]. В качестве подтверждения автор приводит тоже зарубежный опыт. Оказавшись в ситуации дуализма профессиональной этики и корпоративной этики СМИ, зарубежный журналист имеет два варианта выхода. Во-первых, он может обратиться к соглашению, заключенному между журналистским сообществом и владельцами СМИ, или воспользоваться существующими механизмами саморегуляции, связанными с применением этических норм. Во-вторых, журналист может воспользоваться конституционной нормой (или статьей Трудового кодекса), которая позволяет прекращать профессиональные отношения с конкретным СМИ и требовать компенсации, если произошли «значительные изменения в характере или направлении издания, если эти изменения создают для журналиста ситуацию, наносящую ущерб его чести, репутации либо моральным интересам».

В отечественных реалиях в сложной ситуации дуализма двух малых нормативно-ценностных систем журналист пока остается один на один с проблемой выбора. Профессионалы просто покидают рабочее место: одни (как, например, Л. Парфенов и Н. Попова), уведомляя общество о нарушениях права на информацию. Но большинство, скорее всего, увольняются «без комментариев», просто меняют работу. Как показывают выводы экспертов Коллегии, разделяя редакционную политику, которая сменила курс с профессиональной этики на этику корпорации, журналист не только идет на компромиссы, но уже сам нарушает этические нормы профессии. Например, когда после добросовестных материалов соглашается на работу по заказу (Кодекс профессиональной этики российского журналиста гласит: «Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространенного за его подписью, под его псевдонимом или анонимно, но с его ведома и согласия»).

В приведенных в качестве примера случаях, как и в «случае Парфенова», отношения выясняются между журналистом и редакцией, причем пострадавшей стороной чаще всего являются журналисты. Это подтверждает мнение о том, что подобные конфликты, хоть и не редки, но носят внутриредакционный характер. Но следующий конфликт является свидетельством того, что на дуализм редакционной политики (корпоративного интереса или ценностей) и профессиональных ценностей журналистики могут обращать внимание не только журналисты, но и представители общества, которые обнаруживают негативные результаты этого феномена.

Читательница газеты «Известия» (журналистка другого издания) обратилась с жалобой [7, 222-236] на то, что ее любимая газета

«желтеет на глазах». И «за некоторые публикации становится просто стыдно». Заявительница приводит в пример конкретную статью, в которой, по ее мнению, в каждой строчке «бестактность и злоба». В отличие от предыдущей жалобы (и случая Парфенова) на смену редакционной политики обращает внимание не журналист, работающий в издании, а читатель. Конфликт проявляется в том, что читательница берет в руки газету, по давней привычке примеряя к ней ценности и нормы качественной журналистики, которая руководствуется профессиональной этикой. Но сталкивается с новым редакционным курсом, в котором корпоративные ценности имеют приоритет.

Как обращает внимание Коллегия, с одной стороны, определение редакционной политики – право редакции, в том числе как коммерческого предприятия. С другой стороны, читатель тоже свободен в определении своего отношения к изменениям политики издания. И ответственное СМИ вряд ли может игнорировать мнение своего читателя. Цивилизованная мера урегулирования такого конфликта – институт пресс-омбудсмана – как средство публичной защиты интересов представителей аудитории. Однако в нашей стране такой должности нет. Поэтому у читателя остается один выход: «Если газета не идет к читателю, то читателю следует пойти к другой газете» (мнение эксперта В. Надеина) [7, 236].

Другой информационный спор [4], рассмотренный ОКЖП, представляет собой иной тип конфликта нормативно-ценностных подсистем журналистики и редакции-корпорации. В данном случае в редакции-корпорации не только переплелись информационные и бизнес-отношения, но приоритет в этом несвойственном для журналистской профессии сотрудничестве отдан именно бизнес-интересам.

В числе пострадавших – крупный холдинг «Управляющая компания ЭФКО», который и обратился в ОКЖП с жалобой на нарушение журналистами норм профессиональной этики. СМИ-адресат жалобы (Агентство Бизнес Информации) является одной из структур ABIREG.RU, который совмещает формат информационного и PR-агентства (и руководитель у этих структурных подразделений – один). После отказа заключить с Агентством договор на информационное обслуживание оно занялось целенаправленной информационной кампанией по дискредитации «ЭФКО».

Коллегия находит, что тесное сближение двух структур (редакции и PR-агентства) представляет угрозу, в том числе, безопасности общества, и не может быть признана нормальной, допустимой с точки зрения медиаэтики. Сотрудник PR-агентства не может быть «профессиональным журналистом». Он может быть разве что сотрудником «с опытом работы в журналистике»: ровно потому, что занимает-

ся в PR-агентстве определенно не журналистской деятельностью, даже и работая с текстами публикаций. Таким образом сотрудники Агентства оказались в кризисе самоидентификации и запутались в специфике двух профессий: журналистике и PR.

Анализ практического опыта регулирования дуализма профессиональной и корпоративной нормативно-ценностных подсистем показал, что отечественные профессионально-этические документы не содержат ориентира для решения конфликтных ситуаций, возникающих при такого рода дуализме в журналистике. Возможно, конфликт «снимается» (или, наоборот, возникает и обостряется) благодаря нормам и правилам, зафиксированным в редакционных документах. Но пока они остаются с грифом «для внутреннего пользования» о том или ином развитии ситуации можно только догадываться. Но судя по известным случаям, этот конфликт заканчивается не в пользу профессионализма журналиста. А имплицитный характер этого конфликта подрывает и ценностную основу профессии.

Именно поэтому при модернизации существующих профессионально-этических документов или проектировании новых инструментов этического регулирования необходимо учитывать ситуацию, в которой оказались большинство журналистов и редакций: между ценностями и нормами своей профессии и корпоративными ориентирами организации, в которой они работают. Тем более, что у разработчиков новых норм есть от чего отталкиваться в этой работе: в первую очередь – это зарубежный опыт, определенным потенциалом обладают и отечественные механизмы саморегулирования.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 2. Кодексы, которые нас выбирают: этическое проектирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики/ Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010.
2. *Бакштановский В.И.* Кодекс этики или стандарт легальности? Концептуальный замысел обновления этической инфраструктуры трансформирующегося университета // Возвращение этики успеха? Ведомости прикладной этики. Вып. 48 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016.
3. «Декларация принципов этики профессионального сообщества журналистов России» – [электронный документ] URL: <http://medialawca.org/posts/04-03-2014/79622.html>.
4. Жалоба на «Агентство Бизнес Информации» из-за серии негативных статей – Решение Коллегии – [электронный документ] URL:

<http://www.presscouncil.ru/index.php/praktika/postupivshie-zhaloby/3937-zhaloba-kampaniyu-agenstva-biznes-informatsii-protiv-firmy-efko?showall=&start=8>.

5. Казаков Ю.В. Казус Парфенова. Часть третья. Вокруг «Парфенона» // «ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика». № 9–12 (93–96), сентябрь–декабрь 2004 г. – [электронный документ] URL: [http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2004_93_96\(9-12\)/kazakov.htm](http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2004_93_96(9-12)/kazakov.htm).

6. Медиаэтический стандарт-2015 – [электронный документ] URL: <http://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015>.

7. Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып.3 //Избранные решения Большого жюри Союза журналистов России и Общественной коллегии по жалобам на прессу (1998-2013) / Под ред. Ю.В. Казакова, М.А. Федотова. М.: Творческий центр ЮНЕСКО, 2013.

8. О Коллегии – [электронный документ] URL: <http://presscouncil.ru/index.php/kollegiya/osnovnoe>.

9. *Письменная Е.В.* Профессиональная этика в деловой прессе. М., 2004.

10. Профессиональная этика журналистов: в 2 т. Т. 1. Документы и справочные материалы. М.: Галерея, 1999.

11. Самоопределение университета: путь реально-должного. Коллективная монография / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2008.

12. *Телень Л.* Кто из какой корпорации? // Московские новости, 04-10.06.2002.

13. Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтос. Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2000.

14. Университетская этика: актуальная повестка дня. Ведомости прикладной этики. Вып. 47 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015.

И.Ю. Алексеева

УДК 17.01

Нужен ли историку этический кодекс?

Аннотация. Поднимаемый российскими историками вопрос о целесообразности создания профессионального этического кодекса рассматривается в статье с учетом результатов исследований общих проблем прикладной и профессиональной этики. Уделено внимание «Стандартам профессионального поведения» («Statement on Standards of Professional Conduct (updated 2017)»), принятым Американской исторической ассоциацией. Вопрос о статусе этики историка в культуре рассматривается в контексте теории культурных систем В. Н. Ивановского.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика историка, этический кодекс, теория культурных систем.

Прозвучавшие в последнее время заявления российских ученых о целесообразности создания «кодекса историка» [5] являются достаточно серьезным поводом для того, чтобы использовать в обсуждении этого вопроса имеющийся отечественный опыт изучения проблем кодификации этических норм в других профессиях. Имеет смысл привлечь во внимание и опыт кодификации стандартов профессионального поведения в зарубежных сообществах историков.

Развернувшаяся в условиях мировой информационной войны «война историй», включающая в качестве составной части «войну историй России», делает весьма актуальной проблему правил, регулирующих поведение профессионального историка – как в собственно исследовательской деятельности, так и в публичном пространстве. Несомненно, подобные правила могли бы стать предметом дискуссии в отечественном историческом сообществе. Однако нельзя согласиться с тем, что этические нормы в этой области являются лишь делом будущего, что их только предстоит выработать, а в настоящее время они якобы отсутствуют.

Выражение «профессиональная этика» применительно к той или иной сфере деятельности употребляется, по крайней мере, в следующих смыслах. В первом – это совокупность этических норм, регулирующих профессиональную деятельность в данной области, и образцов профессионального поведения. В такой совокупности высок удельный вес так называемых неписаных правил. Здесь присутствуют обычаи, которым люди могут следовать, не задумываясь (или почти не задумываясь) об их смысле. Лишь небольшую часть этой совокупности составляют явно сформулированные правила этики и профессионального поведения. Некоторые из этих правил совпада-

ют по содержанию с юридическими нормами, с административными установлениями. Например, если речь идет об этике инженера – с правилами техники безопасности, а применительно к историкам, работающим в архивах и музеях – с правилами хранения документов и экспонатов. Получая профессиональное образование, человек усваивает не только естественно-научные, гуманитарные или иные знания, но неизбежно также – ценностные ориентиры, образцы поведения, одобряемого профессиональным сообществом, и примеры поведения осуждаемого. Профессиональная этика в этом смысле (как вся совокупность этических норм профессионального поведения) существует с тех пор, с каких существует соответствующая профессия.

Профессиональная этика во втором смысле является частью профессиональной этики в первом смысле и представляет собой, прежде всего, совокупность «писанных» правил, – явно сформулированных, систематизированных, сведенных в этический кодекс, принимаемый некоторой организацией. Принятию подобного кодекса, его применению, внесению в него изменений и т.д. сопутствуют дискуссии по проблемам профессионального поведения. Наибольшая степень артикулированности и систематизированности норм профессионального поведения сегодня характерна для США. Вместе с тем в последние полвека тенденции кодификации в области профессиональных этик и этик сфер деятельности появились и усиливаются в самых разных странах, в том числе и в России. Это не может не сказываться на понимании профессиональной этики философами. Так, Р.Г.Апресян пишет: «...говоря о профессиональной этике, я имею в виду главным образом ценности и нормы профессиональной деятельности (систематизированные в некоем, того или другого типа, нормативном документе), а также рефлексию (разной степени специализированности) относительно нормативных оснований профессиональной деятельности, в частности, выраженную в консультативном сопровождении нормативной практики, в том числе и в ее институционализированных формах» [3, 77].

Профессиональная этика в третьем смысле – это область научных исследований и учебный предмет. Примером могут служить этика биомедицинских исследований, врачебная этика и деонтология, педагогическая этика. В США в середине XX века сложилось, а к началу XXI века получило распространение в высших учебных заведениях такое научное направление и учебная дисциплина, как инженерная этика.

Учитывая сказанное, можно утверждать, что этика историка как совокупность норм, ценностей и образцов профессиональной деятельности существует во всех странах, где существует историческая

наука. Наша страна в этом отношении – не исключение. Однако сегодня назрела необходимость в том, чтобы выйти на новый уровень в осмыслении ценностей, норм и образцов, чему способствовала бы не только профессиональная дискуссия историков, но и широкая общественная дискуссия.

Станет ли результатом такой дискуссии принятие этического кодекса историков? Если да, то каковы будут качества такого кодекса? Не возникнет ли очередная отписка, не оказывающая ощутимого влияния на исследовательскую и педагогическую деятельность, на распространение исторических знаний в обществе? Или, напротив, будут заданы слишком жесткие рамки идеологических ограничений? Последнее стало бы очередным парадоксом в обществе, где нет официальной идеологии.

Ранее мы писали о существующем среди ученых скептическом отношении к этическим кодексам вообще и о принципиальном отказе признавать за подобными кодексами статус собственно этических [2]. Некоторые аргументы в пользу подобных позиций заслуживают того, чтобы воспроизвести их здесь. Прежде всего, противники этических кодексов считают противоречащими самой природе этики идею организационных санкций, применяемых профессиональными ассоциациями к нарушителям закрепленных в кодексе норм. С этой точки зрения, акцентирующей свободу субъекта морального действия, кодексы профессионального поведения трактуются как имеющие квазигосударственный характер. Этика же рассматривается как предполагающая открытую, рефлексивную, критическую интеллектуальную деятельность и уважение к моральной автономии личности. Максимум, на что могут претендовать в таком случае этические кодексы – это статус клубных правил.

Добавим к сказанному, что ситуация, когда в одной сфере профессиональной деятельности существует множество видимых и невидимых «клубов», каждый из которых имеет свои писанные (а чаще неписанные) правила, весьма характерна для гуманитарных наук. Противоречия, существующие между такого рода «клубами», нередко обусловлены скорее разными вкусовыми предпочтениями, чем уровнем профессионализма, а в случае с историческими, социологическими и политическими науками – еще и гражданскими позициями ученых, их видением желаемого будущего стран и народов. «Консолидированное мнение профессионального исторического сообщества» может быть достигнуто лишь по таким вопросам, которые и сегодня не порождают серьезных конфликтов, касающихся исторической памяти, и «битв за историю».

Обсуждая вопрос об этическом кодексе отечественных историков, имеет смысл поинтересоваться: существует ли нечто подобное у историков за рубежом и может ли зарубежный опыт помочь в решении проблем российского профессионального сообщества. В этом контексте заслуживает внимания документ под названием «Стандарты профессионального поведения» («Statement on Standards of Professional Conduct (updated 2017)»), принятый Американской исторической ассоциацией в 1987 году, переработанный в 2005-ом, с поправками 2017 года.

Автор этих строк, не будучи историком, но оценивая содержание данного кодекса с позиций одного из представителей российского общества, признающих особую роль исторической науки в формировании общественного сознания и самосознания, не может не воспринять положительно основное содержание «Стандартов профессионального поведения». «Задача историков, – утверждается здесь, – постоянно улучшать коллективное понимание прошлого посредством сложноустроенного критического диалога друг с другом, с широкой публикой, с историческими источниками (в нем участвуют чьи-то истории жизни, взятые из прошлого, и чьи-то слова); искать ответы на наиболее серьезные вопросы, с которыми мы сталкиваемся в наш век» [6]. В качестве основных ценностей историка утверждаются такие, как взаимное доверие и уважение, честность в работе с историческими источниками, признание заслуг других историков (что предполагает, в частности, недопустимость плагиата). Подчеркивается, что честность в работе не тождественна нейтральности или отсутствию собственной позиции. Необходимо понимание того, что каждая работа по истории представляет отдельный, ограниченный взгляд на прошлое. Это не означает, что любые интерпретации одинаково правомерны. Историческая наука стремится давать верные интерпретации, хотя прошедшие времена и миры прошлого доступны нашему изучению только как следы в памяти, существующей в настоящем. Историки должны понимать, что историческое знание «расположено» в конкретном месте и времени, что все интерпретации выражают какую-либо точку зрения и ни один смертный не может достичь всеведения. Сведения о прошлом фрагментарны, абсолютная историческая истина нам недоступна [7].

Помогут ли декларируемые профессиональные стандарты Американской исторической ассоциации российским историкам в создании собственного этического кодекса? Этот вопрос могут решить лишь сами историки. Во всяком случае установки, относящиеся к достоверности источников, взаимоуважению и недопустимости плагиата являются общими для ученых в любых областях знания, неза-

висимо от членства этих ученых в профессиональных ассоциациях и наличия или отсутствия в таких ассоциациях этических кодексов.

Однако сама постановка задачи кодификации этических норм, которые признавались бы официально профессиональным сообществом российских историков, связана, в значительной степени, с болезненными проблемами исторической памяти нашего общества, в решении которых формулировки стандартов профессионального поведения, декларируемые американской ассоциацией, вряд ли могут помочь. Дело в том, что в основе последних лежит философия множественности исторических истин, приветствующая наличие конфликтующих взглядов. Истина истории трактуется как истина историков («Multiple, conflicting perspectives are among the truths of history»; «What is true of history is also true of historians») [7].

В современных российских дискуссиях немаловажное место занимает проблема фальсификации истории. При этом фальсификация понимается в широком смысле слова, охватывающем не только подделку, уничтожение или сокрытие документов, но также тенденциозный отбор и толкование фактов, позволяющее изобразить отсутствующие в реальности связи между фактами. Однако тенденциозный отбор и истолкование, в отличие от уничтожения и подделки, обычно подается как реализация права на собственную точку зрения и, в принципе, не противоречит представлению о множественности исторических истин. С таким представлением согласуется и право применять (или не применять) современные моральные нормы, оценивая события, происходившие в иные эпохи и в обществах с иной моралью. Реализация или отказ от реализации такого права может быть обусловлен самыми разными факторами, включая политическую позицию, зависимость от организации или финансовую заинтересованность.

Рассматривая этику историка как один из видов прикладной этики, имеет смысл принимать во внимание результаты исследований природы прикладной этики как таковой. Ранее мы рассматривали феномен прикладной этики в контексте теории культурных систем В. Н. Ивановского в связи с вопросами, касающимися инженерной этики [1]. Однако данная теория применима и к выяснению культурного статуса этики историка. Теория культурных систем, представленная в книге В.Н.Ивановского «Методологическое введение в науку и философию», изданной в 1923 году [4], становится объектом интереса современных философов после десятилетий незаслуженного забвения.

В.Н.Ивановский различал девять культурных систем, подразделяя их на три группы. Первую группу составляют мотивационные

системы, вторую – эмоциональные, третью – познавательные. К системам первой группы, имеющим дело, прежде всего с «мотивами человеческих действий», автор относит следующие: 1) сфера личных (эгоистических) интересов субъекта; 2) сфера интересов альтруистических; 3) этическая система, предполагающая действие в соответствии с осознанными нормами. Вторую «тройку» культурных систем образуют те, в которых центральное место принадлежит чувствованиям, «эмоциональному» мышлению и творчеству. В эту «тройку» входят: 4) «жизненная лирика», 5) искусство, 6) религия. Следующие три культурные системы имеют своей основой знание, «истину в собственном смысле». Здесь мышление приобретает характер не эмоционально-волевой, а познавательный. Эти системы: 7) наука, 8) философия и 9) техника. Примечательно, что философия в понимании В. Н. Ивановского, будучи одной из наук, обладает особенностями, позволяющими выделить ее в особую культурную систему и сопоставить с областью наук «частных».

Каждая из перечисленных систем имеет свою историю, развитие каждой начинается с элементарных, грубых, порой близких к зоологическим, проявлений и ведет ко все более тонким, сложным, дифференцированным и богатым содержанием формам. В.Н.Ивановский подчеркивает, каждая культурная система «...коренится в особых сторонах человеческой природы, развивается по свойственным ей законам, имеет свои критерии положительного и отрицательного, – словом, представляет собою область, принципиально отличную от других сфер культуры, хотя и стоящую со всеми ими в теснейшем взаимодействии. На это их взаимодействие в значительной мере сводится развитие, усложнение и усовершенствование каждой из них» [4, 3-4].

Какое же место следует отнести прикладной этике в этом «созвездии» культурных систем? Включает ли в себя прикладная этика некую этическую систему, предполагающую действие в соответствии с осознанными нормами? На последний вопрос следует ответить положительно: да, включает, и притом разные прикладные этики, соответствующие определенным сферам деятельности, содержат в себе различные системы норм, осознание которых становится в соответствующих ситуациях мотивом поступков человека. Это дает основание рассматривать прикладную этику как мотивационную культурную систему. Мы также можем отнести прикладную этику к числу систем познавательных. Поскольку в данной области ведутся научные исследования, происходит философское осмысление проблем и ситуаций (да и самого статуса прикладной этики), ее следует отнести и к

науке (7-я культурная система по В.Н.Ивановскому), и к философии (8-я культурная система).

Следующее утверждение может, на первый взгляд, показаться неожиданным, но прикладная этика принадлежит и к 9-й культурной системе – к технике. Дело в том, что техника как культурная система трактуется В.Н.Ивановским весьма широко. Технические системы в его понимании могут иметь дело с природой неорганической, с живой природой, а также и с человеком. К сфере техники Ивановский относит и медицину как систему приемов заботы о здоровье человека, и педагогику как учение о способах содействия воспитанию людей, и право как систему норм, с помощью которых общество стремится заставить людей выполнять одни действия и воздерживаться от других, и политику как систему планомерного воздействия одних групп людей на другие группы людей или на сферы жизни. Технической системой, по В.Н.Ивановскому, является та, где на первый план выдвигаются соображения целесообразности, эффективности, практичности, пригодности. Подобными соображениями определяется и выбор теоретических положений, которые можно использовать для «выдвигаемых жизнью целей». Техника противопоставляется философии и науке на том основании, что ее главной целью является эффективность, а не истина как таковая.

Применительно к прикладной этике это означает, что создаваемые в ее рамках кодексы являются своего рода техническими системами, служащими для самоорганизации людей и управления людьми. В этом контексте квазюридический характер этических кодексов отнюдь не является показателем «неэтичности», но свидетельствует о сложности и многогранности самого феномена прикладной этики. Таким образом, прикладную этику можно охарактеризовать как мотивационно-познавательную культурную систему, имеющую практические, научные, философские и технические составляющие. К технической (технологической) части прикладной этики относятся не только системы правил поведения, но также педагогические приемы и образовательные технологии, используемые в преподавании прикладной этики как учебного предмета.

Отнесение этики историка к 9-й (технической) культурной системе в понимании В. Н. Ивановского открывает новые перспективы для осмысления этого феномена в условиях технологизации культуры, когда, с одной стороны, получение, представление и распространение исторических знаний становится невозможным без современных информационных технологий, а с другой – сами исторические знания используются в социогуманитарных технологиях, в том числе технологиях управления исторической памятью. Последние, как пра-

вило, выдвигаю на первый план не истину и справедливость, а эффективность.

Список литературы

1. Алексеева И. Ю. Прикладная этика как культурная система // Научно-техническое развитие и прикладная этика. М.: ИФ РАН, 2014. С. 35-47.

2. Алексеева И. Ю. Этический кодекс в условиях морального релятивизма // «Что такое хорошо и что такое плохо?» в инженерном деле Ведомости прикладной этики. Вып. 44 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. С. 82-93.

3. Апресян Р. Г. Разнообразие профессионально-этических режимов и задачи нормативно-этического проектирования // Университет – центр формирования и воспроизводства этики профессии Ведомости прикладной этики. Вып. 46 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. С. 77-92.

4. Ивановский В.Н. Методологическое введение в науку и философию. Т. 1. Минск, 1923. 123 с.

5. Романов Е., Шаповалов. В России должен появиться кодекс историка // Взгляд. Деловая газета. 2017. 15 марта <https://www.vz.ru/news/2017/3/15/823848.html>. (Доступ 20.03. 2017).

6. Стандарты профессиональной деятельности. Регламенты официальной профессиональной этики. Американская историческая ассоциация – об основных ценностях и практиках профессии историка // Гефтер. Журнал. <http://geter.ru/archive/9373>. (Доступ 04.02. 2017).

7. Statement on Standards of Professional Conduct // American Historical Association. <https://www.historians.org/jobs-and-professional-development/statements-standards-and-guidelines-of-the-discipline/statement-on-standards-of-professional-conduct> (Доступ 05.03. 2017).

Е.В.Беляева

УДК 168.53; 316(075.8)

**Прикладная социология и прикладная этика:
соотношение ценностей**

Аннотация. Стремление к научной достоверности как этическая позиция в социологических исследованиях не препятствует их аксиологическому характеру. Исследования в социологии морали и в социологии труда не только исходят из определенных матриц нравственных ценностей, но имеют нравственные последствия. Прикладное социологическое исследование является и этико-прикладным.

Ключевые слова: прикладная этика, прикладная социология, ценности.

«Прикладнизация», которая охватила все сферы научного знания, свидетельствует о существенном изменении не только социальной роли науки, но и ее гносеологической природы. Наука как чистый поиск объективной истины все более уступает поиску знания-в-применении. В многообразии возможных направлений развития исследований избираются те, которые имеют конкретные технологические приложения. Несмотря на то, что можно найти реальное применение всякому научному открытию, сейчас теоретические поиски уже заранее ведутся в той области, в которой практический выход наиболее очевиден или желателен. Как пишет В. С. Стёпин, с вступлением научного знания в постнеклассическую стадию развития, ценностные ориентации субъекта познания внедряются в методологию научного исследования. Научная рациональность «рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями [6, 282]. Создается впечатление, что среди множества причинно-следственных взаимосвязей и закономерностей природы мы познаем ровно те, в которых заинтересованы. В результате наша научная картина мира не столько отражает действительные иерархии, последовательности, способы взаимодействия, сколько «вырезает» из природных взаимосвязей ровно те, которые соответствуют предпочтениям человеческих сообществ, так или иначе организовавших свою жизнь. «Объективно истинное объяснение и описание применительно к “человекообразным” объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [6, 289]. При этом вопрос о том, какие именно это факторы, обсуждается далеко не всегда.

Когда говорится о внедрении ценностных ориентаций в установку современного научного знания, подспудно подразумевается, что «ценность» – это нечто хорошее, нравственное и прекрасное. В то время как в самом определении понятия «ценность» (цена, стоимость, важность, значение [5]) этой идеи вовсе не содержится. Выбирая в качестве ценностной ориентации технический прогресс, общество потребления, величие державы, мы получаем вполне объективное знание о происходящем, но «происходит» в этом контексте ровно то, что мы выделили в мире своим ценностным (и не всегда годным) инструментом. Поэтому когда В. С. Стёпин пишет: «современная наука при изучении сложных человекообразных систем соединяет поиск истины с расширением этических регулятивов научного поиска» [6, 295], – это скорее желаемое, чем действительное. Постнеклассическая наука действительно включила ценности в состав своих методологических ориентаций, отрекаясь от идеалов чисто объективного знания, но не слишком заботясь о нравственности избираемых предпочтений. В результате в общественном мнении пietet к научному высказыванию как носителю истины сменился анекдотами о «британских ученых». Что же касается «наук о культуре», то, несмотря на все усилия по обоснованию собственного научного статуса, их ангажированный характер уже не скрывается самими исследователями. И пристрастность эта чаще всего носит политико-экономический, а не этический характер.

Постнеклассическое состояние науки отличается также ростом междисциплинарных исследований, в которых обнаруживается различие ценностных предпочтений различных дисциплин, хотя их борьба часто остается латентной и не отрефлексированной. Это ощущается даже в смежных гуманитарных дисциплинах, в частности, во взаимоотношениях этики и социологии, и в особенности при их переходе к состоянию прикладной этики и прикладной социологии.

«Прикладное социологическое исследование в самом общем виде можно определить как систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных единой целью – получение *достоверных данных* об изучаемом явлении или процессе *для использования* этих данных в практике социального управления» [3, 13]. В данном определении справедливо подчеркнуты два аспекта: достоверность знания и изначальная ориентация на применение этих знаний. Каждый из двух аспектов деятельности социолога имеет аксиологическую проекцию: есть ценности социологии как науки (объективность, достоверность) и ценности социологии как социального инструмента (способность упорядочивать общественную жизнь, указывать обществу на конст-

руктивные и деструктивные тенденции в его развитии). Обе группы ценностей, так или иначе, подлежат проверке на нравственность, так как их «добродетель» вовсе не очевидна.

Функционирование социологии как инструмента преобразования социальной реальности создает проблемы этического характера, касающиеся того, каким образом могут прийти в гармонию достоверность, с одной стороны, и заинтересованность тех, кто занимается социальным управлением – с другой. У прикладных социологических исследований неизменно есть заказчик, который и планирует, какого рода данные будут получены, и для чего они будут использованы. Даже при самом широком понимании заказчика, руководствующегося «общественными интересами», для практикующего социолога возникает ряд нравственных проблем, которые должны разрешаться на базе нравственных ценностей. Социологи давно сформировали свой профессиональный кодекс, осознав свою моральную ответственность перед всеми теми, кого они вовлекают в сферу своей деятельности: респондентами, заказчиками, коллегами и обществом в целом.

В этой точке прикладная социология переходит в прикладную этику социолога, уточняя тот список нравственных ценностей и их иерархию, которая будет реализована в каждом конкретном случае. Потребность в этической экспертизе прикладных социологических исследований осознается не многими учеными. Само понятие «этическая экспертиза» применяется только к социологическим исследованиям в области биомедицины. В остальных разделах социологии задачи нравственного регулирования возлагаются на самого исследователя, который, руководствуясь профессиональным кодексом и собственными моральными убеждениями, способен предотвратить негативные нравственные процессы в ходе своей работы. Между тем, если одно из отличий прикладной этики от фундаментальной состоит в ее ситуативном характере, то к участию в обсуждении нравственного статуса происходящего должны привлекаться все участники ситуации. И если ни респонденты, ни общество в целом не могут напрямую участвовать в такой дискуссии, то может участвовать тот, кто смотрит на вещи с их позиции. Более того, такой прикладной этический анализ программы исследования мог бы не препятствовать, а способствовать его эффективности, налаживанию морального взаимопонимания с той социальной группой, которая подлежит изучению. При этом ценности прикладной этики социолога нисколько не противоречили бы ценностям его познавательной деятельности.

Собственной ценностью социологии является убеждение в научном статусе своего знания, аксиологическая установка социолога изначально состоит в том, чтобы познать социальную реальность «как она есть», отразить действительные связи и закономерности в ткани социальной реальности. Любое привнесение пристрастий социолога (в том числе и его моральных предпочтений) в предпосылки исследования рассматривается как недопустимое. Со времен М. Вебера большинство социологов занимают позицию так называемой «value-free» (безоценочной) социологии. Проводя исследование, ученый не должен ни исходить из собственных нравственных убеждений, ни пытаться внедрить их в исследуемый объект (при включенном наблюдении или иным способом). Однако полемика о том, в какой мере социология должна (или может) быть свободна от произвольных ценностных ориентаций, продолжается и в XXI веке. Поэтому беспристрастность социологического знания не является его автоматическим свойством, но возникает в результате определенной этической позицией ученого и специальной проработки инструментария исследования. В статье «Антиминотавр: миф о социологической нравственности» Б. Кэмпбелл настаивает на том, что «практика безоценочной социологии является этически обязательной, если мы хотим быть честными с нашей аудиторией и если мы хотим выполнить свое призвание как социологи» [9, 443]. Люди, которые привносят чуждые социологии ценности внутрь исследования, представляются автору циничными, не относящимися к профессии серьезно. «Те, кто используют свое положение социологов для проведения социальных реформ и других политических целей, так же, как и те, кто преследуют эгоистические интересы, не считают свою работу ценной самой по себе. Они не относятся к социологии с серьезностью, и как бы идеалистически они ни относились к другим своим целям, они не выполняют свое призвание как социологи» [9, 451]. В идеале даже в области социологии морали исследователя «не будет занимать ни обоснованность, ни разумность, ни правдивость нравственных убеждений, ни вопрос о том, есть ли хоть какой-то смысл в том, чтобы занимать здравомыслие, действительность, разумность или истину моральных убеждений. На мой взгляд, можно отстаивать и желательно сохранить логическое различие между проектом социологии морали и проектами публичной, нормативной и моральной философии», – считает другой сторонник безоценочной социологии Габриэль Абенд [8, 120].

Данной точке зрения противостоит позиция тех, кто полагают, что в социологическом исследовании факты и ценности неразделимы, так как формирование любого социологического «факта» опира-

ется на исходное ценностное представление о социальной действительности. «Сферы фактов и ценностей, – пишет Филипп Горски, – не так уж изолированы друг от друга. Часто факты сами по себе являются “ценностно-нагруженными”. Более того, проблема их смешения выходит далеко за рамки хорошо изученной проблемы “предвзятости”. Реже замечается и решающим для настоящего рассуждения является то, что ценности являются фактами. Другими словами, наши ценности имеют эмпирическую основу. А это значит, что они принципиально открыты для эмпирического исследования. Объектом этих исследований является срединное царство моральных фактов, расположенных где-то между царствами факта и ценности, независимой территорией, содержащей открываемые истины о хорошей жизни и хорошем обществе» [10, 543].

Понимание ценностей как фактов социальной действительности в особенности присуще социологии морали. Любое исследование «реального состояния нравов» предполагает не только изначальное составление матрицы норм и ценностей, которые и будут разыскиваться в отношениях между людьми, но и теоретическое представление о природе морали, позволяющее эксплицировать ее социальное функционирование. Именно этика указывает социологии, какую «нравственную реальность» она увидит. Так, на основе теории справедливости Дж. Ролза и на основе этики утилитаризма будут исследоваться разные моральные чувства, добродетели и нравственные отношения. Авторы статьи «Новая социология морали» – С. Хитлин и С. Вэйзи – отмечают, что в прикладных исследованиях термин «мораль» используется в различных смыслах: универсальном и формальном; насыщенном (thick) и ненасыщенном (thin) [12]. В русской язычной традиции принято говорить о субстанционалистском и функционалистском подходе к пониманию сущности морали [1, 61]. Современные социологи сетуют на то, что им зачастую приходится опираться на устаревшие, непригодные теории морали и пребывают в поиске таких, которые были бы функциональны для исследователя. «Для того, чтобы социология могла улучшить свое понимание морали, нужны более совершенные концептуальные, гносеологические и методологические основы» [8, 118].

Определившись с пониманием сущности морали, прикладное социологическое исследование переходит к подбору социологического инструментария для ее изучения. На этом этапе задачей социолога является формирование понятийной матрицы, с помощью которой будут «схватываться» нравственные феномены и процессы. Эти понятия принадлежат самой морали и неизбежно имеют аксиологическое наполнение. Так, например, в советской и постсоветской со-

циологии морали доминируют исследования именно ценностных ориентаций. В духе рационалистической стратегии мораль понимается как сознательная реализация нравственных установок. В то время как американская традиция социологии морали сближается с этологическими, психологическими и даже нейрофизиологическими исследованиями. Изучаются моральные эмоции и моральная идентичность, которая формируется в их контексте [12].

Характерным является сам список тех моральных феноменов, к которым обращаются исследователи. В последнее время к ним чаще всего относят альтруизм и социальную солидарность, доверие [7], справедливость, ответственность [2]. Между тем сам этот список является результатом ценностных предпочтений исследователей, на основе которых и формируется понятийно-категориальный аппарат социологии морали. Ведь ничто не мешает переносу внимания на не менее значимые нравственные явления: заботы, взаимопомощи, любви, – однако они остаются в тени. Таким образом, в основе социологических исследований лежит не только определенная теория морали, но и совокупность тех нравственных ценностей, которые представляются исследователями наиболее важными в общественной действительности.

В других отраслях социологии аксиологические аспекты исследования не всегда эксплицируются, но – в силу всепроницающего характера нравственных отношений – понимание позитивных и негативных тенденций изучаемого социального процесса зависит от нравственных приоритетов исследователя.

Например, социология труда опирается на определенные представления о природе морали, ее исторических типах, о специфике моральной мотивации. На этой основе социология исследует нравственное отношение к труду, трудолюбие и его конкретные модификации с целью выяснить роль этого фактора в процессе труда и в социальных процессах в целом. Взаимосвязь трудовой деятельности с нравственными ценностями проявляется несколькими способами, каждый из которых имеет значение для прикладной социологии.

Во-первых, этика традиционно провозглашает ценность труда, которому приписывается моральное значение, высший смысл; включает нравственное отношение к труду в список фундаментальных моральных ценностей. В этом контексте историческая динамика социума может оцениваться как нравственно позитивная (когда в обществе повышается значимость работы, популярна трудовая этика, моральные мотивы труда занимают значимое место) или нравственно негативная (когда ценность труда падает или мотивы труда утрачивают моральный аспект). Поэтому работа и отношения людей к

ней оцениваются в социологии системно, с позиции устойчивости, развития и процветания социума, т. е. с позиции общественного блага, которое изначально является этической категорией.

Во-вторых, в социологии труда речь идет о «трудовых ценностях», т. е. о тех аспектах труда, которые представляются работнику наиболее значимыми и выступают мотивами его трудовой деятельности. Социологические схемы мотивации трудового поведения имеют явную этическую подоплёку. Советская социология противопоставляла «личный интерес» и «материальные мотивы» труда «общественным интересам» и «духовным мотивам», полагая первые безнравственными, а вторые – социально одобряемыми. В современной литературе устоявшимся является разделение мотивов на «внутренние» (самореализация, результаты труда или интересная работа) и «внешние», связанные с личными интересами работника или его семьи (величина заработка, хорошие условия труда, минимизация трудовых усилий) [4, 516]. Прагматизация мотивов – выдвижение на передний план таких факторов как борьба за выживание, страх перед безработицей – свидетельствует о чисто инструментальном отношении к труду как источнику средств к существованию. Такая ситуация не позволяет человеку реализовывать на работе свои нравственные потребности, без удовлетворения которых трудовая сфера социума лишается нравственного содержания и, соответственно, воспринимается людьми как сфера «безнравственности». Поэтому все предлагаемые социологией классификации трудовых ценностей подспудно содержат и этические оценки.

В-третьих, в социологии труда речь идет о «трудовой этике», которая рассматривает роль специфических нравственных ценностей в трудовом поведении, и наоборот – роль труда в добродетельном образе жизни, а также изменения типа трудовой этики в связи с динамикой социума. Принимая во внимание современные дискуссии по прикладной этике, в которых главное место занимает вопрос об особенностях трудовых ценностей различных профессий, прикладная социология анализирует не только «арочную» трудовую этику каждого общества, но и влияние конкретных профессиональных этических норм и корпоративных моральных кодексов на исполнение людьми трудовых функций. Так в оценке значимости работы в целом, и в вопросах мотивации труда, и в вопросе о типах трудовой этики социология опирается на определенные нравственные ценности.

Кроме того прикладная социология, ощущая себя не только исследовательской дисциплиной, но и практической участницей общественной жизни, сближается с прикладной этикой в своих ценностных убеждениях. Как прикладная этика стремится не только предписать

нравственные нормы людям, занятым некоторой деятельностью, но и фактически преобразовать связанные с ней ситуации в направлении добра, так и социология, оставаясь в границах научной достоверности, не может быть равнодушной к границам добра и зла в общественной жизни. Неизбежно изменяя социальную действительность, она все более хотела бы оказывать положительное, а не скандальное или развращающее влияние. Даже сторонник безоценочной социологии, Г. Абенд, пишет: «Я бы сказал, что профессиональная компетентность социолога (знание соответствующих социальных фактов, знание различных теоретических связей фактов, осведомленность о культурных вариациях, аналитические способности и т. д.) увеличивает вероятность того, что он является ценным участником рациональной дискуссии о том, как мы должны жить вместе» [8, 120]. Аналогичное мнение высказал Т.А. Хечтман, выступая на XII-ом конгрессе Европейской социологической ассоциации в 2015 г., заявив о необходимости развивать идею «морального фронеизиса» в качестве руководства для моральной жизни, основанного на практической мудрости. «Мы настаиваем, что конечной целью социологии является принятие нравственных позиций в конкретных ситуациях» [11, 1681].

Итак, в междисциплинарном взаимодействии прикладной социологии и прикладной этики две дисциплины способны согласовать свои ценностные установки. Стремление к достоверности и беспристрастности как этическая позиция в социологических исследованиях не препятствует рефлексивному освоению теорий морали и построению на их основе тех ценностных матриц, с помощью которых только и возможно уловить моральные феномены в сети научного знания. После чего даже не ангажированный социологический анализ реального состояния нравов неизбежно приводит к аксиологическим выводам относительно того, в каком состоянии находится общество и какие тенденции развития являются для него предпочтительными. Социология как инструмент социального управления призвана давать советы по улучшению общества, критерии же этого улучшения находятся в сфере этики. Настоящее прикладное социологическое исследование является и этико-прикладным.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Понятие общественной морали. Послесловие к дискуссии / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 60–72.

2. Безрукова О.А. Основания социологии ответственности в рамках этики и общей социологии морали // Экономика, социология и право. 2014. № 4. С. 124–127.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы интерактивн. учеб. пособие. М. : Институт социологии РАН, 2012. 404 с.
4. Магун В. С., Монусова Г. А. Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV Апрельская международ. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. : В 4 кн. / отв. ред. Е. Ясин. М., 2014. Кн. 3. С. 516–526.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Мир, 2012. 1375 с.
6. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. : Миръ. 2009. С. 249–295.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ ; Ермак, 2004. 730 с.
8. Abend G. Two main problems in the sociology of morality // Theory and Society. 2008. Volume 37. Issue 2. P. 87–125.
9. Campbell B. Anti-Minotaur: the myth of a sociological morality// Society, 2014 Volume 51, Issue 5. P. 443–451.
10. Gorski P.S. Beyond the Fact/Value Distinction: Ethical Naturalism and the Social Sciences, Society, 2013. P. 543–553.
11. Hechtman T. A. Sociological Morality: The Search for Moral Phronesis // Differences, Inequalities and Sociological Imagination. ESA 12th Conference. Abstract Book. Prague. 2015. P. 1681.
12. Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality // Annual rev. of sociology. – Palo Alto (CA). 2013. Vol. 39, N 1. P. 51–68.

В.И.Бакштановский

УДК 17

**В поиске идентичности этико-прикладного знания:
у истоков инновационной парадигмы прикладной этики**

Аннотация. Рассматривается опыт самоидентификации отечественной прикладной этики периода ее становления (начало 80-х годов XX в.) в его соотношении с актуальной ситуацией. На первом плане – тема формирования идентичности этико-прикладного знания. И сегодня все еще не снят вопрос о природе прикладной этики, не получило своего продолжения исследование специфики взаимодействия фундаментального и прикладного аспектов в этическом знании, требует продолжения рефлексия парадигмального многообразия прикладной этики и т.д. Для характеристики миссии прикладной этики – в отличие от философской рефлексии новых проблем моральной практики – актуализируется идея особой функции этико-прикладного знания как своеобразной производительной силы в проектировании общественных процессов, нормативно-ценностных систем. С этой целью предпринята републикация фрагментов статьи 80-го года В.И. Бакштановского «Этико-прикладное знание: исследования, разработки и внедрение». Среди уроков первого опыта идентификации отечественной прикладной этики на этапе ее становления в качестве актуальных формулируются выводы о рисках поиска идентичности современного этапа прикладной этики между ее редукцией к параэтике и сверхзаботой об этической аутентичности.

Ключевые слова: прикладная этика, идентичность этико-прикладного знания, фундаментальное и прикладное знание в этике, этика как своеобразная производительная сила.

**1. Новая актуальность опыта самоидентификации
отечественной прикладной этики**

В «исторической» рубрике «Ведомостей» я уже представил одну из своих статей 80-х годов – периода *становления* концепции отечественной прикладной этики [4]. Представил с возможной полнотой, а не в виде краткого пересказа. В таком намерении вернуть в научный оборот текст 35-летней давности я видел возможность еще раз акцентировать *концептуальную автономию* отечественной прикладной этики.

Как и в предшествующей статье, я снова выбрал текст 1980-го года – периода становления отечественной прикладной этики. Здесь мне важно сосредоточиться на теме формирования идентичности этико-прикладного знания, акцентируя в его миссии – в отличие от

философской рефлексии новых проблем моральной практики – идею этики как своеобразной производительной силы в проектировании общественных процессов, нормативно-ценностных систем.

Казалось бы, уже состоялись все необходимые дискуссии о прикладной этике, ее предмете и особенностях. Однако и сегодня все еще не снят вопрос о природе прикладной этики, не получило своего продолжения исследование специфики взаимодействия фундаментального и прикладного аспектов в этическом знании, требует продолжения рефлексия парадигмального многообразия прикладной этики [6] и т.д.

Полагаю, что одно из условий успешности такого рода дискуссий – аналитическое освоение этапа становления отечественной прикладной этики, стремившейся определить свою идентичность в категориях фундаментального и прикладного знания, социально-технологического знания, применяемых к специфике этики и морали; активизация внимания к попытке идентификации прикладной этики как своеобразной производительной силы в проектировании нормативно-ценностных систем. К попытке идентификации, мобилизующей нарождающееся этико-прикладное знание на модернизационную проблематику ситуации Перестройки [2].

Позволю себе утверждать, что предпосылки ряда положений инновационной парадигмы прикладной этики зародились и сформировались как раз в те времена.

Речь идет об идее «особого лица» прикладной этики, которая является не просто «тенью» этики фундаментальной, но специально построенным мостом между этической теорией и моральной практикой.

Речь идет о предпосылке идентификации прикладной этики как проектно-ориентированного знания, фронестических технологий приложения, приуготовленных для целенаправленных преобразований в малых нормативно-ценностных системах.

Речь идет об идее морального выбора как предпосылке идентификации инновационной парадигмы прикладной этики. В природе морального выбора содержится важнейшая *предпосылка* формирования и развития прикладной этики. Почему именно *прикладной*? Уже потому, что прикладная этика в не меньшей мере, чем этика общая, универсальная, и т.д., *предполагает* возможность и способность выбирать. Свободу выбора мировоззренческого масштаба и выбора поступка. Субъекта, которому можно доверить *риск* морального выбора и ответственность за его последствия [1].

Речь идет об определении специфики существования идеи социально-технологического знания в сфере этики, прежде всего – о

проблеме «соавторства» этического знания и морального сознания в процессе морального творчества.

Отсюда мое решение представить основные идеи своей статьи 1980-го года [5], характеризующие этап формирования идентичности этико-прикладного знания. Именно эти идеи определили в дальнейшем отличие инновационной парадигмы от активно развивающейся под эгидой прикладной этики философской рефлексии новых проблем моральной практики.

Надо ли предупреждать современного читателя, что время написания приведенного ниже текста наложило на него определенные признаки эпохи – эпохи развития общества и эпохи развития науки.

(...) Основная цель данной статьи – постановка проблемы этико-прикладного знания, критический анализ выраженных в литературе позиций и доказательство того, что решение сложившейся проблемной ситуации заключается в целенаправленном развитии прикладной этики в целом, этико-прикладного исследования вопросов управления нравственной жизнью – особенно. Конкретным материалом для обобщения опыта и иллюстрацией служит деятельность коллектива кафедры этики и лаборатории прикладной этики Тюменского индустриального института. (...) Большая доза цитированных текстов в статье – следствие ее постановочного характера, стремления придать ей форму «материалов к постановке проблемы».

Проблемная ситуация

Эта ситуация, по нашему мнению, характеризуется, с одной стороны, объективной необходимостью повышения эффективности управления нравственными процессами, максимально возможного устранения из моральной практики рассогласования слова и дела, намерений и результатов, с другой – недостаточностью имеющихся в научной литературе готовых средств, способных удовлетворить сформировавшуюся потребность. При этом общее развитие марксистской этики позволяет в настоящее время поставить и решить задачу ее превращения в своеобразную производительную силу, обеспечивающую научное управление моральной жизнью общества и, тем самым, сформировать систему этико-прикладного знания.

Естественно сразу же ответить на возможное сомнение: почему ситуация характеризуется как проблемная? Не является ли такая ее характеристика «вламыванием в открытую дверь?». Ведь наша этическая наука всегда была практически ориентирована, стремилась активно участвовать в управлении нравственным воспитанием.

И все же за «очевидностью» стоит проблема. Она заключается

уже в самом понимании таких аспектов роли этической теории в отношении к моральной практике, как форма их связи – непосредственная или опосредованная, как степень самостоятельности тех субъектов нравственного воспитания, для практических акций которых ведутся этические исследования.

Интересна в этом плане ситуация, сложившаяся в педагогике. За, казалось бы, очевидным ответом на вопрос о роли педагогической теории по отношению к практике обнаружились весьма разные требования. Одно из них – обязательный прикладной характер каждого дидактического или методического исследования и, тем самым, сведение функции педагога к точному исполнению рекомендаций ученых; другое – ограничение педагогической науки лишь фундаментальными исследованиями в надежде на прикладную самостоятельность самих учителей. Еще один конфликт требований возник в вопросе о способах внедрения результатов педагогических исследований в практику. Одна точка зрения заключалась в том, что для непосредственного внедрения годятся результаты далеко не каждого исследования, а практически использовать результаты фундаментальных и прикладных работ невозможно; другая – утверждала, что теорию педагогики необходимо внедрять на всех уровнях, не дожидаясь продвижения ее по этапам¹.

Применительно к этике подчеркнем два обстоятельства. Во-первых, «нельзя считать удовлетворительным, что в ряде этических трудов моральная практика присутствует лишь в форме примеров или комментирования в ценностных терминах общеполитических документов, играет лишь роль "иллюстрации"»². Во-вторых, стихийное (или даже сознательное) использование фундаментального этического знания в практических целях еще не превращает это знание в действительно прикладное, эффект которого требует специального практического ориентирования самого исследования и соответствующего преобразования научной информации.

Само по себе применение результатов теоретической этики к управлению нравственными процессами не гарантирует успеха, ибо этическое знание может просто «не приложиться» в качестве научного знания, выступающего программой деятельности. В лучшем случае «приложение» окажется стихийно-эмпирическим со всеми противоре-

¹ См.: Краевский В. В. Соотношение педагогической науки и педагогической практики. М., 1977, с. 5-7.

² Утверждение активной жизненной позиции. – Коммунист, 1978, № 6, с. 105.

чиями этого способа познания и деятельности, в худшем – обернется подменой науки здоровым смыслом. Выход из такой ситуации заключается в том, чтобы осознать запросы практики к науке как потребность в сознательном проектировании процесса нравственного воспитания (если ограничиться этой проблемой прикладной этики), а задачу науки по отношению к практике – как задачу прикладного исследования, разработки и внедрения.

Разумеется, в традиционной структуре марксистской этики не могла не быть отражена ее практическая функция, и больше всего она выражена в нормативной этике и в профессиональной. Однако это скорее прагматическое значение этического знания, а его приложение требует особых условий. Тем самым мы уже сейчас должны охарактеризовать выражение «прикладная этика», хотя в другом разделе нашей работы об этом пойдет специальный разговор. (...)

В этической литературе предприняты этико-прикладные исследования различных проблем моральной жизни общества, в том числе управления нравственными процессами, нравственно-воспитательной деятельности, профессиональной морали³. Наряду с общими работами о предмете и системе этики, ее структуре и функциях, эти публикации внесли определенный вклад в развитие этико-прикладного знания.

В то же время конкретные представления о «приложении» этики к практике, о необходимости особой ветви этики – прикладного этического знания, а в случае возможности появления последнего – о его предмете, статусе в рамках общей этики, и тем более, конкретные решения этих вопросов достаточно различаются, чтобы стимулировать попытку специального исследования проблемы.

Уже в самих вариантах определения рассматриваемой нами отрасли этической науки обнаруживаются значительные расхождения: проблемы «этико-прикладного знания», «прикладные проблемы этики», «теоретико-прикладной комплекс» этической науки, «прикладная этика» и т.д. За различиями дефиниций – не просто естественная неопределенность понятий раздела науки, еще только осознающего свою специфику, но и более сложные вопросы марксистской этики. Мы еще вернемся к этому, а сейчас подчеркнем, что выражение «прикладная

³ См.: *Момов В.* Человек. Мораль. Воспитание. (Теоретико-методологические проблемы). М., 1975; *Формирование профессиональной направленности студентов педвузов.* Владимир, 1976; *Бакштановский В. И.* Моральный выбор личности: цель, средства, результат. Томск, 1977; Он же. *Культура нравственного сознания и поведения.* М., 1979; и др.

этика»⁴ характеризует не только функцию этической науки в целом, ее практическую направленность в конечном счете, а сферу этики, непосредственно воздействующую на моральную практику через этическое проектирование и внедрение его результатов этического знания.

Таким образом, речь идет не об этике «в двух лицах» (она же якобы и «фундаментальная», и «прикладная»), а об «особом лице» прикладной этики, о специально разработанном специфическом дополнении к структуре этической науки, являющемся не просто «тенью» фундаментальной этики, объективно «отбрасываемой» ею на моральную практику, а особо построенным «мостом» от теории к моральной деятельности.

Характеризуя проблемную ситуацию, следует подчеркнуть еще одну ее черту – необходимость готовности самих ученых-этиков, с одной стороны, практиков, решающих вопросы управления нравственным воспитанием, – с другой, к разработке и внедрению результатов прикладных этических исследований. Речь идет о весьма типичном «конflikте ожиданий», когда практики не могут получить конкретных рекомендаций от ученых-специалистов в фундаментальных вопросах этики, а эти специалисты, в свою очередь, рассчитывают на опыт практиков как на достаточное основание для «приложения» своих исследований. В действительности же непосредственный контакт должен происходить между ученым, занимающимся вопросами прикладной этики, и практиком. В этом случае ожидания могут оправдаться с гораздо большей степенью вероятности.

В отличие от фундаментальной науки в прикладной этике объект исследования определяется непосредственно целями «заказчика», а не просто личными научными интересами исследователя⁵. Более того, сама схема «исполнитель-заказчик»⁶ приобретает, по-видимому, новую

⁴ Следует отметить еще и негативный смысл этого выражения. Так, например, в обзоре этических работ в журн. «Философские науки» отмечено: «В значительной мере преодолен упрощенный взгляд на этику как на чисто “прикладную” дисциплину, задача которой сводится к комментированию положительных моральных предписаний» (Титаренко А.И. и др. Этика: проблемы и перспективы. – Философские науки. 1972, № 4, с. 145).

⁵ Ср.: «В чистых науках явление, подлежащее анализу, зачастую определяется самим исследователем в соответствии с его научными интересами. В прикладных науках объект исследования определяется целями организации» (Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976, с. 86; Янг Э. Системное управление организацией. М., 1972, с. 68-70).

⁶ Ср.: «Классическая схема исследования, разделяющая «заказчика» и «исполнителя», на наших глазах устаревает. Для современной прикладной мате-

форму: появляются ситуации, когда «заказчик», исследователь (разработчик) и «внедритель» оказываются одним субъектом в трех лицах или, точнее, членами одной исследовательской бригады.

Разговор о готовности не только науки, но и самих ученых к разработке прикладного этического знания характеризует проблемную ситуацию еще и потому, что пока в литературе идет и, видимо, долго будет идти дискуссия о возможности и необходимости прикладной этики. Уже накоплен определенный опыт деятельности «прикладных этиков», конкретных людей, которые отчасти сознательно, отчасти – «волей-неволей» вынуждены формировать этико-прикладное знание. Эта реальная ситуация, на наш взгляд, является, во-первых, катализатором в теоретических дискуссиях и, во-вторых, дает для них конкретный материал.

Настала пора и появились возможности осознать новую фазу взаимоотношения этики и моральной практики, которая характеризуется превращением науки о морали в непосредственную производительную силу. Иначе говоря, формируется системный цикл, последовательное движение элементов этической науки в практику: фундаментальное исследование – проектирование (прикладная этика) – управление нравственными процессами (внедрение в практику)⁷.

Насколько правомерно и в каком отношении можно употреблять общую для всей науки характеристику «непосредственная производительная сила» к роли этики в целом, к функции прикладной этики – особенно?

Сам по себе факт превращения не только естествознания и технических наук, но и наук общественных в непосредственную производительную силу в условиях развитого социализма является признанным достаточно широко⁸. В философской литературе эта характеристика не только применена, но и аргументирована с большой убедитель-

матики типично другое: личная уния ставящего задачу и решающего ее» (Грекова И. Методологические особенности прикладной математики на современном этапе ее развития. – Вопросы философии. 1976, № 6, с. 108).

⁷ «Исследование перестает быть абсолютной самоцелью науки и на многих участках деятельности становится средством для проектирования, а проектирование становится собственной функцией науки. И в этом суть превращения последней в непосредственную производительную силу» (Сагатовский В. Н. Природа системной деятельности. – В кн.: Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1978, с. 69).

⁸ См., например, предисловие В. Шорина к кн.: Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.

тельностью⁹. Некоторые авторы считают ее целесообразной и в отношении к этике. Так, В.Н. Сагатовский, выясняя, нужно ли применять в этике системный подход, считает, что для ответа на этот вопрос необходимо решить: нуждается ли нравственная деятельность в условиях развитого социализма в сознательном проектировании, предъявляет ли практика коммунистического воспитания по отношению к этике требования, хотя бы в некоторых отношениях аналогичные тем, которые практика создания материально-технической базы предъявляет к физике и химии – быть непосредственной производительной силой. И автор дает на все вопросы положительный ответ¹⁰.

Задача целенаправленного управленческого воздействия на моральные процессы действительно требует от этики выступить в такой же роли, в какой находится современное естествознание по отношению к материальному производству – в роли своеобразной непосредственной производительной силы. Естествознание по преимуществу участвует в «производстве вещей» через посредство техники, а философия – тоже по преимуществу – в «производстве человека» через формирование его мировоззрения. Производительная функция этики, благодаря ее маргинальному статусу¹¹ философской науки – с одной стороны, и науки, от которой отпочковывается частное знание – с другой, выражается как в мировоззренческих исследованиях, так и в приложении к практике. Последнее реализуется в результате разработки программ нравственного развития общества и личности, проектирования нравственной деятельности и т. п., заключается в управлении целями и средствами моральной деятельности.

Положение о «производительной» роли этики направлено против метафизических крайностей в понимании соотношений этической теории и моральной практики с позиций субъекта управления: абсолютизации либо мировоззренческой, либо управленческой направленности морали, познавательного и ценностного подхода к этическому знанию. Домарксистская этика продемонстрировала эволюцию от по-

⁹ См.: Сагатовский В. Н. Вселенная философа. М., 1971.

¹⁰ См.: Сагатовский В. Н. Нравственность и управление социальными процессами. – В кн.: Актуальные проблемы нравственного развития личности / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Томск, 1975.

¹¹ Вопрос о статусе этики как науки является дискуссионным. См.: Предмет и система этики. Москва – София, 1973; Анисимов С. Ф. Марксистско-ленинская этика, ч. 1. М., 1972; Журавков М. Г. Социализм и мораль. М., 1974; Титаренко А.И. и др. Этика: проблемы и перспективы. – Философские науки. 1972, № 4; Марксистская этика. М., 1976; Архангельский Л. М. Этика как система. М., 1977; Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977.

нимания этики как практической философии, наставницы житейской морали, обслуживающей насущные вопросы индивидов, оказавшихся в ситуации морального выбора, до прямого отрицания права и возможности этики на выполнение прикладных функций. (...)

В заключение раздела – два цитатных замечания. «Мы отдаем себе отчет в сложности поставленных проблем. Каждая из них дает повод для бесконечной «проблематизации ситуации» и ухода в такое хитросплетение теоретических тонкостей, из которого трудно вырваться навстречу потребностям практики. Но практика не ждет. И потому пусть грубое, приблизительное, но целостное решение для нас предпочтительнее ее констатации очередного парадокса», – пишет В. Н. Сагатовский о проблеме управления нравственными процессами¹². Нам представляется возможным разделить эту позицию и в отношении к проблемам прикладной этики, особенно на этапе ее становления.

Второе высказывание принадлежит Т. Шибутани, характеризующему ситуацию в социальной психологии на стадии ее формирования. Он отметил, что первые усилия в любой отрасли, «первые открытия бывают настолько очевидны, что некоторые сомневаются, достойно ли исследование этого названия. Но работники, продолжающие усилия пионеров, приходят к познанию уже менее очевидных истин, а со временем выдвигают проблемы, которые никогда не могли бы быть поставлены с позиций простого здравого смысла. В одной области за другой фольклор уступает место научному познанию, и сейчас эта тенденция проявляется в изучении человеческого поведения»¹³. Думается, что и эта характеристика имеет отношение к проблемной ситуации в прикладной этике.

Точки зрения: прецеденты и уроки

Благодаря работам исследователей-марксистов достигнуты важные результаты, которые позволяют говорить о конституировании прикладной этики, когда формируется общее представление о ее предмете и задачах. В то же время становление этико-прикладного знания как структурного элемента марксистской этики – этап развития науки, требующий предельно возможной точности в таких вопросах, как мотивация необходимости создания прикладной этики; основания, предлагаемые для ее выделения; роль, которая ей отводится. Рассмотрим выдвинутые в литературе точки зрения.

Авторы коллективной монографии «Формирование профессио-

¹² Сагатовский В. Н. Нравственность и управление социальными процессами. С. 13.

¹³ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с. 16.

нальной направленности студентов педвузов» считают, что предметом прикладной этики «являются исследования возможностей и механизмов целенаправленного изменения практикуемой, наличной морали, усовершенствование действующих нормативно-оценочных систем. В отличие от технологических программ, которые имеют дело с опосредующими теорию и практику принципами и факторами, она разрабатывает логические основы реализации теоретических моделей»¹⁴.

Сразу же обратим внимание на то обстоятельство, что в этом подходе технологические программы вынесены за рамки предмета прикладной этики, более того, через противопоставление с ними характеризуется сам предмет прикладной этики. Это необходимо иметь в виду, ибо как раз его структурное членение конкретизирует и различает общие, казалось бы тождественные, представления.

Так, например, в той же монографии говорится, что в отличие от общей теории этики, описывающей, объясняющей и прогнозирующей моральные явления с точки зрения их сущности и закономерностей развития, в прикладной этике эти явления служат «предметом целенаправленного изменения. На основе познанных объективных закономерностей и механизмов разрабатывается теория воздействия на нравственную жизнь людей с целью привести ее в соответствие с критериями и требованиями общества»¹⁵. В этом подходе фактически выражена позиция одного из наиболее плодотворных исследователей этико-прикладной проблематики – болгарского этика В. Момова, считающего, что «прикладная этика... разрабатывает способы и пути практического воздействия на нравственное сознание и поведение людей»¹⁶.

Ограничимся этими цитатами, чтобы сравнить их с теми, в которых происходит конкретизация представлений. Например, предлагается выделить в предмете прикладной этики такие основные части: педагогическая этика как теория нравственного воспитания, этика профессиональная, этика управления и социального контроля, этика семьи и быта (семейная этика)¹⁷. Естественно задуматься об основаниях такой классификации, ибо статус «приложения» теории может истолковываться в смысле приложения одной теории к другой, а может – и так в нашей работе – пониматься в отношении науки к практике. На-

¹⁴ Формирование профессиональной направленности студентов педвузов. С. 12.

¹⁵ Формирование профессиональной направленности студентов педвузов. С. 35.

¹⁶ Момов В. Человек. Мораль. Воспитание. (Теоретико-методологические проблемы). С. 35.

¹⁷ Формирование профессиональной направленности.... С. 18-19.

верное, целесообразно различать «группу прикладных комплексов» этики в зависимости от сферы ее приложения (трудовая деятельность, семья и т. п.) и «сквозной» прикладной комплекс этики¹⁸. Мы еще вернемся к этому вопросу, а здесь отметим, что смешение двух смыслов порождает противоречивые позиции.

«Педагогическая этика как теория нравственного воспитания по отношению к общей теоретической части этики и педагогики имеет прикладной характер, а по отношению к практике она выступает как теоретическая дисциплина», – пишет В. Момов¹⁹. Создается впечатление, что педагогическая этика (как теория нравственного воспитания – в трактовке В. Момова) теряет это качество в приложении к практике. Можно ли в таком случае рассматривать прикладную этику как науку, как теоретическую дисциплину?

С нашей точки зрения, здесь-то как раз и сказывается недостаточная определенность выражений «прикладной аспект этической теории», «прикладное значение теории» и т. п. в их отношении к понятию прикладной этики. Наиболее заметно это обнаруживается в характеристике, которую В. Момов дает прагматическим функциям марксистской этики. Опираясь на науковедческое представление о том, что «прагматичность науки» – это прикладная теория и ее внедрение, практическое использование полученных в них результатов²⁰, он пишет: «Прагматическое знание включает перевод общей (фундаментальной) теории в прикладное знание о принципах, путях и механизмах целенаправленного изменения нравственной практики, с одной стороны, и с другой – технологию практического использования прикладной теории, которая охватывает главным образом нормативные и оценочные системы»²¹.

Если автор считает, что прагматическая функция этики включает две «технологии» – одна из них переводит фундаментальное знание в прикладное, другая – прикладное знание в практическую деятельность, то нам представляется, что обе «технологии» (ср. «социальную технологию» Н. Стефанова) фактически выражают предмет приклад-

¹⁸ См.: *Согомонов Ю.В.* О целевой модели нравственного воспитания: мировоззренческий аспект. – В кн.: Развитие личности в условиях социализма. Владимир, 1978, с. 143.

¹⁹ *Момов В.* Человек. Мораль. Воспитание... С. 36.

²⁰ См.: *Кедров Б.М.* Соотношение фундаментальных и прикладных наук. – Вопросы философии. 1972, № 10, с. 47.

²¹ *Момов В.* Человек. Мораль. Воспитание (Теоретико-методологические проблемы). С. 26.

ной этики. Как мы уже отмечали²², прикладная функция этики в целом должна выразиться в адекватной форме научного знания, структура которой содержит «технологическое исследование» и «технологическую методику».

Нет оснований отлучать прикладную этику от теоретического уровня научного познания. Но также нет оснований и для ограничения прикладной этики только информационным аспектом, противопоставляя его технологическому, превращающему информацию в программу деятельности, переводящему ее тем самым из статуса «информации к размышлению» в статус «информации к действию». Более того, сама этическая технология в рамках прикладной этики может быть разделена на «технология этико-педагогического исследования воспитательного воздействия, с одной стороны, и технология самого процесса воздействия – с другой. Если в технологии этико-педагогического анализа главную роль играют исследовательские методы и приемы, то в технологии процесса нравственного воспитания центральное место занимают информационно-регулирующие механизмы, программирование воспитательных воздействий и организующих факторов»²³.

Приведенная цитата взята из работы В. Момова. Дело, таким образом, заключается в том, чтобы уже осознанные задачи этики в ее отношении к практике и достигнутые исследовательские результаты «зачислить» за «прикладной этикой», чтобы, «не потерять», «не забыть» какой-либо из них и не отдать их в «другое ведомство», где они не получают действительно этико-прикладного решения. Более того, если понять, что правильное соотношение различных характеристик («прикладное значение», «прикладной аспект» и т. п.) прикладной этической проблематики – это не формальное, а содержательное требование, то окажется, что, описывая «прагматические функции этики», В. Момов адекватно представил существенные элементы предмета прикладной этики, выделив три группы ее задач: социально-организующая (организация, регулирование и управление нравственной жизнью), социально-формирующая (нравственное формирование человеческой личности) и социально-экспериментальная (рациональная организация социальных экспериментов в области нравственного воспитания личности)²⁴.

При анализе представлений о предмете прикладной этики за

²² *Бакштановский В.И.* Моральный выбор личности: альтернативы и решения. М.: Политиздат, 1983. С. 158-159.

²³ *Момов В.* Человек. Мораль. Воспитание. (Теоретико-методологические проблемы). С. 39-40,

²⁴ Там же. С. 26-27.

единодушием по вопросу о практическом назначении этической науки в целом, о необходимости специальной разработки этико-прикладного знания как особой сферы науки о морали, о разработке прикладной этикой целей и средств воздействия на моральную практику мы обнаружили расхождения или, во всяком случае, противоречие в вопросе об элементах прикладной этики, точнее говоря, – об отношении к ней «этической технологии» как знания о механизмах внедрения этической информации в управление нравственной деятельностью; операциях, реализующих поставленную цель.

Еще один спорный вопрос – об элементах прикладной этики, ибо если В. Момов, например, включает в нее профессиональную этику, то В. Кобляков – нормативную, Ю. В. Согомонов подчеркивает роль управленческой проблематики в прикладной этике, В. Н. Сагатовский предлагает «триаду» на пути этики к практике: «теоретическая этика выступает фундаментом этики нормативной, а решение задачи внедрения результатов последней в жизнь порождает прикладную этику»²⁵.

Но в действительности это не «еще один» спорный вопрос, наряду с вопросом об «этической технологии», а вариация общей проблемы – оснований для выделения предмета прикладной этики. Недостаточность опыта самой этической науки в этом вопросе попытаемся компенсировать опытом науковедения. Именно «науке о науке» приходится решать вопрос о превращении научного знания в непосредственную производительную силу и, тем самым, характеризовать цикл «наука – техника – производство», в котором четкое место занимает прикладное научное знание. Обращение к точке зрения науковедов тем более целесообразно, что сами авторы этических работ, рассматривающие проблемы этико-прикладного знания, стремятся учесть общенаучные основания выделения прикладного знания, предложенные науковедами. Другое дело – насколько успешно и последовательно.

В первую очередь следует отметить различие в науковедении двух смыслов самого понятия «прикладная наука». Один из них характеризует роль науки в междисциплинарных связях и взаимопомощи (применение результатов одной науки для решения проблем другой науки); второй – функции науки по отношению к практической деятельности человека. В последнем случае соотносительными являются понятия «фундаментальная наука» – «прикладная наука»²⁶.

²⁵ Сагатовский В. Н. Нравственность и управление социальными процессами. С. 21.

²⁶ Дубровский В. Я., Шедровицкий Л. П. Проблемы системного инженерно-психологического проектирования. М., 1971, с. 24-25; Янг Э. Системное управление организациями. М., 1972; Кедров Б. М. Принцип историзма в его прило-

Именно на этом пути открываются плодотворные возможности для поиска признаков, выделяющих прикладное знание. В этом плане весьма эффективен предложенный Б. М. Кедровым признак отнесения знания к фундаментальному, техническому или прикладному. Мы имеем в виду последний из трех (после признака, отмечающего степень абстрактности и конкретности знания, и признака, в котором отражено нарастание субъективного момента в знании) – предметно-методологический, который подходит к научному знанию с вопросами: *что* познается, *как* познается, *для чего* познается? Вот этот последний вопрос, явно подчеркивающий целевой аспект науки, или (по терминологии системного подхода) «конечный продукт» науки, является наиболее важным для решения проблемы основания деления знания на фундаментальное и прикладное. Ответ на него позволяет автору распределить знание по циклу, описывающему движение от науки к практике: «фундаментальная наука – прикладная наука – техническая наука – производство»²⁷.

Следует иметь в виду, что предложенные Б.М. Кедровым признаки выделения статуса знания в его отношении к науке и практике содержат фактически два основания – структурное и функциональное. Первые признаки (по степени абстрактности и по степени субъективного момента) составляют основу структурного подхода, при котором границы между фундаментальной и прикладной наукой размыты, условны. Третий признак выражает функциональный подход, особенно в том случае, когда он оперирует критерием «конечного продукта» (...).

Именно задача исследования определяет выбор подхода, и потому, выясняя место прикладной науки в рамках всей научной дисциплины, целесообразно посмотреть на «приложение» как на своеобразный «срез» знания, в котором фундаментальная теория трансформирована, переработана, доведена до прикладной. Если же исследователю важно определить и саму структуру прикладного знания, то целесообразно представить, что место, отведенное в науковедении техническому знанию на пути от «чистой» теории к практике, производству, не может быть не занято и в общественном сознании (ср. «социальную технологию» Н. Стефанова), а в рамках этики «этическая технология» может и должна быть включена в предмет прикладной этики. В этом случае прикладная этика и этическая технология окажутся целым как в от-

жении к системному анализу развития науки. – В кн.: Системные исследования. М., 1974; и др.

²⁷ Кедров Б. М. Соотношение фундаментальных и прикладных наук. – Вопросы философии. 1972, № 10.

ношении к фундаментальной теории, так и в отношении к моральной практике.

Попытаемся систематизировать опыт решения вопроса о прикладной этике. Если положительным результатом названных выше этических исследований является сам факт обращения к «прикладной» проблематике, то коррекция существующих позиций должна, на наш взгляд, заключаться в следующем.

1) Этико-прикладное знание – относительно самостоятельная сфера этической науки со своим предметом и методом, структурой и функциями. Отнесение к прикладной этике нормативной и профессиональной этики, управленческой проблематики морали, отражая логику исторического развития этической науки, справедливо лишь в том случае, когда этим разделам этики предъявляется конкретное требование – соответствие признакам, отделяющим прикладное знание от фундаментального. В поисках статуса этико-прикладного знания необходимо исходить из того, что в системе общей этики ему противостоит не какой-то элемент структуры науки (философский, метаэтический, нормативный, социологический и т. п.), а именно знание фундаментальное во всех этих структурных элементах этики. Основанием деления служит такое отношение знания к практике, когда оно может быть использовано в качестве непосредственной производительной силы. В этом плане на графической схеме структуры этики прикладная этика будет не столько самым нижним звеном между теорией и практикой при вертикальном графике, сколько срезом через все звенья. Разумеется, концентрация прикладных знаний будет возрастать на этом графике по мере приближения его звеньев к практике морали, но это не дает основания сводить прикладную этику только к исследованию, скажем, профессиональной морали.

2) Относительная самостоятельность сферы прикладной этики объясняется тем обстоятельством, что она не только использует какую-либо информацию фундаментальных этических исследований, но и делает эту информацию своей, практически новой информацией, преобразованной для нужд практики управления процессами нравственной жизни и нравственного воспитания. Это не просто «приложение» общей теории: прикладная теория по сравнению с «чистой» специализирована и конкретизирована применительно к особенностям своего предмета²⁸. Это обстоятельство в информационном аспекте глубоко раскрыто в работах В. Момова, осознано другими авторами, подчеркивающими, что «приложение» этики – «сложный процесс преобра-

²⁸ См.: Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. С. 157.

зования, конкретизации и, если угодно, доразвития научной информации до того, чтобы она могла успешно использовать свои действенно-практические (прагматические) функции»²⁹. Однако уверенность в этой специфичности прикладной информации еще не дает решения реальной проблемы: какова же «технология» ее преобразования и как же в конечном счете совершается процесс образования этого особого рода знания? Еще только предстоит выяснить вопрос о степени «авторизованности» перевода фундаментальной информации, точнее говоря, о степени прямого «соавторства», ибо преобразование в прикладную информацию, видимо, – судьба не каждого и не любого элемента фундаментального знания. В чем, в этом случае, «нерастворимый» его остаток? Нет ли принципиального запрета на «перевод» хотя бы части фундаментальных знаний?

3) По существу, целесообразно объединить предметы прикладной этики и этической технологии. Суть прикладного значения этики заключается в переводе «информации к размышлению» в «информацию к действию». Именно последняя содержит в себе основную концентрацию прикладной информации. В этом плане можно говорить не только о прагматической, целереализующей функции этики, но и о такой же функции прикладного этического знания.

В этой связи и возникает острый вопрос о роли этической технологии. Сложность его решения заключается в неоднозначности самого термина «этическая технология». Можно согласиться с Н. Стефановым, отметившим, что термин «технология», встречающийся в словаре почти каждого образованного человека, даже интуитивно ясен не всем. В связи с этим Н. Стефанов, в частности, предложил охарактеризовать «социальную технологию» как «предварительно определенный ряд операций, направленных на достижение некоторой цели и задачи. Какими бы сложными ни были социальные процессы, каждый из них поддается такой технологизации»³⁰.

Кроме того, неоднозначны представления и об объеме понятия «технология», его отношении к прикладной науке. Поэтому, на наш взгляд, эффективно объединить выявление практической направленности этики, разработку путей и средств развития прикладного знания и изобретение способов их использования в практической деятельности.

4) С этим тесно связано ключевое в нашей позиции дополнение к складывающимся представлениям об этико-прикладном знании. Оно

²⁹ Формирование профессиональной направленности.... С. 35.

³⁰ Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. С. 182–183.

заключается в том, чтобы выделить в прикладных исследованиях ценностный и целереализующий аспекты, осознанно разрабатывать как целезадающие элементы прикладных рекомендаций, так и те элементы, которые оптимизируют операционную сторону нравственной деятельности. Более того, концентрация внимания к этому последнему элементу дает возможность адекватно отразить задачу повышения эффективности целереализующей стороны нравственной деятельности, ключевыми элементами которой являются моральное решение личности и его исполнение.

Перспектива развития прикладной этики заключается, видимо, не только в том, чтобы разделить ее на секторы по сферам морали (профессиональная этика, этика семьи и т. п.), но и в осознанном исследовании как ценностных, так и целереализующих аспектов нравственной деятельности. Разумеется, дело скорее всего в доле внимания исследователей к каждому из упомянутых аспектов, но именно эта доля имеет принципиальное значение для перспектив прикладной этики, ибо в них не могут не отразиться традиционные «симпатии» этической науки в целом. Весьма устойчивая и давняя традиция истории этики – рассматривать ее лишь как целеполагающую, как науку о ценностях – дополняется в этом случае отношением к этике в целом, к прикладной в том числе, как к знанию о средствах реализации нравственных целей³¹.

Это знание рассматривает проблему эффективности нравственной деятельности в соответствии с определенными задачами – выработкой принципов, правил и норм, определяющих оптимальные методы достижения морально-положительных целей и запрещающих применение для этих целей таких средств, за кажущейся эффективностью которых явно или скрыто стоит опасность извращения нравственного достоинства цели. Прикладное использование результатов этого знания выражается в рекомендациях по формированию культуры морального решения личности и культуры его исполнения, а обеспечение процесса управления развитием моральной культуры личности заключается в разработке правил морального выбора, своеобразных «условных императивов» и активных приемов обучения оптимальным решениям.

Назрела необходимость подытожить первые результаты и очертить круг проблем и задач прикладной этики, представить ее по возможности как целостное знание, наметить этапы, по которым она

³¹ Бакштановский В.И. Моральный выбор личности: альтернативы и решения. С. 333.

«проводит» фундаментальную этику до моральной практики. Оставляя эту задачу для следующей работы, здесь подчеркнем еще раз, что, на наш взгляд, на «древо целей» этической науки конституируется особая «ветвь знания», прорастающая из высот теоретических абстракций до уровня моральной практики.

Предмет прикладной этики – тот срез общего для всех аспектов этического знания объекта, который можно назвать технологическим, обеспечивающим исследование, проектирование и внедрение его результатов в моральную практику с целью ее совершенствования по критериям, выведенным фундаментальным этическим знанием. Определенный ряд операций, необходимый для достижения поставленной цели (технология) как конкретный результат прикладных этических исследований и разработок, выводится непосредственно из целей, декомпозирующих общие ценности коммунистической морали в соответствии с задачей, поставленной «заказчиком». Эти конкретные цели определяют поиск «информации к действию», разработку мер и способов воздействия на нравственную жизнь общества, коллектива, личности. (...)

***«Техусловия» и перспективы развития
этико-прикладного знания***

Логика развития этической науки и практический опыт управления нравственным воспитанием позволяют сделать первые заключения о перспективах развития прикладной этики и сформулировать ограничения, своеобразные «техусловия» к прикладным исследованиям и разработкам.

Прикладная этика находится в стадии становления, и пройдет еще много времени, пока она достигнет уровня развития этики фундаментальной. На этом пути новой ветви этического знания предстоит решить целый ряд проблем, из которых часть была поставлена в предыдущих разделах, другие мы попытаемся обозначить здесь. Одна из них – взаимодействие фундаментального и прикладного этического знания.

Как уже было подчеркнуто, нет автоматической связи между высоким уровнем фундаментальных исследований и их практической эффективностью. Но и результаты прикладных этических исследований, не опирающиеся на достижения фундаментальной теории, при всей своей интенсивности, не будут действительно практичными. При этом несомненна важность фундаментального знания как основы решения практических проблем. Разумеется, важен и обратный момент связи, когда сам процесс «приложения» теории является предметом

новых теоретических исследований³². Тем не менее реальное взаимодействие фундаментального и прикладного знания в рамках этики как единого научного комплекса – проблема, еще требующая своего решения.

И здесь же определим первое «техусловие». Естественное стремление к поиску специфического предмета прикладной этики, процесс определения ее границ и т. п. не должны приводить к отрыву прикладной этики от фундаментальной. Основная причина невозможности одностороннего противопоставления фундаментальной и прикладной теорий в этике заключается в том, что наука о морали несет мировоззренческое содержание, выполняющее роль метода, теории познания и практического действия.

Степень прагматичности³³ этики предельно возрастает в процессе ее движения к проблемам нравственного воспитания. Именно здесь необходимо уловить и осознать целостность науки о морали в ее прагматическом ракурсе. Подчеркивая, что научное познание воспитательной практики в целом имеет прикладную направленность, В. Момов справедливо пишет: «Даже в области фундаментальных исследований разрабатывается главным образом теория закономерностей, механизмов оптимального управления воспитательным процессом. Различные типы исследования являются элементами целостного цикла, который работает для познания и изменения объекта воспитательного воздействия – человеческой личности»³⁴.

Другая проблема заключается в таком сближении методологических и организационных проблем прикладной этики, когда выяснение роли специалиста по прикладной этике в процессе превращения этики в непосредственную производительную силу прямо связано с тем или иным пониманием самого предмета прикладной этики.

В каком же смысле понимать позицию прикладного исследователя: как посредника между фундаментальным знанием и практикой морали? Как «истолкователя» положений «чистой» теории применительно к конкретным моральным ситуациям, адресуя своего концепции

³² «Конечно, сама сфера практического приложения теории находится вне научной системы, хотя и в сфере ее исследования, – имеется в виду не только переход к практике, но и сам процесс практического приложения этической науки как основы теоретических обобщений» (Момов В. Человек. Мораль. Воспитание... С. 26-27).

³³ Эту характеристику этической теории не следует смешивать с прагматизмом, одним из направлений буржуазной философии.

³⁴ См.: Момов В. Методологические проблемы теории воспитания. – Вопросы философии. 1976, № 7, с. 30.

практике?³⁵ Как создателя, разработчика программ?³⁶ Как исследователя-проектировщика, соединяющего в себе две эти позиции, взаимодействие которых более адекватно обеспечивает функционирование цикла «наука – технология – практика»?³⁷ При этом надо еще расставить акценты для разработчиков, ибо они, по справедливому замечанию В. Н. Сагатовского, должны не только хорошо знать, что могут предложить сами, но и столь же ясно знать потребности управляющей системы и управляющего объекта.

Эти вопросы еще предстоит решить, но уже сейчас необходимо сформулировать второе «техусловие». Использование науковедческой формулы о связи науки и практики для характеристики этики не должно приводить к забвению специфики сферы приложения общей структуры познания и действия (цикл: «наука – практика») морали. В научном обеспечении процесса нравственного формирования личности содержится проблема «соавторства» этики с личностью, проблема соотношения процесса усвоения человеком этических представлений и его личного морального творчества³⁸. Стремление к прямому регулированию нравственного сознания и поведения человека силами этики не только невозможно, но и не нужно – «этика как наука не может поменять свой предмет, т. е. мораль в ее специфических социально-личностных функциях, но она может развивать эти функции, предло-

³⁵ См. критику психологизма по вопросу соотношения психологии и педагогики в кн.: *Краевский В. В.* Соотношение педагогической науки и педагогической практики. С. 59-60.

³⁶ См. точку зрения В. Н. Сагатовского об изменении парадигмы научной деятельности в эпоху НТР, когда конечные результаты науки рассматриваются как программы, управляющие достижением конечных народнохозяйственных результатов. «При таком подходе фундаментальные исследования, как и любые исследования, становятся одним из этапов в реализации комплексных научных программ, которые должны включать в себя этапы выявления потребностей общества, планирование “реакций” науки на эти потребности, исследования, проектирования и участие во внедрении полученных результатов. Современный ученый превращается из Исследователя в Генератора программ» (*Сагатовский В. Н.* Проектирование ТАСУ и некоторые фундаментальные проблемы общественных наук. – В кн.: *Фундаментальные и прикладные исследования в условиях НТР.* Новосибирск, 1978, с. 142).

³⁷ «Прикладные науки выражают подход проектировщика к своим объектам и являются прежде всего инструментом проектировочной деятельности» (*Чешев В. Е.* Критерии различения фундаментальных и прикладных наук. – В кн.: *Фундаментальные и прикладные исследования в условиях НТР.* С. 218).

³⁸ См.: *Титаренко А. И.* Структуры нравственного сознания. М., 1974, с.11-12.

жить верную ориентацию, объяснение, прогноз»³⁹.

Общая характеристика цикла «этическая наука – моральная практика» включает традиционные для общенаучного процесса познания элементы: фундаментальные и прикладные исследования, а в рамках последних – конструирование, изобретение и внедрение. Речь идет о программах нравственного воспитания, экспериментальных учебных и методических разработках, их практическом испытании и т. п. Необходимо, однако, поставить вопрос о пределах нравственного эксперимента, как это делается, например, в педагогике⁴⁰. При этом задача заключается не только в установлении запретов, но и в позитивном решении вопроса о целях и методах проведения эксперимента по управлению нравственным воспитанием.

Специфичность объекта приложения этической теории заключается в том, что мораль предъявляет определенные ограничения и на формализацию прикладных исследований, на применение в них достижений системного подхода кибернетики, математики и т. п. «Формализм в этике проявляется, в частности, и в той наивной непосредственности, с которой иногда заимствуются и пускаются в оборот понятия из различных отраслей научного знания... Мораль... в отдельных аспектах может быть адекватно описана с применением ряда новых, более строгих понятий. Однако введение их всякий раз должно быть тщательно обосновано, а его эффективность продемонстрирована в лаборатории конкретно-исторического анализа»⁴¹.

Далее, выделим проблему внедрения результатов этико-прикладных исследований. Как было уже отмечено, превращение этики в производительную силу не сводится к простому *влиянию* науки на практику, ибо такой эффект опосредованно вызывает и фундаментальная этика. Речь идет о целенаправленном и организованном управлении практикой с помощью результатов специальных исследований и разработок, о готовности науки и подготовленности практики к внедрению.

Соответственно, еще одно – *третье* – техусловие. Становление прикладной этики порождает своеобразные «болезни роста», которые необходимо суметь диагностировать, проводить их профилактику и «лечить». Среди них (а весь набор нужно еще опознать и отклассифицировать) – неадекватные претензии на достоверность знания. На на-

³⁹ Краевский В. В. Соотношение педагогической науки и педагогической практики. С. 29-31.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Утверждение активной жизненной позиции. С. 105.

чальном этапе развития прикладной этики важно осознать, что она не может быть просто слегка усовершенствованным здравым смыслом практиков. Точнее говоря, следует стремиться к тому, чтобы прикладная этика скорее ушла от этого уровня, без которого ей не удалось обойтись, выросла и доросла до науки. «Раз ограниченность молодой дисциплины осознана и учтена, эта дисциплина может иметь положительное значение»⁴².

Мы уже подчеркивали, что развитие прикладной этики выдвинет новые проблемы, в новом свете отразит проблемы уже известные. Но уже сейчас, на старте, ясны ее большая перспектива, ее научная и практическая значимость для советского общества, для формирования нового человека. Задача исследователей, развивающих новую сферу этического знания, – выполнить «социальный заказ» практики управления нравственными процессами.

**2. Идентичность прикладной этики:
между редукцией к паразитике
и сверхзаботой об этической аутентичности**

Попытаюсь выделить некоторые уроки опыта идентификации отечественной прикладной этики. Начну с цитаты: «Понятие, которое мы рассматриваем как очевидное и ясное (если вообще его рассматриваем), отнюдь не является таковым... Его внешняя понятность происходит исключительно от частого употребления. ...Оно имеет долгую и пеструю, редко вспоминаемую историю». (З. Бауман)

Цитата из работы З. Баумана, посвященной феномену свободы, значима здесь для меня в связи с «долгой и пестрой, редко вспоминаемой историей» поиска идентичности прикладной этики. До сих пор *внешняя понятность* темы этого поиска нередко возникает *исключительно от частого употребления*. Да и не грех вспомнить (или узнать?), что идея прикладной этики *имеет долгую и пеструю, редко вспоминаемую историю*, что не может не побудить исследователей к уклонению от монополистских притязаний, к рассуждению о прикладной этике в *парадигмальном* стиле, к принятию факта многообразия исследовательских *концепций*.

Представленный выше текст 80-х годов XX в. – времен формирования отечественной прикладной этики как своеобразного *польдера* – предназначен не только для истории в формате «как это было», но и для профилактики рисков, с одной стороны, *банализации* природы прикладной этики, с другой – ее *односторонней* идентификации, абсолютизации роли одного из исследовательских направлений и

⁴² Шибутани Т. Социальная психология. С. 16.

умалении *других* [3].

В первом случае речь идет о пренебрежении этической идентичностью прикладных этик; о вольной-невольной их интерпретации как параморальных «правил игры», «функционально желательных стандартов поведения», «регламентов», этикетных правил и т.д. О пренебрежении или некритическом использовании философской этики, положения которой просто *накладываются* на профессионально-этические проблемы, механически апплицируются. Правда, пренебрежении во многом вынужденном: философская этика *делегировала* задачу развития прикладных этик профессиональным сообществам в различных сферах человеческой деятельности и исследователям профессиональных этик, исключив прикладные этики – полностью или частично – из сферы этики как науки о морали. Делегировала, не желая «поступаться принципами»? Заботясь о чистоте своего статуса? Может быть, из-за неосознаваемой скромности – ей просто нечего было предложить именно по критериям *приложения*? Уклонилась от бремени из-за излишней доверчивости специалистам в сфере частно-научного знания? В любом случае, «умыв руки», отказавшись даже от этической критики результатов этих специалистов, этика пожертвовала адекватностью норм так называемых прикладных этик (моралей) сущностным признакам морали: при нормативном редукционизме трудно проектировать нормы прикладной этики (морали) как собственно моральные регулятивы.

Но «аутентичная прикладная этика» – не «параэтика», и она в не меньшей мере, чем этика общая (общеобщественная, универсальная и т.д.), является моралью уже потому, что предполагает свободу выбора. Выбора собственно морального. Возможность выбирать, способность выбирать и субъекта, которому можно доверить выбор. Выбор мировоззренческого масштаба и выбор поступка.

Во втором случае можно говорить скорее о сверхзаботе об *этической* идентичности прикладной этики. Речь идет об ограничении этой, весьма важной, заботы критериями философской этики. Отсюда и ограниченные образы-модели прикладной этики, которые готовы принять и продвигать лидеры отечественного этического знания. На мой взгляд, такие рискованные последствия создаются неотрафлексированностью разницы между *практичностью* и собственно *приложением* и, более того, намеренным отождествлением этих характеристик. В итоге такого отождествления – возможная банализация *приложения* как проблемы. В том числе неизбежные с позиций философской этики запреты методологического плана, табуирование инноваций в этическом знании, привносимых прикладной этикой. В том числе, априорный скепсис в отношении целого ряда важных во-

просов.

Оправдано ли методологически выявление возможности и необходимости специфической – прикладной – структуры этики и определение ее статуса путем распространения на систему этики дихотомии фундаментального и прикладного аспектов теоретизирования?

Распространяется ли характеристика «этика – практическая философия» на сформировавшиеся намного позднее этой метафоры нормативно-ценностные подсистемы? Совместимо ли с форматом «этика как практическая философия» современное представление об иницируемом социальными институтами целенаправленном воздействии этического знания на практику нравственной жизни?

Допускает ли эта формула привнесение в этику, привычно определяемую в качестве *философского* знания, языка и смыслов ряда характеристик современной методологии, таких, например, как *проектно-ориентированное знание*? Санционирует ли разработку и применение современных технологий *приложения* (в отличие от *наложения*) – кроме веками практикуемого кейс-стади (скорее в жанре *казуистики*) – моделирования, проектирования, экспертизы и т.п.?

За прошедшие годы в восприятии профессионального сообщества идентификация инновационной парадигмы прикладной этики как *ереси* постепенно угасла. Более того, эта парадигма вошла в период академической легитимации и обрела статус теперь уже *законной планеты* «в кругу исчисленных светил». Но, во-первых, амбициозность нашего направления не убавилась. И, во-вторых, непреходящее стремление к новым достижениям и сохранение установки на *проектирование* биографии направления предполагают анализ уроков пройденного пути.

В том числе и его первых шагов.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть первая). Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2011.
2. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть вторая). Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2012.
3. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень: ТюмГНГУ, 2007.
4. *Бакштановский В.И.* У истоков концептуальной автономии инновационной парадигмы прикладной этики // Университет – центр

формирования и воспроизводства этики профессии. *Ведомости прикладной этики*. Вып. 46. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. С. 210-252.

5. *Бакштановский В.И.* Этико-прикладное знание: исследования, разработки и внедрение // *Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования*. Новосибирск: Наука, 1980. С. 166-205.

6. *Парадигмы прикладной этики*. *Ведомости*. Вып. 35, специальный / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009.

SUMMARY

Section: THEORETICAL SEARCH

Prokofiev, A. V. The Autonomy of a Professional and the Autonomy of a Profession 9

The paper analyses a connection between two types of autonomy in professional ethics: the autonomy of a professional and the autonomy of a profession. This research aims at shaping the theoretical context of a discussion on the essence of the authority that a professional community (association) has over its members. The paper was inspired by the request of some Russian professional association for an expert evaluation of a hard case pertaining to the expulsion of its member who violated its ethical code. The analysis is based on the so called 'optimistic view of professionalism as an occupational value' (J.Evetts). This approach identifies professionalism with a special way of employing knowledge and skills that requires a high level of independence from clients and different controlling institutions of society. This dimension of a professional labor is often named 'professional autonomy'. Professional autonomy can be exercised only provided that clients and society trust individual professionals. Their trustworthiness can be ensured by professionals themselves or rather their communities that implant in their members the ideal of service to common good, devise ethical demands regulating professional practice, and control ethical compliance. In order to save all advantages of professional expertise and professional performance, a professional community (association) should be granted a high level of independence from social control. The autonomy of a profession is the basis of the autonomy of an individual professional. Though optimistic view of professionalism is generally true, we have to take into account some criticisms leveled at it and add to institutional measures of securing the autonomy of professions some mechanisms of institutionalized social distrust in professional communities (associations).

Key words: morality, professional ethics, autonomy of a professional, autonomy of a professional community (association), E.Freidson.

Tulchinskii Grigorii. Applied ethics and new models of society 30

Applied ethics is experiencing a powerful challenge these days, which is connected with the need to overcome disunity and mistrust in modern society. The article contains consideration of the possibilities for harmonizing of the value-normative diversity. Particular attention is paid to the opportunities which are associated with modern digital communication technologies.

Key words: applied ethics, blockchain, internet, social networks, society, trust.

Apressyan Ruben. Applied ethics:

tradition, precursors, precedents 41

A review of some old, dated back to the last third of the 19th century and almost forgotten cases of applied ethics shows long historical duration of applied ethics and enables to distinguish its continuity with traditional moral philosophy, which included not only general principles of behavior, but also principles aimed to guide human activity in partial forms of practice, like the ones related to politics, economy, household, and family. Google Books Ngram Viewer provides interesting (though not systematized) material in the history of applied ethics representing some tendencies in advancement of applied ethics at the level of its particular disciplines. At the same time, the excavation of the 'old' applied ethics helps to distinguish innovative features in contemporary applied ethics, which is not limited to localization of normative ethics propositions, which is based on the analysis of particular kinds of practical activity and employs methodological and analytical potential accumulated in philosophical ethics.

Key word: applied ethics, history of applied ethics, tasks and methods of applied ethics, moral philosophy.

Perov Vadim. What professions need professional ethics? 51

The article is devoted to the definition of specific characteristics of professions in which the need for the formation of professional ethics exists. The problems of "self-identification" of applied and professional ethics, as well as the issues of their correlation, are one of the most significant for the contemporary situation of ethical knowledge. As a result of the research, possible ways of relationships between applied and professional ethics were identified: the existence of relatively independent professional ethics in relation to applied ethics; the existence of professional ethics, which are the basis of applied ethics; applied ethics which exists without regard to professional ethics; professional ethics as having no strict correspondence in applied ethics. The article notes that currently there is an increase in the number of theoretical and empirical research in the field of professional ethics, and also professional ethics acquires the character of normatively formalized practical requirements for professional activity. In the course of the study, ethical requirements are analyzed, which are formulated in some professional standards in the Russian Federation, as well as the provisions of a number of codes of professional ethics. As a result, a number of features were revealed which are characteristics of "ethical-oriented" professions: the orientation of professional activity towards social values, the existence of internal moral attitudes; the pres-

ence of external moral expectations on the part of society; the existence of a moral conflict of decision-making in the conduct of professional activity, personalism of professional activity; the emergence of specific hierarchical relationships within the profession; the existence of autonomous adoption procedures in the profession; the presence within the professions of organizational structures that contribute to the maintenance of professional ethics. The article notes that these characteristics are not only descriptive, but also normative characteristics of "ethical-oriented" professions.

Key words: applied ethics, professional ethics, ethical codes, professional standards, ethical conflicts, ethical-oriented profession.

Zhukova Svetlana. To the question of the applied ethics transdisciplinary character 67

The article attempts to consider the correlation of the characteristics of modern applied ethics and transdisciplinarity, which is constituted in post-non-classical science. It is shown that transdisciplinary projects necessarily include a moral and ethical component, presuppose a responsible choice. In turn, solving the problems of applied ethics requires a transdisciplinary interaction of different types of knowledge and practical experience. The need for research on transdisciplinarity for the development of the methodology of applied ethics is recognized.

Key words: applied ethics, social and moral collisions, applied ethics institutions, post-non-classical science, methodology, transdisciplinarity, responsible moral choice.

Sychev A.A. Environmental ethics in Russia: development and prospects 79

The article describes the history and discusses the prospects for the development of environmental ethics in Russia. The author analyses the preparatory stage of the development of some ideas about nature which laid the foundation for Russian environmental ethics (the end of the 19th century - the end of the 20th century). In this framework the ideas of V. Soloviev, L. Tolstoy, P. Kropotkin, V. Vernadsky are considered. The 1980s are shown as the period of the emergence of environmental ethics as a separate academic discipline (first monographs, manuals, courses, organizations). The boundary of the XX – XXI centuries was the periode of its institutionalization, during which it has been put in the global context of the development of applied ethics. The author suggests that in the future the center of crystallization of the new image of environmental ethics will be the precautionary principle, which assumes not the maximization of benefits, but the minimization of morally significant risks. In a sense, this implies a return to the past: to the ideas that have arisen in the traditional

peasant community, which faced the challenges of survival (like all humankind today). «Ethics of survival» was originally a system of traditional agricultural norms and rules, which seriously influenced the development of Russian philosophy and culture. The author assumes that within this context Russian environmental ethics is able to acquire its own specificity and make its original contribution to the world's ethical thought.

Key words: environmental ethics, history of ethics, precautionary principle, ethics of survival

Razin A.V. The Basic Ethical Programs and Decision-making in Biomedical Ethics 91

The article discusses the target programs of medical care that are possible and necessary at the present stage of the society development. They relate to the principles of bioethics and basic ethical theories. It is shown that certain principles of bioethics contradict each other. To resolve these contradictions requires an appeal to the conditions of application of certain principles, reflection from the point of view of fundamental ethical approaches, primarily utilitarianism and absolutism, as well as working out the decision-making procedure.

Key words: ethics, bioethics, program, principles, utilitarianism, absolutism, euthanasia.

Column of academician A.A.Guseynov

Guseynov A. A. Ethics of science 103

This paper is the generalized ethics' sketch of science as one of branches of application-oriented ethics. It is represented in the paper that the extension of the moral experience connected to science as the public formation and the establishment of ethics of science as a special branch of knowledge represents the dual process. Special attention is paid to the analysis of the basic virtues of the scientist (prohibitions of falsification and plagiarism) which are at the same time the indicators of its good quality and also the ethical restrictions of scientific activities dictated by the principles of humanity and public safety. This paper is devoted to the anniversary of Professor V.I. Bakshtanovsky which name is inseparably linked with the development of application-oriented ethics.

Key words: Ethics. Science. Falsification. Plagiarism. Nyurenbergsky code. Paguoshsky movement. R. Merton.

Section: UNIVERSITY MISSION

Sogomonov Alexander. "Sustainable University"

(vision, problems and current trends) 117

Current transformation of higher education and universities for sustainable development is under the consideration. Creating visions of the future of

the sustainable university we face the necessity of crucial changes in mission and meanings of the higher education, global and local roles of the universities. The future is unpredictably linked to metadidactics and institutional shifts. The UN decade of sustainable education (2004-2015) shows the challenges of holistic pedagogy, cross-cultural models and new university applied ethics. Among the main trends are: (a) renewal of programs, (b) institutional retrofit, and (c) glocal university as a concrete-utopian model for the sustainable future.

Key words: sustainable university, sustainable development, universities retrofit, university mission and strategy, curricula and university responsibility, glocal university

Bogdanova, M. V. The ethos of the university: the distinctive feature of identity or artifact of cultural memory? 134

An attempt to consider the potential of an ethos of the university as a factor of its identity is undertaken in this paper. Intensive structural and organizational transformations of a domestic university strengthen the value conflicts in its socio-cultural scope where the mismatch of values of a profession of Professor becomes aggravated (the Professor is not only the owner of the similar diploma, but in general the professional occupied with scientific and educational activities here) and a value trend of university reforms. The professor's choice of valuable reference points of the activity: either out of, or in boundaries of values of an ethos of the university – defines an institutional self-identification of the university.

Key words: ethos of the university, choice situation, professor, transformations of the higher school

Viktoruk Elena N., Moskich Yury N. Motivation for student success today: bet on internal resources 143

The article examines the space of the university as a field of application of forces of applied ethics. The analysis of changes in the characteristics of the ethics of success in modern society is carried out. Factors of influence on the values of the younger generation and their differences from older generations are considered. The study of values and motivations for success and their hierarchy of the university students of Krasnoyarsk was performed. The technique of psychological diagnosis of the students motivations for success proposed by S.A. Pakulina was used. A small number of the dominant "internal" motivations to achieve the success, such as "a favorite work", successful achievement of the desired goal, self-realization and self-satisfaction were found out. The least attractive motifs of successful activity for them is external success: to have their own business, the need to command, influence other people make decisions for them, to have their own business. A detailed analysis of the detected

priority of the internal motivations of personal success and of its conformity with modern trends of modernization of the Russian society and education was carried out.

Key words: modern education, modernization, the values and motivations for success, the internal and external motivation types of success, the ethical problems of success, the psychology and sociology of success, global challenges.

Section: ECUMENE OF APPLIED ETHICS

***Alekseeva Irina Yu. Do Historians Need an Ethical Code?* 157**
 Recently the idea to create the code of professional ethics was put to the agenda by Russian historians. The author of the article deliberates this idea taking into consideration experience of research in general problems of applied and professional ethics. The author pays attention to "Statement on Standards of Professional Conduct (updated 2017)" adopted by American Historical Association. The issue of cultural status of historian's ethics is examined in the context of Vladimir Ivanovsky theory of cultural systems.

Key words: professional ethics, applied ethics, ethics of historian, ethical code, theory of cultural systems.

***Kazakov Yuri V. The embankment of incurable and the time of unrecoverable. About skeletons in the cupboards – and not coming fashion* 178**

The prerequisites, the beginning (the 90th of the 20th century) and the modern situation of a professional and ethical institutionalization of domestic journalism are analyzed in the paper. Two types of journalism from the point of view of a profession mission are considered: old (Soviet) and younger generation of journalists of the 1990th. Turning to the experience of project activities for the cultivation of professional and ethical reference points of a profession, the author shows a contradiction: on the one hand, the recognition by journalists of the significance of professional and ethical reference points, with another – their pragmatic attitudes in practical activities which are not connected to ethics of a profession. The potential of the document "The Media Ethical Standard of Public Board according to Complaints to the Press" defining the main standards of a journalistic profession by which the Board is guided when reviewing complaints is analyzed.

Key words: applied ethics, self-regulation of a profession, the media ethical standard, a professional and ethical institutionalization, board according to complaints to the press.

Abilkenova Valeriya. Institutes of dualism regulation of professional and corporate ethics in journalism

(the analysis of practical experience) 198

In a situation of requirements' dualism of professional ethics of the journalist and corporate ethics of the organization, the journalist appears before the moral choice and need of self-determination to this or that standard and the value subsystem. An important role in such situation is played by tools of institute of self-regulation which the journalist can apply.
Key words: self-regulation, ethical code, dualism, corporate ethics, professional ethics of the journalist, standard and valuable subsystem.

Belyaeva Elena. Applied sociology and applied ethics: relationship of values 206

Striving for scientific certainty as an ethical position in sociological research does not prevent their axiological character. Studies in the sociology of morality and in the sociology of job not only come from certain matrices of moral values, but also have moral consequences. Applied sociological research is also ethical-applied.

Key words: Applied ethics, applied sociology, values

Section: FROM THE HISTORY OF INNOVATIVE PARADIGM

Bakshtanovsky Vladimir I. In search of identity of ethic and application-oriented knowledge: at dawn of an innovative paradigm of applied ethics 215

The experience of self-identification of domestic applied ethics in the period of its formation (the beginning of the 80th of the 20th century) in its correlation with an actual situation is considered in this paper. There is a subject of identity formation of ethic and application-oriented knowledge in the forefront. And the matter of the application-oriented ethics' nature is still discussed. The research of specifics of fundamental and application-oriented aspects' interaction did not achieve its progress in ethical knowledge. The reflection of a paradigm diversity of application-oriented ethics and etc. requires the continuation of study. For the characteristic of an applied ethics' mission – unlike a philosophical reflection of new problems of the moral practice – the idea of special function of ethic and application-oriented knowledge as the peculiar productive force in the formation of public processes, normative and valuable systems becomes actual. The republication of article's fragments of V.I. Bakshtanovsky "Ethic and application-oriented knowledge: researches, development and implementation"(1980) was undertaken for this purpose. The conclusion about risks of identity search on the present stage of applied ethics between its reduction to paraethics and supercare of ethical authenticity is formulated

as actual among lessons of the first experience in the identification of domestic applied ethics at a stage of its formation.

Key words: applied ethics, identity of ethic and application-oriented knowledge, fundamental and application-oriented knowledge in ethics, ethics as a peculiar productive force.

Авторы выпуска

Абилькенова Валерия Анатольевна, к.с.н., ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ, Тюменский индустриальный университет (ТИУ); доцент кафедры истории и теории журналистики ТюмГУ; Kabvaleriyua@mail.ru

Алексеева Ирина Юрьевна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН; ialexeev@inbox.ru

Апресян Рубен Грантович, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник, руководитель сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; apresyan@mail.ru

Бакштановский Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ; priclet@tsogu.ru

Беляева Елена Валерьевна, к.ф.н., доцент, Белорусский государственный университет (БГУ); bksisa@rambler.ru

Богданова Марина Владимировна, д.с.н., главный научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; etika2@tsogu.ru

Викторук Елена Николаевна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой философии, социологии и религиоведения ФБГОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; eviktoruk@yandex.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, научный руководитель Института философии РАН; guseinov@iph.ras.ru

Жукова Светлана Петровна, ст. преподаватель, кафедра философии культуры, Белорусский государственный университет (БГУ); svetlanazhukov@yandex.by

Казakov Юрий Венедиктович, к.с.н., Общественная коллегия по жалобам на прессу РФ; jukazakov@gmail.com

Москвич Юрий Николаевич, к.физ.-мат.н, проф., зам. проректора по науке и международной деятельности ФБГОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; yumoskvich@mail.ru

Перов Вадим Юрьевич, к.ф.н., доц., зав. кафедрой этики Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет; vadimperov@gmail.com

Прокофьев Андрей Вячеславович, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; avprok2006@mail.ru

Разин Александр Владимирович, д.ф.н., проф., зав. кафедрой этики философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова; razin54@mail.ru

Согомонов Александр Юрьевич, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; sogi@mail.ru

Сычев Андрей Анатольевич, д.ф.н., проф.; кафедра философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; sychevaa@mail.ru

Тулчинский Григорий Львович, д.ф.н., проф.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, заслуженный деятель науки РФ; gtul@mail.ru

List of authors

Abilkenova, Valeriya Anatolievna, Candidate of sciences (PhD) in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); Kab-valerya@mail.ru

Alekseeva, Irina Yu., DSc in Philosophy, Leading Research Fellow in Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow; iaalexeev@inbox.ru

Apressyan, Ruben Grantovich, Dr., Professor, Chief Research Fellow, Head, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); apressyan@mail.ru

Bakhtanovsky, Vladimir Iosifovich D.Sc., Professor, Director of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); priclet@tsogu.ru

Belyaeva, Elena, Candidate of sciences (PhD) in Philosophy, Belarusian State University; bksisa@rambler.ru

Bogdanova, Marina Vladimirovna, D.Sc. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); etika2@tsogu.ru

Viktoruk, Elena Nikolayevna, D.Sc., Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Religious Studies in Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, the city of Krasnoyarsk, Russia; eviktoruk@yandex.ru

Guseynov, Abdusalam Abdulkерimovich, D. Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, RAS Institute of Philosophy; Chief Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); guseynov@iph.ras.ru

Zhukova, Svetlana, Senior Lecturer, Belarusian State University; svetlanazhukov@yandex.by

Kazakov, Yuri V., Candidate of sciences (PhD) in Sociology, Public Collegium on Complaints against the Press of the Russian Federation; jukazakov@gmail.com

Moskvich, Yuri N., Candidate of Physics and Mathematics, Professor, Deputy Vice-Rector for Science and International Activities of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia; yumoskvich@mail.ru

Perov, Vadim, PhD, docent, Head of Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, vadimperov@gmail.com

Prokofiev, Andrey Vyacheslavovich, D.Sc., Professor, Leading Research Fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy RAS; Lead-

ing Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); avprok2006@mail.ru

Razin, Aleksandr Vladimirovich, D.Sc., Professor, Head of Department of Ethics, faculty of philosophy, Lomonosow Moscow State University; razin54@mail.ru

Sogomonov, Aleksander Yuriyevich, Ph.D. in Historical Sciences, senior researcher of the Institute of sociology, Russian Academy of science; leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); sozi@mail.ru

Sychev, Andrey Anatolievich, D.Sc., Professor, Department of Philosophy at National Research Mordovia State University; sychevaa@mail.ru

Tulchinskii, Grigorii, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Applied Political Science, National Research University «Higher School of Economics» - St. Petersburg, Honored Scientist of Russia; gtul@mail.ru

О журнале

Журнал «Ведомости прикладной этики» учрежден Тюменским государственным нефтегазовым университетом (переименованным в 2016 г. в Тюменский индустриальный университет). С 1995 года журнал выходил под названием «Ведомости».

С 2012 года журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций под названием «Ведомости прикладной этики». Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11 декабря 2012 г. Зарегистрирован Международным центром регистрации мировой периодики: ISSN 2413-0451 (Online), ISSN 2307-518X (Печатная версия). Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 70872.

Цель журнала – дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания, продвижение научных результатов в практику. Его задачи: поддержание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях ее развития; освоение инновационной парадигмы этико-прикладного знания.

В журнале публикуются результаты теоретических и проектных исследований в многообразных отраслях прикладной этики, прежде всего – университетской (академической), инженерной, журналистской, этики воспитания. Обсуждаются отечественный и зарубежный опыт этико-прикладных инноваций, в том числе в развитии этических инфраструктур, в создании учебных пособий; актуальные проблемы университетского образования в сфере прикладной этики. Журнал издается в печатной форме с периодичностью 2 номера в год. Рукописи статей для публикации в журнале оформляются в соответствии с Правилами для авторов, разработанными редколлегией журнала. Журнал «Ведомости прикладной этики» рецензируемый (поступающие в журнал тексты статей представляются на рецензирование специалистам). Журнал ориентирован на научных работников, преподавателей, соискателей ученых степеней по прикладной этике, магистрантов, сотрудников этических инфраструктур организаций, предприятий и фирм.

Адрес редакции:

625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, каб. 351;

тел. (3452)28-30-54; e-mail: priclet@tsogu.ru;

Электронные версии:

на сайте ТИУ: <http://www.tsogu.ru/nii/ethics/zhurnal-vedomosti/>

в системе РИНЦ: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=38819>

Научное издание

**Прикладная этика
в современной России:
вчера, сегодня, завтра**

Ведомости прикладной этики
Выпуск 50

Под ред. В.И. Бакштановского

Ответственный секретарь журнала М.В.Богданова
Редактор выпуска И.А.Иванова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11.12.2012.

Подписано в печать 15.06.2017. Формат 70x100/16.
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 20,4. Тираж 500 экз. Заказ № 861.
Бесплатно.

НИИ прикладной этики ТИУ
625000, г.Тюмень, ул.Володарского, 38.
Контактный телефон (3452) 28-30-54.
E-mail: priclet@tsogu.ru

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г.Тюмень, ул.Киевская, 52.